

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

6. 2023

Церемония возложения цветов к памятнику Кайсыну Кулиеву
в День рождения Поэта – 01.11.2023 года

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Бепшаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Мотгаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакуашева
Пётр Хатуев (отв. секр.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

6. 2023 НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

УЛЫБКА КАТЕРИНЫ-УАФЭНЭХУ¹

«Истина в конце концов не остаётся скрытой».
Леонардо да Винчи, 1482

«Catelina venne...»
«Катерина пришла...»
«Катеринэ къэкӀуац...»
(запись Леонардо да Винчи, 16 июля 1493 г.,
Кодекс Форстера III)

15 марта 2023 года на книжных прилавках Италии появился фолиант объемом 528 страниц – исторический роман Карло Вечче «Улыбка Катерины. Мать Леонардо», мгновенно ставший не только ярким событием в культурной жизни Апеннин, но и мировым бестселлером, и большим успехом флорентийского издательства «Giunti». Проводимая с размахом рекламная кампания, как и многочисленные пресс-конференции во всех крупных городах Италии (в некоторых городах даже повторные), презентации, встречи, книжные фестивали и т.п. приносят свои плоды – в Италии книга стала подлинным

бестселлером и в настоящее время переиздается на многих языках мира. В России право на переиздание романа приобрела московская «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» и появление книги на русском языке ожидается в первом триместре 2024 года.

Помимо бесспорных литературных достоинств с искусным моделированием архивных документов в повествовательную форму (своего рода литературная гибридизация – docu/fiction), главной причиной успеха, центром притяжения всей истории остается незримое присутствие ее главного образа – гения человечества Леонардо да Винчи, а именно предыстория и история его появления на свет.

За день до появления романа в свободной продаже, в Италии произошла сенсация. 14 марта 2023 года в Государственном архиве Флоренции прошла международная пресс-конференция, ставшая

---

¹ Уафэнэху – Небесный свет (адыг.)

одним из самых ярких событий в истории леонардоведения. В этом представительном форуме приняли участие авторитетные ученые Италии во главе с академиком Паоло Галуцци, историком науки, «главным леонардистом страны», академиком Национальной академии наук Линчэи (Италия) и многих зарубежных академий, председателем «Государственной комиссии по рукописям и рисункам Леонардо да Винчи». Однако в центре внимания журналистов оказался профессор итальянской литературы неаполитанского университета «L'Orientale» Карло Вечче, известный ученый-леонардист, историк и писатель, волею судьбы ставший своего рода богоизбранным автором разгадки (*chi cerca – trova!*) величайшей тайны пяти столетий «за ста семью замками», связанной с происхождением загадочной Катерины, матери Леонардо да Винчи.

Об отце Леонардо – сэре Пьеро да Винчи (1426 – 1504), было известно немало. И полная противоположность – Катерина, мать гения, почти ничего. История ее происхождения, появления в селении Винчи, место рождения, национальная принадлежность – все это оставалось неизвестным. Строились догадки, гипотезы, предположения, что Катерина была итальянкой, но также, возможно, еврейкой, арабкой, славянкой, китайкой, абхазкой и т.д. Все усилия интернациональной армии леонардистов найти в архивах какие-либо сведения оставались тщетными.

Так кем же она была? Откуда?!

Именно 14 марта 2023 года на флорентийской пресс-конференции мир впервые услышал убедительный ответ буквально из глубины веков.

Речь идет о рукописном нотариальном документе, обнаруженном профессором Вечче во флорентийском архиве незадолго до коронавирусного локдауна:

«Акт предоставления свободы Катерине» («Освободительная грамота»), составленный во Флоренции, 2 ноября 1452 года, молодым нотариусом сэром² *Пьеро да Винчи*, отцом шестимесячного младенца Леонардо да Винчи (род. 15 апреля 1452 г.), где ключевой информацией о происхождении молодой женщины по имени Катерина – матери младенца Леонардо, стала строчка:

«[...] *Caterina filia Jacobi eius schlava sue serva de partibus Circassie* [...]»

– «[...] *Катерина, дочь Якуба, рабыня или служанка из Черкесии* [...]».

Эта находка, как и ее официальное, публичное признание экспертным сообществом, стала не просто неожиданной, а сенсационной новостью, и

---

² Средневековые итальянские нотариусы титуловались не «мессер», как рыцари, вельможи и высокие должностные лица, а исключительно «сэр». Только они имели право на этот титул.

в тот же день по всему миру в СМИ распространилась информация с броскими заголовками и подзаголовками:

– «Загадочная Катерина, мать Леонардо да Винчи, оказалась... черкешенкой»;

– «Ее звали Катерина, она была черкесской княжной, ставшей рабыней».

– «Она была иностранной беженкой, ее продали венецианцам».

– «Улыбка Моны Лизы – это улыбка черкешенки Катерины» и т.п.

Таким образом, таинственная «Вечерняя тайна» стала явью. «Головная боль» многих поколений исследователей, тот самый недостающий «пазл» был, в конце концов, найден, и внесена окончательная ясность в вопросе национальной принадлежности Катерины-матери. Она – черкешенка.

Гипотезы происхождения Катерины

До флорентийской пресс-конференции 2023 г. сосуществовали две основные противоборствующие гипотезы происхождения таинственной «Катерины-матери», а именно: «*Катерины – восточной рабыни*» и «*Катерины – местной флорентийской крестьянки*» (Caterina di Piero Lippi? Caterina di Meo di Lippo? Caterina di Antonio di Cambio? и др.). В XIX–XX вв. предпочтение отдавалось гипотезе местного происхождения с расхожим представлением «...*простой, здоровой, красивой крестьянской девушки*» (по определению отечественного историка искусства Алексея Дживелегова³).

На основании обнаруженных в архивах кадастровых записей (1427, 1451, 1458, 1459, 1469, 1487 гг.) селения Винчи, его предместья Кампо Дзеппи (Сан Панталео) и Анкьяно были проверены все молодые (а также пожилые и совсем юные) женщины с именем Катерина, которое в средневековой Италии было одним из самых распространенных. Применяя метод исключения, версия «*Катерина – местная крестьянка*» оставалась маловероятной. Таким образом, еще задолго до обнаружения «Акта освобождения» единственной правдоподобной версией, способной объяснить загадочное появление «*Катерины-матери*» в селении Винчи, а позже – в Анкьяно и Кампо Дзеппи (Сан Панталео), была «*Катерина-рабыня из далеких земель*»⁴, причем «жен-

---

³Дживелегов А. К. (1875-1952). Леонардо да Винчи. Серия Жизнь в искусстве. – Искусство, 1974, – с. 5)

⁴Ulivi Elisabetta. Su Caterina madre di Leonardo: vecchie e nuove ipotesi. – UNIVERSITÀ DI FIRENZE, 2017, – p. 22; Cianchi Francesco. La madre di Leonardo era una schiava? Ipotesi di studio di Renzo Cianchi, 2008, – p. 64;

Чирикба В. А. Загадка Катерины. Кем была мать Леонардо да Винчи? – СПб. – Питер, 2018, – с. 162.

щины хороших кровей», как о ней писал Анонимо Гаддиано, первый биограф Леонардо.

Время показало, что загадки, связанные с Леонардо да Винчи, не имеют легких разгадок. К примеру, дата рождения Леонардо да Винчи стала известна лишь в 1931 году, также благодаря архивному документу, обнаруженному Эмилем Мёллером и обнародованному лишь в 1939 году в его статье «День рождения Леонардо да Винчи» в Ежегодном сборнике прусского искусства⁵.

Государственный архив, Флоренция

Выводы на основе исследований разных лет,⁶ попытки пролить свет на происхождение «матери гения» из местных крестьянок или «восточной рабыни», оставались малодоказательными, недостаточно убедительными или вовсе несостоятельными. Требовалось документальное подтверждение, что казалось невозможным, и все же чудо произошло: 14 марта 2023 года стало достоверно известно, что «Катерина-мать» действительно была «восточной рабыней», а именно черкешенкой, адыгской женщиной.

Таким образом, из прозвучавших заявлений на флорентийской пресс-конференции и последующих интервью профессора Вечче можно вывести следующие тезисы:

– Имя «Катерина» впервые появляется лишь в 1839 г. в Сборнике писем и документов итальянских художников Возрождения (налоговая декларация Антонио да Винчи, 27 февраля 1458 г., с именами членов семьи, включая маленького Леонардо «сына упомянутого сэра Пьеро, в возрасте 5 лет, рожденного вне брака им и Катериной, в настоящее время жена Аккаттабриги ди Пьеро дель Вакка да Винчи»; декларация была записана рукой Пьеро да Винчи, не Антонио);

– Катерина, мать Леонардо, родилась в Черкесии, на Северном Кавказе; ее отца звали Якубом (Jacobi);

– Катерина была «благородных кровей» (цитата из «Биографии

⁵ Möller Emil. Der Geburtstag des Lionardo da Vinci. – «Jahrbuch der Preußischen Kunstsammlungen», LX, 1939, – p.71-75».

⁶ Uzielli Gustavo, 1872; Möller Emil, 1939; Cianchi Renzo, 1973, 1975; Alessandro Vezzosi, 2002; Cianchi Francesco, 2008; Kemp Martin, Pallanti Giuseppe, 2017; Elisabetta Ulivi, 2017; Чирикба В. А., 2018 и др.

Леонардо», написанной флорентийцем Анонимом Гаддиано или Мальябеккьяно в середине 16 века – «*Lionardo da Vinci, quantunche fussi leggitimo figliolo di ser Piero da Vinci, era per madre nato di buon sangue*»;

– Катерина (предположительно, в возрасте 12-15 лет) при неизвестных обстоятельствах оказалась в Константинополе на невольничьем рынке (за 10 лет до краха Византийской империи);

– в период Средневековья рабыни из Черкесии были очень дорогим «товаром», причем не столько из-за их красоты, воспитанности, грациозности, сколько по причине владения техникой рисунка, знаний кройки и шитья, вышивания золотом и прочего рукоделия высокого качества;

– в Константинополе Катерина была продана покупателю из Венеции – Донато ди Филиппо ди Сальвестро Натти;

– из Венеции Катерина была привезена во Флоренцию, позже она оказалась в городке Винчи;

– 15 апреля 1452 года в деревне Анкьяно (предместье Винчи, около 3 км), Катерина родила Леонардо;

– 2 ноября 1452 года, через 6 месяцев после рождения Леонардо, Катерина становится «свободной женщиной»;

– Леонардо был вторым сыном Катерины от нотариуса сэра Пьеро да Винчи; ее первый сын также от Пьеро да Винчи умер младенцем;

– в 1453 году Катерина была выдана замуж за местного крестьянина по прозвищу Аккаттабрига-задира и в дальнейшем стала матерью четверых дочерей и одного сына;

– до десятилетнего возраста Леонардо жил с матерью и отчимом;

– в 1453-1493 гг. Катерина жила в деревне Кампо Дзеппи (1,3 км от Винчи; является приходской деревней храма Сан Панталео, отсюда и второе название деревни – Сан Панталео); до наших дней сохранились «тропинки Леонардо», «дорога Катерины»;

– 16 июля 1493 г. Катерина-вдова приехала в Милан (в одиночку, верхом на осле) к своему старшему сыну Леонардо, преодолев около 350 км;

– умерла в Милане от трёхдневной малярии (лихорадки);

– похоронена в Милане, 26 июня 1494 г., в крипте церкви Сан-Франческо-Гранде – величественный храм в историческом центре города, считавшийся вторым после Миланского кафедрального собора; в 1806 году храм был снесен под строительство Королевских казарм Велити, более позднее название – «казарма Гарибальди»; точное место захоронения Катерины утрачено; в 2015 г. здание казармы Гарибальди стало собственностью Католического Университета Святого Креста; в настоящее время там проводятся ремонтно-

---

реставрационные и поисковые работы; обнаружены своды подземной часовни Непорочного Зачатия (La cappella dell'Immacolata Concezione) и некоторых захоронений под алтарной частью, среди которых может находиться и могила Катерины (n.b. – для алтаря этой часовни Леонардо да Винчи была написана «Мадонна в скалах» в 1483-1486 гг.; используя большой связи и авторитет в Милане, он мог договориться с настоятелем храма о почетном захоронении матери именно под алтарем часовни Непорочного Зачатия, фактически под его картиной «Мадонна в скалах»).

Карло Вечче: подробности, новые факты из жизни Катерины⁷

В 2019 году, незадолго до коронавирусного локдауна, профессор Вечче занимался подготовкой к изданию «Giunti» юбилейного тома «Библиотека Леонардо».

«В архиве Флоренции, во время изучения реестра нотариуса сэра Пьеро да Винчи, я случайно наткнулся на один им лично записанный документ. Уникальный. Это был тот самый акт освобождения «*Катерины, дочери Якуба из Черкесии*». В документе я заметил одну странную особенность. Обычно, когда речь шла о рабах, то написание их отчества и места происхождения было абсолютной редкостью. В документ также вписано имя хозяйки рабыни и место составления акта: за Флорентийским собором, на улице Сант-Эджидио, в доме госпожи *Джиневры* и ее мужа *Донатто ди Филиппо ди Сальвестро Нати*. Возможно, это происходило в присутствии самой Катерины. Кстати, ее имя упоминается здесь впервые. Вероятно, ее крестили в Венеции и дали христианское имя. Особенности документа на этом не заканчиваются. Госпожа (монна) Джиневра подарила своей бывшей рабыне простыни и подушку, а также другие вещи. Это произошло 2 ноября 1452 года. Прекрасно. При этом помним, что нотариус сэр Пьеро да Винчи являлся отцом Леонардо, родившегося несколькими месяцами ранее».

Вечче начинает искать другие документы.

«Джиневра и Донато были странной парой. В 1452 году ей было сорок лет, ему – за уже семьдесят, но они поженились еще в 1449 году. Донато всю свою жизнь прожил в Венеции, где поначалу работал в сфере финансов, а затем занялся тем, что сейчас принято называть индустрией роскоши. Его рабочим персоналом были черкешенки-рабыни. Именно он, Донато, привез Катерину во Флоренцию. Именно он подарил ее Джиневре, женщине с сильным характером и из знатной семьи».

---

⁷ Карло Вечче, интервью 14 марта 2023 г. – газета Il Giornale, – URL: <https://www.ilgiornale.it/news/schiava-e-straniera-ecco-chi-era-caterina-madregenio-2126718.html> (дата обращения: 10-17 ноября 2023 г.)

Во Флоренции у нотариуса Пьеро да Винчи также был клиент, возможно, даже друг, по имени Франческо ди Маттео Каstellани, который вел дневник. Этот дневник хранится в госархиве Флоренции. В нем есть записи, подтверждающие описываемые события, к примеру, о регистрации акта освобождения Катерины 2 ноября 1452 года или рождения Леонардо 15 апреля того же года.

В дневнике также есть запись с очень ценной информацией: Катерина была нанята в дом Каstellани в качестве кормилицы его дочери Марии. Это произошло в 1450 году: Катерина была отдана «в аренду» за 8 флоринов в год, то есть за очень высокую плату. Иметь рабынь считалось роскошью. Тем не менее заплаченная цена была очень высокой. Вызывает подозрение, что также она могла быть и сексуальной рабыней. Но если она была в доме Каstellани в качестве кормилицы, то, значит, она родила незадолго до этого.

Речь идет о старшем брате Леонардо по имени *Пьер Филиппо*, который умер во младенчестве, и отцом которого также был нотариус сэр Пьеро да Винчи. К сожалению, более подробные сведения к настоящему времени не обнаружены.

Современный научно-технический музей Галилея во Флоренции располагается в бывшем палаццо Франческо Каstellани, где, вероятно, произошло знакомство Катерины и Пьеро да Винчи, молодого доверенного нотариуса Франческо Каstellани, Джиневры и Донато Нати.

Их сын Леонардо родился от внебрачного союза иноземной рабыни и свободного человека, тем не менее, он родился свободным человеком, потому что во Флоренции ребенок наследовал статус отца. А сэр Пьеро да Винчи был свободным человеком.

Дальнейшие исследования выявляют как взаимосвязь событий, так и незримое присутствие самого Леонардо.

Вечче: «Донато часто обращался к сэру Пьеро да Винчи с целью вернуть часть своих активов, удерживаемых Венецианской республикой. В 1476 году он составил завещание, согласно которому все свое имущество он передавал монастырю Сан-Бартоломео в Монте-Оливето, недалеко от Порта-Сан-Фреддиано. И именно для этого монастыря Леонардо была написана его первая живописная работа – «Благовещение» (1472-1475 гг.), которая в наши дни хранится в галерее Уффици. [...] В этой картине отражены воспоминания Катерины.

Самой увлекательной и загадочной деталью является пейзаж. Что же там можно увидеть? Очень высокую гору, внизу – море, пролив, город-порт. Корабли всех типов написаны очень тонкой кистью, они почти невидимы, но при этом прекрасно детализированы. Откуда этот пейзаж? Возможно, Катерина рассказывала своему сыну о родных местах своего отрочества в древней Кабарде, о двуглавом Эльбрусе, Кисловодском плоскогорье. О земле, где живут черкесы разных племен, а

Кабарда является частью Черкесии. Это родной край Катерины. Если гора символизирует Кавказ, то город – это венецианская колония Тана, пункт отправления кораблей работорговцев. В наши дни он не существует.

Предпоследний этап – Винчи. Через год сэр Пьеро возвращается во Флоренцию, женится, но также выдает замуж и Катерину, найдя ей мужа

Винчи, церковь Святого Креста (в 1452 г. в стенах этого храма был совершен обряд крещения младенца Леонардо)

– крестьянина Антонио Бути, известного под прозвищем «Аттакабрига-Задира». Историография слишком сурово отнеслась к сэру Пьеро. По этой истории находят новые документы. В действительности в Винчи жили бабушка и дедушка Леонардо, его дядя Франческо, а затем появились сестры, рожденные от брака Катерины и Антонио. А когда семья переехала во Флоренцию, после смерти деда Антонио, сэр Пьеро внимательно следил за воспитанием сына, пытаясь защитить его, и отправил на учебу в мастерскую Андреа дель Верроккьо.

Леонардо прожил с матерью десять лет. Что рассказывала ему Катерина, какие сказки, какие пела ему песни и на каком языке? Вероятно, мать плохо говорила на местном диалекте. Ребенок учился у бабушки Лючии и дедушки Антонио, у дяди Франческо и у сестер. Когда умер дедушка, все переехали во флорентийский дом к Пьеро. Леонардо говорил на флорентийском простонародном диалекте, к тому же с деревенским колоритом. Язык он изучал на улицах.

Возвращаясь к первоначальному вопросу: что могла дать Катерина Леонардо? Давайте предположим. Дух абсолютной свободы, который мы видим в научных исследованиях Леонардо. Любовь к природе, Катерина пришла из мира, где царствует природа; лошади и птицы для черкесов являются символами свободы, и сколько раз Леонардо их писал или рисовал? Его способность к рисованию могла передаваться по материнской линии. В конце концов, почему Леонардо является таким всеобъемлющим, универсальным? Потому что он принадлежит к разным цивилизациям и осознает это. Более того, мы всегда оказываемся под его чарующим воздействием, и здесь следует добавить: улыбка на женских образах Леонардо, по мнению Зигмунда Фрейда, это отголосок улыбки Катерины.

Чем заканчивается история Катерины? Об этом косвенно рассказал

сам Леонардо. В одном из карманных блокнотов миланского периода есть запись, сделанная красным карандашом, где можно прочитать – Милан, 16 июля 1493 года: Катерина приехала в город. Мать, овдовевшая и одинокая, воссоединяется с сыном. Некоторое время они живут вместе. Леонардо покупает ей зимнюю одежду. В одном из кодексов художник составляет список расходов, понесенных на похороны своей матери, умершей от малярии. Общая сумма 120 сольди: Леонардо организовал похороны Катерины как знатной госпожи. Он похоронил ее в церкви Сан-Франческо-Гранде, которая была снесена в девятнадцатом веке, чтобы освободить место для казарм Гарибальди. Для часовни «Непорочного зачатия» в этой церкви Леонардо написал «Мадонну в скалах».

Финальный поворот: «Некоторое время назад Католический университет приобрел эту казарму в собственность и, прежде чем все восстановить, провел там частичные раскопки. Была обнаружена та самая часовня, о которой идет речь, где даже частично сохранилось убранство – над «Мадонной в скалах» было голубое небо с золотыми звездами. В одном мешке были обнаружены человеческие останки. Мы не можем сказать, принадлежат ли они Катерине, этого мы никогда не узнаем».

О судьбе Катерины после освобождения из рабства...

В XV веке селение Винчи представляло собой *«десяток-другой домов, лепившихся вокруг старинной башни Кассеро»*, еще меньше был Анкьяно (место рождения Леонардо) и Сан Панталео – крохотное предместье, где после рождения Леонардо сорок лет прожила Катерина (1453-1493 гг.), и которая после получения свободы (1452 г.) была выдана замуж в 1453 г. по воле главы семьи Антонио да Винчи (1371/76 – 1458/62, дед Леонардо) или самим Пьеро да Винчи, едва ли не за «первого встречного». Им оказался местный мужчина-кирпичник, известный под прозвищем «Аккаттабрига-задира / скандалист», в прошлом служил наемным солдатом, а частью фамилии «задиры» было даже слово – «корова» / «vassa» (полное имя – Antonio di Pietro Buti del Vacca). В некоторых документах ее имя пишется как «Caterina del Vacca». Также известно, что Катерина стала матерью пятерых детей от «Аккаттабриги» (Пьера, Мария, Лизабетта, Франческо и Сандра), однако в 1493 г. шестидесятилетняя Катерина оставила всех родных и верхом на осле уехала умирать в Милан к своему старшему и самому любимому сыну, к Леонардо, в одиночку преодолев опасную дорогу в 350 км. Годы жизни Катерины, дочери Якуба: 1427 / 1434 (?) – 1494) прожила около 60-67 лет.

О Леонардо да Винчи, начиная с XV века, написаны тысячи книг. К середине прошлого века библиография литературы насчитывала

более трех тысяч названий (преимущественно западноевропейских, русских / советских, американских и японских ученых). Из наиболее авторитетных зарубежных авторов следует вспомнить Джорджо Вазари, Уэльли Густаво, Мёллер Эмиль, Чанки Ренцо, Кёртис Билл Пеппер, Галуцци Паоло, Вечче Карло, Алессандро Вещози, Кемп Мартин, Уливи Элизабетта и др.

Среди выдающихся отечественных историков-леонардистов почетные места занимают труды таких ученых и писателей, как Дмитрий Сергеевич Мережковский, Дмитрий Власевич Айналов, Василий Павлович Зубов, Алексей Алексеевич Гастев, Леонид Михайлович Баткин, Евгений Михайлович Богат, Алексей Карпович Дживелегов, Татьяна Кирилловна Кустодиева и др. Их труды следует читать!

Несколько отрывков о Леонардо и Катерине:

Мережковский Д. С. «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи» (1900 г.)

«[...] Учитель не позволяет, чтобы причинялся какой-либо вред животным тварям, даже растениям. Механик Зороастро да Перетола рассказывал мне, что Леонардо с юных лет не ест мяса и говорит, что придет время, когда все люди, подобно ему, будут довольствоваться растительной пищей, полагая убийство животных столь же преступным, как убийство человека.

Проходя однажды мимо мясной лавки на Меркато Нуово и с отвращением указывая на туши телят, овец, быков и свиней на распорках, он сказал мне:

– Да, воистину человек есть царь животных, или, лучше сказать, царь зверей, потому что зверство его величайшее. И помолчав, прибавил с тихой грустью: – Мы делаем нашу жизнь из чужих смертей! Люди и звери суть вечные пристанища мертвецов, могилы один для другого...

– Таков закон природы, чью благодать и мудрость вы же сами, учитель, так прославляете, – возразил Чезаре. – Я удивляюсь, зачем воздержанием от мяса нарушаете вы этот естественный закон, повелевающий всем тварям пожирать друг друга.

Леонардо посмотрел на него и ответил спокойно:

– Природа, находя бесконечную радость в изобретении новых форм, в созидании новых жизней и производя их с большею скоростью, чем время может истребить, устроила так, чтобы одни твари, питаясь другими, очищали место для грядущих поколений. Вот почему нередко посылает она заразы и поветрия туда, где чрезмерно размножились твари, в особенности люди, у которых избыток рождений не уравновешен смертями, ибо остальные звери не пожирают их.

Так Леонардо, хотя с великим спокойствием разума объясняет естественные законы, не возмущаясь и не сетуя, но сам поступает по

иному закону, воздерживаясь от употребления в пищу всего, что имеет в себе жизнь».

«[...] Он умолк; струны лютни и виолы замерли, и наступила та тишина, которая прекраснее всяких звуков, – тишина после музыки. Только струи фонтана журчали, ударяясь о стеклянные полушария.

И как будто убаюканная музыкой, огражденная тишиною от действительной жизни – ясная, чуждая всему, кроме воли художника, – мона Лиза смотрела ему прямо в глаза с улыбкою, полною тайны, как тихая вода, совершенно прозрачная, но такая глубокая, что сколько бы взор ни погружался в нее, как бы ни испытывал, дна не увидит, – с его собственною улыбкою.

И Джованни казалось, что теперь Леонардо и мона Лиза подобны двум зеркалам, которые, отражаясь одно в другом, углубляются до бесконечности».

«[...] Леонардо помнил мать, как сквозь сон, в особенности ее улыбку, нежную, неуловимо скользкую, полную тайны, как будто немного лукавую, странную в этом простом, печальном, строгом, почти сурово прекрасном лице. Однажды во Флоренции, в музее Медичейских садов Сан-Марко, увидел он изваяние, найденное в Ареццо, старинном городе Этрурии, – маленькую медную Кибелу, незапамятно древнюю Богиню Земли, с такою же странною улыбкою, как у молодой поселянки из Винчи, его матери».

Гастев А. А. «Леонардо да Винчи» (ЖЗЛ)

«[...] Так или иначе, большинство людей неожиданности подстерегают подобно разбойникам, скрывающимся в кустах у обочины и появляющимся внезапно. Когда с помощью слуги, принесшего фонарь, Леонардо расседлал и завел лошадь в стойло, он увидел, что место рядом, обыкновенно свободное, занято и находящийся там осел жует сено, а его бока, не остывшие, видно, с дороги, мокры и кучерявятся. Слуга сказал Мастеру, что приезжая, назвавшаяся Катериною, ожидает его в доме и что она из Тосканы. Так после более чем одиннадцатилетней разлуки Леонардо внезапно встретился с тою, в чьем родительском лоне созрел, когда, по его выражению, одна душа управляет двумя телами, испытывающими одно желание, одно вожделение и один страх на двоих, и каждая душевная боль так разделяется.

16 июля. Кателина приехала 16 числа, июля 1493.

Он сделал эту запись поверх другой, почти стершейся, красным карандашом в книжке, величиной в ладонь. Из-за рассеянности

---

⁸ Гастев А. А. Леонардо да Винчи / Жизнь Замечательных Людей. – Москва: Молодая гвардия, 1982, – с. 32-33.

и волнения Леонардо не увидел, что прежний почти полностью стершийся текст оказался под свежую запись перевернутым; также произвольное *Кателина*, как произносит простонародье в Тоскане, свидетельствовало о сильном волнении, когда многое погрузившееся на дно и затянутое тиной времени всплывает в воображении.

Слух о близкой родственной связи между Мастером и гостьей, непонятным образом распространившийся в течение ночи, к утру укрепился, еще и расцветившись подробностями. Ученик, всегда недовольный и всех без разбору осуждающий, сказал другому ученику:

– Невозможно поверить в благородное происхождение этой приежжй, поскольку выглядит она деревенщиной.

Тот, к кому обращались, преданный Мастеру, ему возразил, говоря, что лицо у нее белое, как у синьоры, и в движениях видно изящество [...]».⁸

Нардини Бруно «Жизнь Леонардо». [...] «Катерина»

«В день 16 июля. Катерина пришла в день 16 июля 1493 года».

Краткая, сухая запись. Но Фрейд справедливо замечает в ней одну странность: повторенные дважды день и месяц как результат внутреннего волнения. Леонардо допустил этот повтор не по рассеянности, как может показаться. Нет, это, наоборот, признак абсолютной сосредоточенности, выдающей скрытое беспокойство.

«*Пришла*» – без всяких пояснений и дополнений. Обычно об учениках и рабочих Леонардо писал: «*пришел, чтобы жить у меня*», «*пришел работать за четыре дуката в месяц*».

Этот одиночный глагол может подразумевать многое: например, пришла в Милан издалека, из Винчи. На оборотной стороне листа Леонардо перечисляет имена близких ему людей, о которых он вспомнил, когда появилась Катерина: *Антонио, Бартоломео, Лючия, Пьеро, Леонардо*⁹.

Нет, Катерина, которой Леонардо 29 января 1494 года дал десять сольди и тут же записал это в тетрадь, не была служанкой, которая делает покупки и ведет хозяйство. Это – очень дорогой ему человек, о котором он хранит красноречивое молчание [...]

Катерина, по-видимому, прибыла в Милан уже больной, либо болезнь протекала скоротечно («трехдневная лихорадка»), о чем говорят скромные расходы на врача. Но больше всего поражает в этой записи слово «погребение». Не «похороны», не «последний путь», как обычно пишут об умерших родных. Перед глазами невольно предстает унылая траурная процессия: тело усопшей в открытом гробу,

⁹ Перечисление имен близких родственников.

¹⁰ Нардини Бруно. Жизнь Леонардо. Фотокнига / перевод Л. Вершинина. Москва: Планета, 1978, – с. 299.

древко с черным флагом впереди, затем четыре священника и четыре служки, могильщики с горящими факелами – в Тоскане усопших обычно хоронили вечером, – за гробом – один-единственный человек с непроницаемым лицом – Леонардо.

Записывая расходы на похороны (123 сольди), Леонардо, быть может, вспомнил последние минуты жизни Катерины, свечи, горевшие всю ночь, сахар, подсластивший ее последний глоток воды [...].¹⁰

Несколько слов о романе...

Эпический роман «Улыбка Катерина. Мать Леонардо» можно рассматривать и как историко-романтический, и как историко-приключенческий роман «плаща и шпаги». Он написан в так называемом жанре документальной литературы / прозы («docufiction» или «docudrama»), получившем свое распространение в литературе, журналистике, кино и ТВ сравнительно недавно, в начале XXI века. Автор Карло Вечче признается, что этот роман является его первым литературным произведением со сложным сюжетом, погружающим читателя в удивительнейший, неизвестный и загадочный мир XV века, с большим количеством действующих лиц и ярких образов, при этом изложенный в виде творческой или художественной научной литературы. И этому есть объяснение. Любой научный доклад, пусть даже на самую сенсационную тему, блистательно изложенный, тщательно выверенный и проиллюстрированный, все равно останется лишь в поле зрения научного сообщества. И совсем другое дело художественная литература, изложенная легким языком, с линейным художественным пространством, драматическими событиями и основанная на богатом фактическом материале, удивительных архивных сведениях, в том числе обнаруженных в недавнее время. В этом случае есть большая вероятность, что научно-художественное произведение будет не только с интересом прочитано миллионами, но и экранизировано в жанре игрового или документального кино.

Роман состоит из 13 глав, каждая из которых названа именем конкретного человека, оказавшегося на жизненном пути Катерины. Первая глава, отрывок из которой выносится на суд нашего читателя, называется «Яков». Словно сказитель из средневековой Черкесии, князь Яков рассказывает историю своей дочери *Уафэнэху* – Небесный Свет.

Принимая во внимание, что действие романа происходит в доисламский период, когда адыги поклонялись как древним языческим богам во главе с Всемогущим Тхэ, так и Священному кресту, то после обряда крещения девочка получает свое второе имя – Катерина, в честь святой Екатерины Александрийской.

В первой главе основной задачей (даже сверхзадачей!) автора является не столько описание мира древних адыгов, сколько

сакрализации образа самой Катерины, в которой воплощается и божественное начало святой Екатерины-великомученицы, и нартский образ адыгской прекрасной Сатаней, как и осетинской божественной Сатаны, рождённой в мире мертвых своей матерью – богиней Дзерассой, матери героя Уэзырмэдж / Урызмага. Молодая мать Катерины умирает в священной роще под гигантским ореховым деревом, у подножия древнего креста, и, словно богиня Дзерасса, передает жизнь своей божественной дочери Уафэнэху – Небесному Свету, от которой родится великий Леонардо, как от Сатаней / Сатаны – чудо-богатырь Сосруко / Сослан.

Появившаяся на свет девочка Уафэнэху / Небесный Свет – средоточие совершенств, слияние черт идеальной, божественной женщины, мудрой, заботливой матери и воспитательницы. И действительно, очень скоро Катерина станет матерью бесконечно интересного и загадочного Леонардо, который до 10 лет (согласно новым сведениям профессора Вечче) неразлучно жил с ней под одной крышей, и именно от матери (но не отца, отчима или деда), с ее богатым и гармонично развитым внутренним миром, чуткой душой, сильным характером и безграничной любовью, в нем пробуждался дух творца и стремление бесконечного познания окружающего мира. И поэтому именно ее улыбку, незабываемую улыбку родной матери, столь значимую и таинственную, целый мир наблюдает в живописных образах богородиц Леонардо и, конечно, в улыбке загадочной Джоконды. И в названии романа – «Улыбка Катерины. Мать Леонардо» заложена авторская аллюзия на «загадочную улыбку Джоконды», «загадку природы, равную тайне Железной Маски» (по определению Ивана Бунина) – это было единственное полотно (главное сокровище Лувра!), с которым Леонардо не расставался до конца своих дней.

Автор не случайно вводит в повествование двух иностранных персонажей – молодую русскую женщину Ирину и греческого купца Деметриоса. После смерти матери ее кормилицей и второй мамой становится именно Ирина «из далеких северных земель», которую князь Якуб (Яков) отбил у золотоордынцев из плена. В определенном смысле Катерине самой придется повторить нелегкую судьбу своей любимой няни. В предстоящих жизненных испытаниях ее будет оберегать Святая Екатерина Александрийская великомученица – девочка неразлучна со священным колечком, некогда привезенным греком Деметриосом. Она свято верит в его божественную силу – древними монахами оно было приложено к мощам святой.

Не вызывает сомнений, что именно эта глава была для автора наиболее сложной и во всех смыслах стала его «*Terra Incognita*». Итальянский писатель делает попытку погрузить читателя в неизвестный и загадочный мир, где одним из средств становятся слова-адыгизмы, включая географические названия.

Работа над романом велась в трудный период коронавирусного локдауна со всеми сопутствующими ограничениями. Во время написания первой главы (адыгская тематика) писатель опирался лишь на ограниченный этнографический материал итальянских и англоязычных изданий, оказавшихся неспособными дать подробные, порой достоверные сведения по вопросам истории, быта, одежды, этикета, традиций. По этой причине в художественном тексте можно заметить неточности и даже серьезные ошибки касательно географических, страноведческих, финансовых знаний в средневековой Черкесии, о чем профессор уже знает, искренне сожалеет и намерен внести поправки в будущих изданиях.

Тем не менее, предлагаемая читателю история жизненного пути Катерины, матери Леонардо, написана светлым, поэтичным языком, с душевной теплотой и глубоким почтением к культуре и древним традициям адыгов. Удивительный роман, в котором (цитата) *«маленькая девочка может стать знаком возрождения...»*.

Остается добавить, что в настоящее время писатель трудится над второй книгой, которая будет называться «Сын Катерины»: вся жизнь Леонардо, переосмысленная и переписанная в свете его происхождения и влияния матери.

***

Работа над пояснительным текстом в сносках стала бы невозможной без большой помощи и самого живого участия многих людей: авторитетных ученых-исследователей, деятелей культуры и науки, подлинных знатоков истории, культуры и языка.

Выражаем искреннюю благодарность выдающемуся итальянскому ученому и писателю, профессору Карло Вечче (Неаполь, Флоренция); московской «Издательской Группе «Азбука-Аттикус» за предоставленное право на публикацию отрывка, а также:

– Государственной национальной библиотеке КБР им. Т. К. Мальбахова:

Кужевой Зареме Борисовне (отдел искусств);

Шампаровой Оксане Хасановне (книжная палата);

Кушхабиеву Анзору Викторовичу (доктор исторических наук, заведующий Центром социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик);

Паштовой Мадине Михайловне (доктор филологических наук, старший преподаватель кафедры черкесского языка и культуры, университет Эрджиес, Кайсери, Турция).

Жилову Анатолию Тиновичу (народный художник КБР);

Кантемировой Ларисе Исуфовне (Национальный музей КБР,

зав. отделом экскурсионно-массовой работы);

Дудар Заре (член «Международной ассоциации дизайнеров», «Союза дизайнеров России»);

Дышек Мурату (художник);

Бассо Марко (поэт, книгоиздатель, Италия, Специя);

Новиковой Нава Владе (искусствовед, писатель, руководитель Культурной ассоциации «Adrenalina culturale», Милан).

Памяти адыгской женщины Катерины, дочери Якуба, волею судьбы более пятисот лет назад ставшей матерью великого Леонардо, кабардинская писательница Людмила Шауцукова написала верлиброванное посвящение Женщине-Матери. 4 мая 2023 года в неаполитанском университете «L'Orientale» эти строчки были вдохновенно прочитаны на итальянском, русском и на «языке Катерины» (кабардинском языке) нальчанкой Дианой Бифовой, а также прозвучали адыгские народные мелодии в обработке композитора Аслана Дудар.

*Неаполь, 2023 г. Карло Вечче,
Диана Бифова*

*Наша сестра Уафэнэху, Небесный Свет,
Якуба дочь Катерина,
мать великого Леонардо да Винчи!*

*Сколько же горестных испытаний досталось тебе,
и какой бесценный дар ты явила людям земли.*

*Если нет солнца – мгла владеет миром,
если нет любви – человек несчастен,
если нет матери – прекращается жизнь на земле.*

*Восславим материнские руки,
материнскую нежность,
материнскую любовь!*

Карло Вечче, наш поклон до земли.

***

*Ди шьпхъу Уафэнэхуу
Якъуб ипхъу Катерина,
Леонардо да Винчи и анэ льяпIэ!*

*Сыту гъуэгу гъугъуи уэ утета,
Сыту тыгъэшхуи дунейм уэ епта...*

*Дыгъэ щымыIэм - фIьцIагъэм дунейр зэцIеиштэ,
лягъуныгъэ щымыIэм - унэсыпынишэц,
анэ щымымыIэмэ - цIыхур кIуэдыжащ.*

*ИугъащIэ анэIэр,
анэ хуэбагъэр,
анэ льягъуныгъэр!*

Карло Вечче, щхъэщэ пхудощI.

***

Книга «Улыбка Катерины» в переводе на русский язык выходит в издательстве «Азбука-Аттикус» в феврале 2024 года.

УЛЫБКА КАТЕРИНЫ, МАТЕРИ ЛЕОНАРДО

*Моей маме, такой же матери,
как Катерина*

1. Яков

*Березовая роща на берегу реки
близ Хи Миуте¹, летнее утро*

Я не могу ее потерять!
Лошадь несется, то появляясь, то исчезая
меж берез.
Мне остается только следить за ней глазами.
Глаза мои – руки мои. Тянутся, пытаюсь
схватить то, что ускользает навсегда.
Жизнь, всполох света, путанная череда
воспоминаний и образов, тот бесконечно краткий
срок, что мы прожили вместе.

Передо мною – белые, тонкие стволы, их
кора – словно огрубевшая кожа. Они похожи на те
деревья, что я обнимал двенадцать зим назад: не
здесь, у моря, а в нашей священной роще, высоко в горах. Тогда я, вопреки
запретам, проник в ее святая святых. О, я был не в силах ждать снаружи
с прочими людьми и лошадьми! Стоны моей измученной жены уже
несколько часов эхом разносились по долине, вселяя в меня неведомый
страх. Вот-вот должно было свершиться ужасающее таинство.

Вцепившись в березу, я смотрел с края балки вниз, на поляну.
В центре плато раскидистый грецкий орех, потрепанный осенними
ветрами, воздевал ветви к небу, словно жрец в молитве. Узловатые
корни обвивали скалу, из-под которой бил источник чистой воды.
Меж корнями и стволом виднелся грубый деревянный крест.
С моей женой осталась только мамуку, бабка-повитуха, что сновала
между ней и источником, сменяя окровавленные тряпки и тут же
застирывая их. Распластавшись на соломе, моя жена пронзительно
кричала и корчилась в судорогах, запрокидывая голову.

Карло Вечче

¹ *Хи Миуте* (также Меотийское озеро или, у римлян, болото, Меотида) –
ныне Азовское море (Здесь и далее – прим. пер.)

До вчерашнего дня, долгие месяцы, проведенные в нашем большом доме посреди аула, мы исполняли каждый наказ маму и старших женщин. Все ждали появления моего первенца: наследника пши Якова, благородного князя Якова, как пели женщины, чудо-мальчика, будущего богатыря, достойного нартских саг, отважного главы клана. Ему предстояло родиться в год Лошади, самого благородного и почитаемого нашим народом животного.

Жена моя не выходила на улицу после наступления темноты, не сидела на сундуках и камнях, не убивала змей, не пила воды из широких чаш. Бережно поддерживала огонь в очаге посреди жилища, не давая ему потухнуть. Но вопреки стараниям, тяжелое бремя с каждым днем иссушало и ослабляло ее. Из-за частых кровотечений женщины опасались, что мать и будущее дитя подпали под власть демона. Возможно, то была жестокая Алмасти. Поговаривали, будто в сумерках по дому бродит нагая простоволосая старуха. Чтобы отпугнуть ее, в дверях ночи напролет горел очистительный огонь, а под подушку и тюфяк клали всякие металлические предметы – пару амулетов, ножницы, нож. К родам подготовили соломенную хижину за аулом, у шумной речной стремнины.

Срок подошел поздней осенью. Погода стояла мягкая, но старейшины предупреждали, что скоро из Страны Тьмы налетит ледяной ветер. Тогда все побелеет и замрет, погребенное под толстым покровом снега. Из последних сил, бледнея, жена настояла, чтобы мы немедленно отвели ее в священную рощу, под сень ореха. Утверждала, что нуждается в силе воды и камня, в соках большого дерева. Она была непреклонна. И тогда, вопреки слабости, мы решили отнести ее туда на носилках в сопровождении одной только маму. В путь отправились на рассвете. Небо прояснилось, но воздух еще не прогрелся. В священную рощу вошли только женщины с носильщиками, да и те вскоре вернулись назад, подготовив ложе из соломы на сырой земле. Остальные, включая и меня, спешившись, ждали у края балки. Ближе мужчинам подходить запрещалось. Все, что там происходило, мы видели лишь смутно. Маму заводила таинственные ритуалы, чтобы вызвать у роженицы схватки. Она ворожила с охаккой загадочных предметов, сплетенных веревками, заговаривая воду и ветер.

Резкий вопль заставил меня замереть. Жена внезапно выгнулась всем телом, потом обмякла и замерла. Я окаменел. Издали я едва различал их фигуры и не мог понять, что происходит. Маму, укрыв мою жену, согнулась у ее ног. И вдруг раздался новый крик, слабый, но отчетливый. Несколько раз взмахнув чем-то похожим на нож, маму бросилась к роднику с окровавленным комочком на руках и несколько раз окунула его в ледяную воду. Крик повторялся снова и снова. Едва заметив существо, уже отмытое от крови, я тотчас же ринулся к поляне.

Мокрые от слез глаза мамуку источали ужас, не столько от встречи со смертью, сколько от моего кошунственного присутствия, желая увидеть то, что от мужских взглядов скрыто. На земле одиноко лежало белое как снег тело моей жены: рот распахнут, в безжизненных глазах отражается синева небес. Кровь запеклась на рваной ране между ног, на соломе, на земле. «Всю ее Алмасти выпила, – глухо прошамкала мамуку. – Теперь ей в землю путь держать, а священная кровь в корнях прорастет да в соке древнего дерева». Кровь за кровь, жизнь за жизнь... Вот тогда-то я ее впервые и увидел. Ясный, пронзительный взгляд распахнутых глаз. Они напомнили мне глаза ее матери, что словно бы наблюдали за мной, пока я держал малышку на руках.

Снова увидеть дочь я смог только шесть зим спустя, по возвращении из похода.

Похоронив жену в родовой усыпальнице, под громадами каменных плит дома мертвых, я доверил младенца бабушке и кормилице Ирине, рабыне из русов.

Тьма окутала землю, тьма Зла и Боли. Завывал северный ветер, сыпал снег. Снарядившись, я собрал воинов племени и без оглядки пошел прочь. До сих пор, в ожидании первенца, я медлил с ответом уорку² Нэху, одноглазому князю Иналу Великому³, сыну Хурыфэля из колена Абдун-хана, что уже давно обратился к вождям и дворянам нашего гордого и свободолюбивого народа, разбросанного по горам и долинам, с призывом объединиться в общей борьбе. Но после случившегося я последовал за ним со слепой решимостью, яростно бросаясь в бой, словно пытаюсь найти для себя утешение в смерти, которую вместо того щедро дарил врагам. Другим воинам мой напор казался смелостью, героизмом, жестокостью. Но это было лишь отчаянное желание умереть.

На родину я вернулся совершенно другим. Лицо изрезали морщины и шрамы, лишь кое-где скрытые бородой и отросшими светлыми волосами. Печаль омрачила взор, в глазах запечатлелось пламя битв и реки крови. Жизнь и смерть перестали волновать меня. Голова и сердце опустели.

В нашем ауле я оказался неожиданно, накануне новогодних гуляний, в самом конце зимы, прискакав в сопровождении немногих оставшихся в живых товарищей. За нами следовала небольшая повозка, на козлах которой восседал тщедушный человечек в черном. Под буркой,

---

² Уорки – черкесские дворяне.

³ Инал Нэху (Светлый, кон. XIV – ок. 1453) – легендарный князь, родоначальник множества княжеских родов, объединивший земли адыгов, абазин и абхазов.

войлочным плащом и кольчугой я носил простую рубаху без воротника, присборенную поясом, широкие штаны заправлял в сапоги. За плечом – длинный лук с колчаном, в ножнах у пояса – легкая кривая шашка, гибкая и смертоносная, как змея, с крючковатой посеребренной рукоятью в виде орлиной головы, украшенной чернью.

Я снял шлем-шишак с подщечниками и, подставив голову ветру, стал потихоньку спускаться с холма в долину. На окраине аула по сторонам дороги молча собирались группки женщин, стариков и детей, пытаюсь разглядеть в измученных фигурах воинов черты любимых мужей, сыновей, отцов.

Вот и мой дом посреди аула, он разве что чуть выше остальных, но в остальном – такая же вуна, мазанка из тростника, соломы и веток. Ни-

*Встреча Якова с дочерью
(художник Анатолий Жилов)*

чего не изменилось. За хижинкой виднеется все та же дощатая изгородь, которую я возвел летом, пока жена была в тягости. Тут же знакомые конюшни, отдельная комната для гостей, загоны для скота, поле и фруктовые деревья, замершие в ожидании новой весны.

Под навесом, в стороне от слуг и работников, я узнал стройную фигуру матери, бесстрастной, словно статуя. Рядом служанка Ирина держала за руку девочку лет пяти-шести, светловолосую и голубоглазую. Судя по всему, мою дочь. Ее глаза смотрели на меня взволнованно, но без слез. Сухими были глаза бабушки, глаза Ирины, и глаза всех на улице в ту минуту, потому что слезы для нас – знак слабости.

Спешившись, я обнял мать, с благодарностью взглянул на Ирину и наклонился к девочке, которая видела меня впервые. Должно быть, я показался ей чужим, и только тогда осознал, что мой вид мог ее напугать. Но улыбаться я не умел: наверное, за всю жизнь ни разу не улыбнулся. Я даже не знал, как ее зовут. «Вафа-нака, Синеглазка» – шепнула Ирина, упредив мой вопрос. И точно: глаза девочки были такими же васильково-голубыми, как у ее отца и матери. Я с болью вспомнил пронзительную синеву неба над поляной в тот день, когда Всевышний Тхашхо забрал любимую жену и подарил мне вместо первенца-наследника дочь.

Я осторожно потянулся к ней и тихо произнес: «Си-не-глаз-ка».

Малышка неуверенно взглянула на Ирину, та улынулась в ответ. Тогда девочка робко приблизилась ко мне и, не опуская глаз, обвила ручонками шею.

Мы вошли в большой зал в самом центре вуны, где царил священный очаг, роль хранительницы которого, хозяйки дома и главы семьи в мое отсутствие все эти годы исполняла мать. Повозка тоже остановилась возле дома, и я представил возницу родным и друзьям: это был мой кунак, товарищ и гость, греческий купец Деметриос, который следовал за мной из самого Шанджира⁴, цитадели князя Инала, основанной его дедом Абдун-ханом к югу от реки Псыжь⁵. Прежде мы не встречались, пока случай не свел нас. Деметриос не только немного говорил по-нашему, но и знал мое имя.

Оказывается, это имя, Яков, спасло грека, когда тот сошёл со своего корабля на берегах Хи Фице⁶. Окружившие Деметриоса стражники лишили бы в тот день чужеземца и товара, и свободы, если бы тот вовремя не назвался кунаком князя Якова, во имя священного долга гостеприимства моля о защите и возможности предстать перед покровителем. Деметриос привез мне не только товары, но и новости из дальних земель, что лежат за Хи Фице. У него имелось даже личное сообщение для моей матери.

Представив ей грека, я дал им возможность поговорить наедине, отойдя в угол комнаты. Ко всеобщему изумлению Деметриос поклонился ей. Произнеся всего пару слов, он достал из сумы какой-то предмет, похожий на кольцо, и вручил ей. Мать слушала безмолвно. Я знал, что она давно утратила дар речи. Не помню, чтобы в детстве я слышал от нее хотя бы звук. Только жесты. Считалось, что она онемела много лет назад, еще до замужества и моего рождения, когда, вернувшись к обугленным развалинам своего аула, сожженного татарами Железного Тимура, узнала, что брата ее похитили, а голову отца насадили на пику.

Мне на миг показалось, что мать растрогана.

Но это был всего лишь миг. Она тотчас оправилась, словно устыдившись минутной слабости, отпустила грека и присела на диван в центре комнаты, рядом с Синеглазкой, жестами приглашая всех угощаться нехитрым ужином, который женщины состряпали на скорую руку: супом с пшеничными клецками, тушеной бараниной под чесночным соусом, орехово-медовым пирогом. Пенную брагу-махсыму разливали в серебряные чаши и осушали в честь приехавших: меня, воинов и кунака. Полилась протяжная мелодия,

---

⁴ Шанджир – столица княжества Инала в исторической области Кабарда.

⁵ Псыжь – адыгское название реки Кубань.

⁶ Хи Фице – Черное море.

которую одна из девушек заиграла на шичепшине, вода длинным смычком по струнам из конских жил, закрепленным на продолговатом деревянном коробе.

Усевшись по окончании трапезы у очага, грек, коверкая слова и звуки, то и дело тонувшие в общем хохоте, завел разговор на чужом языке, столь сложном, что все вокруг наперебой бросались ему подсказывать. Однако он обладал редким даром передавать смысл истории при помощи гримас, лукавого прищура глаз, которые переводил с одного слушателя на другого, движений рук...

Постепенно смех стих. Все, разинув рты, уставились на рассказчика, слушая его дивные и невероятные для горцев истории, ведь за исключением нас, воинов и нескольких рабов из далеких стран, никто здесь не видел и пяди земли за горным хребтом или равнины, где ручей превращался в реку. Я смотрел на Синеглазку, но та меня не замечала, вся во власти непонятных и чарующих речей грека.

Там, за болотами Меотии, бесконечными Хи Миуте, где катят свои воды Тана⁷ и Псыжь, рассказывал Деметриос, за землями Тамреги⁸, где берега будто тянутся друг к другу, простирается Хи Фице, гигантское море, в воды которого садится солнце. Некогда греки дали ему имя Понт Эвксинский, то бишь Гостеприимный, а новые пришельцы с южных берегов кличут его Кара-Денизом, или Черным морем. Видел я это море: издалека, с горных хребтов, оно кажется лишь неясной полоской на горизонте. Но край света, продолжал Деметриос, не там, где садится солнце. Потому что даже великое Черное море заканчивается в той точке на юге, где находится его родной город, самый красивый и богатый на земле, царство куполов и золотых статуй. Дальше лежит другое море, еще больше прежнего, соленое и глубокое, с бесчисленными островами, окруженное всяческими землями, где обитают разнообразные народы. Море это истекает в огромную водную зыбь, что оmyвает все части суши. А по другую сторону того моря есть раскаленная страна, не знающая снега, под названием Эгиптос. Она населена народом, древним, как мир, и пересечена рекой, истоки которой сокрыты.

Вот откуда вернулся Деметриос. В свою богатую столицу, Аль-Кахиру⁹, что значит Сокрушительная, позвал его тамошний султан Барсбай¹⁰,

---

⁷ Тана – река Танаис, ныне Дон.

⁸ Тамрега – ныне Таманский полуостров.

⁹ Аль-Кахира – древнее название Каира, столицы Египта.

¹⁰ Аль-Малик аль-Ашраф Абу-ль-Наср Сайф ад-Дин *Барсбай* (или Барсбей) (?–1438) – мамлюкский султан Египта, бывший раб, судя по внешности (белокожий высокий шатен с голубыми глазами), половецкого, русского, черкесского или грузинского происхождения.

прознавший, что родом грек с северо-восточного побережья Черного моря. Оказалось, что из тех же мест происходит и сам султан, сын высоких гор, заметных даже с моря. Ребенком он попал в плен во время татарских набегов, был продан в рабство в Аль-Кахиру, но в конце концов сам стал править в той части мира. Деметриос показал нам небольшой металлический диск с изображением лилии. Вот его монета, пояснил он изумленным гостям. У нас, горцев, деньги не в ходу. Если несколько монет и попадет кому-то в руки, их хранят как амулеты или дырявят на бусины для ожерелий. У нас племена попросту обмениваются товарами между собой или с редкими еврейскими или армянскими торговцами.

Так вот, султан Барсбай отправил Деметриоса в родные края, чтобы донести весточку единственному в своей семье, кому удалось выжить, – старшей сестре. Насколько слышал Барсбай, она вышла за большого вождя из аула на северном плато, у истоков Псыжи, и вырастила сына по имени Яков. Деметриосу нужно было лишь передать им привет и дары. И вот, ко всеобщему изумлению, грек принялся доставать из мешка диковинные вещи. Сестре султана – шелковый златотканый плат с лилией по центру; а сыну – кинжал с усыпанной драгоценными камнями рукоятью. Но главный подарок моя мать уже получила: то было чудесное кольцо, которое должно было уберечь ее саму и ее близких. Барсбаю оно досталось когда-то от юного послушника из монастыря на священной горе Синай, с вершины которой Всевышний говорил с пророком Моше.

Я попросил у матери это простенькое серебряное кольцо. На поверхности виднелись какие-то знаки, один побольше, другие поменьше. Крупный будто состоял из скрещенных линий, на манер тех, что мы используем на клеймах для лошадей и скота или для меток на камнях и оружии. Я долго изучал кольцо, но в значениях символов так и не разобрался.

Как и все мои сородичи, письму я не обучен, хотя видел его у соседних племен. Случалось мне и находить в курганах или могильниках древние каменные плиты, изрезанные странными и непонятными символами. Письмо для меня – суть колдовство, при помощи которого слова, сотворенные из воздуха, заключаются в плен знаков и застывают в вечности. Выходит, эти знаки способны пересечь грань между жизнью и смертью. Вот почему письма высекают на камнях у могильников. Так выглядит язык умерших, вырезанный в скале, чтобы она не стала прахом, как их тела.

На кольце были такие же магические метки. Я вопросительно взглянул на Деметриоса. Грек указал мне на крупный знак, где сплетались линии: это монограмма, пояснил он. Такой символ составлен из нескольких, соединенных между собой. Здесь знаков было три, сообразно трем звукам: «А», «I» и «К» – в таком виде их чертили греки.

Чтобы я понял другие штрихи, Деметриос расшифровал их для меня один за другим. Получилось АΙΚΑΤΕΡΙΝΑ. Затем он произнес вслух все слово целиком: Екатерины.

Оказывается, это просто имя. Имя Айя Екатерины, непорочной девы, чьи мощи покоились и почитались в том самом монастыре на священной горе Моше, Синае. Там кольцо, коснувшись тела святой, впитало его силу и магию¹¹. Известно, что Екатерина была девой из Александрии и звалась Доротеей, то есть «данной Богом». Однажды ей во сне явилась Матерь Божья, Пресвятая Дева Марисса, покровительница пчел и меда, и младенец Христос, ее сын от Всевышнего, который назвал Доротею своей невестой и вручил ей кольцо. С тех пор ее звали Екатерины, что значит «пречистая». Гонители-язычники подвергли деву страшным пыткам, дабы заставить отречься от своего божественного жениха, а затем обезглавили, но тело ее, по частицам собранное ангелами, было вознесено на гору Моше¹². Говорили, что и после смерти ее светлые волосы чудесным образом продолжали расти, а тело сочилось целительным елеем.

Сумерки окутали дома и долину. Наступала новогодняя ночь, и мощный жизненный вихрь уже готовился пронизать воздух, воду и землю. Все по-прежнему сидели вокруг очага, переживая услышанные диковинные истории. В тишине, нарушаемой лишь потрескиванием угольев, я поймал взгляд Синеглазки и вспомнил, что ей так и не дали имени, не погрузили в крестильные воды. Это должен был сделать я, поскольку священники-шогены и шекники, шаманы-крестители, сюда, в горы, обычно не добирались, хоть мы и поклонялись деревянному кресту, прибитому к стволу старого священного ореха близ родника.

Я давно там не бывал. Со времени смерти жены, это место стало для меня юдолью смерти. Но ведь там же появилась на свет Синеглазка! Потому ей и надлежало вернуться сюда в главный праздник года, в час возрождения жизни растений, животных и всякой твари земной. Ребенок мог бы стать знаком возрождения, я бы очистил ее, смочив лоб благословенной ледяной водой, что была ключом у подножия креста, той самой, которой некогда мамуку смыла с нее кровь матери.

Как же назвать Синеглазку? Сжимая в руках чудодейственное кольцо,

---

¹¹ Кольцо вместе с колесом и пальмовой ветвью считается атрибутом святой Екатерины, символом ее мистического обручения с небесным женихом, младенцем Христом.

¹² По преданию, после казни святой Екатерины ангелы вознесли ее тело на вершину Синае. В середине VI века монахи из Преображенского монастыря, построенного императором Юстинианом, опознали останки по кольцу и перенесли в церковь. В XI веке монастырь переименовали в честь святой Екатерины.

я уже знал ответ, но сказал себе, что нужно следовать хабзэ, традициям и законам народа. Имя ребенку предлагает первый чужестранец, переступивший порог его дома после рождения. Этим человеком был Деметриос. Посмотрев по очереди на меня, на кольцо, а затем на мою мать, грек спросил, когда именно родилась девочка. Я не знал и обратился к Ирине, говорившей с сильным русским акцентом. Она сказала: спустя две луны и десять дней от начала осени последнего Жылги, года Лошади.

Прикрыв глаза, Деметриос по купеческой привычке попытался прикинуть в уме: похоже, этот день совпадал с праздником Айя Екатерины, выпадавшим по греческому календарю на двадцать пятый день месяца, называемого нозэмбриос. А последний год Лошади, судя по всему, приходился на 6936 год от сотворения мира. Сомнения рассеялись и, взглянув на девочку, он торжественно произнес ее имя: Екатерины. Я вручил ей чудесное кольцо столь же чинно, как Христос – своей невесте. С величественным видом, на глазах у всех, Екатерины надела это кольцо на палец и сжала маленький кулачок, поскольку оно было ей велико. А потерять кольцо – дурное предзнаменование.

Шесть зим спустя мне случилось снова оказаться на родине.

Я был в лагере Инала, к югу от гор. Когда лед начал таять и реки вздулись, неся новую воду к Хи Фице, пришло известие о смерти матери. Получив разрешение князя, я в одиночку отправился похоронить ее в доме своих мертвых предков. Путь мой лежал вверх по реке, по хорошо знакомым извилистым горным тропам. Сначала я несся вскачь, потом шел пешком по заснеженным перевалам, по-братски вытягивая и помогая коню.

Сердце мое ожесточилось еще сильнее. В светлых волосах и особенно в бороде зазмеились снежно-белые нити. На одном боку у меня висела шашка, на другом – драгоценный кинжал Барсбая. Будучи воином, я привык гнать любую праздную мысль, воспоминание или чувство, существуя лишь во имя дела и битвы. И все же в груди екнуло, когда за последним отрогом открылась долина с лентой знакомой реки. Над соломенными крышами аула стелился дымок, а дальше, полого поднимаясь к нагорью, расстилались широкие равнины, где отец с детства учил меня скакать наперегонки с ветром. К востоку горы становились круче, долина сужалась, начиналась непроходимая чаща, священный лес с большим орехом и прозрачным источником. Занималась весна, луга покрывались ковром из свежей травы и цветов, фруктовые деревья превращались в бело-розовые облака.

Сердце сжалось при воспоминании о той единственной весне, которую я провел со своей любимой на усыпанном цветами ложе из шкур. Потом нахлынули мысли о дочери. Но память о последней и единственной нашей встрече шесть лет назад почти померкла. Где ее

искать? Выросла ли она, стала ли женщиной? Что узнала за это время? Выучила ли все то, что предписывает закон хабзэ? Должно быть, пришло время подыскать ей достойного жениха, сильного и мужественного юношу из соседнего племени, заключить кровный договор с его родителями... И после отпустить навсегда, ведь такова женская доля. Дочь в семье – ровно гостья: как придет, так и уйдет, говаривали старики.

Что я скажу ей, когда увижу снова? Ответов я не знал. Я ведь и по жизни немногословен, не мастер слагать речи длиннее одной фразы. Никто в моей семье болтливым не был. Мать так и вовсе, раз онемев, со мной не говорила. Я подумал, что не справлюсь, но должен был хотя бы попытаться. Начал было про себя: «Синеглазка», – и осекся. Нет, теперь ее следовало называть чужестранным именем, данным при крещении – Е-ка-те-ри-ни. Екатерины, высокочтимая дочь благородного Якова.

Спускаясь по тропе, я заметил на вершине соседнего холма одинокую фигуру. Судя по одежде и стати, то был скорее мальчишка, не мужчина. В мою сторону он не смотрел, будто не замечая приближения всадника. Все его внимание было приковано к чему-то по ту сторону каменистого гребня, где лежала небольшая лощина, поросшая леском. Разнообразной дичи, даже и крупной, там всегда было вдоволь. В руках мальчишка держал непомерно длинный лук, непохожий на тот, что обычно дают детям: подстрелить из такого можно разве что какую-нибудь мелочь, зайца или птицу. Одет он был по-простому: облегающие штаны заправлены в сапоги, кафтан перетянут широким ремнем, за который заткнут короткий кинжал, на плече колчан... Одежда показалась мне знакомой, словно я уже видел ее раньше. На голове мальчишки сидела расшитая войлочная шапка, вероятно, скрывавшая длинные волосы, выбившиеся пряди которых он заправил за уши. Неподалеку к дереву была привязана неоседланная кобылка гнедой масти с белым пятном-звездочкой на лбу.

Что это за мальчишка? Чей он сын? Как знать, может, одного из моих товарищей, оставшегося с Иналом, или кого-то из тех, кто уже сошел в недра Матери-Земли?

А вдруг он из соседнего племени и отдан кому-то на воспитание по обычаям атальчества¹³, как заведено в нашем народе?

Сторая от любопытства, я тихонько спешил, снял плащ, кольчугу, оружие и бесшумно скользнул по влажной траве к юному лучнику. Подобравшись сзади, я сгреб его в охапку за секунду до того, как стрела ушла в сторону долины, и, смеясь, оторвал от земли. Стрела свистнула и пропала вдалеке. Кобылка испуганно заржала, а косуля скрылась в

---

¹³ Атальчество – древний обычай черкесов отдавать детей, преимущественно мальчиков, на время в другую семью, принимая взамен чужого ребенка.

кустах. Мальчишка пытался вырваться, но что его потуги против моей хватки? Шапка свалилась, обнажив светлую макушку, длинные волосы разметались на ветру.

Наконец я отпустил парня. Скатившись в траву, он ошарашенно оглядел мою громадную фигуру. Должно быть, в ярком солнечном свете я показался ему великаном. Сперва он схватился за кинжал, готовясь броситься в яростную атаку, возможно, упустив из-за меня свою первую крупную добычу. И вдруг замер. Брови сошлись в гневной гримасе, но черты оказались неожиданно изящны, миловидны, почти женственны. А глаза – небесно-голубые! С дрожащих губ сорвалось единственное слово, которое я скорее угадал, чем услышал: адэ, отец? Я оцепенел.

Мы сидели с ней рядом, не глядя друг на друга, обратив лица к долине и облакам, плывущим над горами. Мой конь, подойдя к ее кобылке, принялся тихо щипать свежую травку. Вдруг она, не поднимая глаз, вскинула руку и произнесла одно слово: Вагвэ, Звезда. Я удивленно обернулся и только тогда понял, что так зовут лошадь. Я, в свою очередь, указал на своего коня, низкорослого вороного восточной степной породы, на каких некогда ездили монголы. Не сильно крупнее ее кобылки, конь этот был поджарым и мускулистым, с длинными гривой и хвостом, весь в шрамах от ран, которые получал вместе со всадником. Вместе мы и состарились. Звали коня Жэшь, Ночь.

Наши взгляды встретились. И пока я смотрел на ее озаренное солнцем лицо, она, будто в знак признания, показала мне левую руку с чудотворным кольцом. Таким ли было лицо моей невесты много лет назад? Я смешался, не знал, что ответить, мысли спутались. Слишком много ужасов видел я, слишком много отчаяния. Мы встали, отец и дочь, собрали разбросанные вещи и пошли к аулу пешком, ведя под уздцы Звезду и Ночь. Лошади покорно последовали за нами.

Старейшины проводили меня к месту похорон матери. Согласно предписаниям хабзэ, обряд начался несколько дней назад. Происходя из одного из знатнейших родов Псыжской долины, моя мать всегда пользовалась особым почтением у простых горцев. Из уст в уста передавали трагическую историю ее семьи времен нашествия Железного Тимура, а после приезда купца Деметриоса, когда распространился слух, что она – сестра одного из самых могущественных правителей на свете, слава ее только выросла. Неслучайно старейшины решили почтить ее во время похорон и справить обряд, от века уготованный лишь вождям и величайшим из мужчин. Он предшествовал сопровождению тела в дом мертвых, где бессмертную душу отпускали в загробный мир Хедрыхэ, чтобы та из подземных глубин продолжила хранить живущих.

Я подошел к погребальному кострищу. Моя покойная мать, одетая

в лучшее свое платье, восседала на вершине ритуального помоста, как королева на троне. Веки ее были сомкнуты, из рукавов платья торчали костлявые почерневшие руки. Тело, от которого после обряда изъятия внутренностей осталась только оболочка, провело на помосте почти восемь дней. Сюда стекались для поклонения жители нашего аула и близлежащих долин. У основания кострища складывали подношения: серебряные кубки, покрывала, оружие, луки и стрелы. Маленькая девочка, сидевшая слева от нее, время от времени взмахивала стрелой с привязанным к ней шелковым платочком, отгоняя мух. Я сел на камень и часа три неотрывно смотрел на мать. Молча, без слез, потому что рыдания считались у нас постыдной слабостью. На закате я в одиночку взобрался на помост, осторожно взял мать на руки и вместе с приношениями поместил в большой, выдолбленный изнутри ствол дерева. Его отнесли к дому мертвых и опустили в яму. Сверху каждый проходящий кидал горсть земли или камней. И вот среди древних плит возник новый высокий холм.

Мы с Екатерины остались одни в большом доме. Перед смертью мать освободила служанку Ирину с мужем Олегом, тоже из русов. Им оставили для жилья скромную хижину, некогда бывшую гостевым домом, и участок земли. Я был рад этому. Ирину, как и других русов, осевших здесь, много лет назад угнали в рабство татары, поэтому путь в горы в качестве военного трофея уже тогда казался им дорогой на волю. В нашем доме и в ауле ее по-человечески уважали, считая чуть ли не родней. Мать неслучайно выбрала ее кормилицей Синеглазки, поскольку Ирина незадолго до этого родила ребенка, зачатого с Олегом. Моя дочь, не зная родителей, вкусила из груди Ирины молоко жизни.

С моей онемевшей матерью Ирина прекрасно ладила. Они словно читали мысли друг друга. Понемногу Ирина усвоила и наш язык, хотя после крещения предпочитала называть малышку ласковым русским именем Катя, а то и Катюша. В речи Ирины до сих пор слышался сильный, безошибочно узнаваемый русский говор. И тогда Кате казалось, что она слышит голоса дальних стран и ледяных земель Севера, где на краю Страны Тьмы стынут реки, а в сине-зеленых волнах северного сияния можно увидеть танцующих в небе духов и волшебниц.

Качая колыбель, Ирина нянчила ребенка, напевая на своем родном языке таинственные колыбельные или рассказывая ей сказки. Девочка то смеялась, то вздрагивала, ведь русские сказки кишат жуткими персонажами, наподобие Бабы-Яги, ведьмы, пожирающей детей. Чтобы удержать малышку подальше от опасных речных вод, Ирина утверждала, что там прячутся русалки, прекрасные нагие девы-колдуньи, что охотятся за детьми, желая их утопить. Но эти

истории возымели обратное действие: Катя только ближе подходила к прозрачной воде, чтобы рассмотреть этих существ. Она искренне верила, что смогла узнать их в серебристой чешуе осетров, сновавших у самого берега.

Усевшись у очага, девушка с гордостью начала рассказ о том, как жила эти годы. Она была в той же одежде, что и на холме: волосы туго стянуты узлом на затылке, в голубых глазах огоньки, щеки покраснелись. Я слушал, забавляясь ее задорным мальчишеским видом и манерой говорить. Разумеется, Катя не коверкала слова, но было в этой речи нечто странное. Впрочем, неудивительно – ее ведь растили немая бабушка и русская рабыня. Потому я и не услышал односложной шакобзы, тайного языка охотников, на котором общались между собой и высокородные женщины: этому ее никто не учил. Пару раз Катя сбивалась, будто подбирая нужное слово, но потом речь ее снова текла, словно речной поток. Мне это нравилось, поскольку сам я немногословен и больше предпочитаю слушать.

Мой приезд шесть лет назад она прекрасно помнила. Похоже, это было самое раннее и самое светлое ее воспоминание: воин, сошедший с коня у самого крыльца их дома, коснувшийся загорбевшей рукой ее лица... Она помнила и терпкий, резкий запах немытого тела, потного с дороги, и все прочие запахи: металла кольчуги, кожи сапог, грязи, лошадей, нервно бьющих копытами, и даже их испражнений.

Еще в памяти Катерины остался миг, когда я вручил ей чудотворное кольцо и она надела его на тонкий пальчик. Кулачок ее тогда инстинктивно сжался, ведь широкое кольцо предательски соскальзывало, а уронить его было стыдно. И как впервые услышала то самое чужое имя, Екатерины, которому суждено было стать ее собственным. Правда, другие женщины продолжали называть ее Вафанака, Синеглазка, но для Ирины она навсегда стала ее маленькой Катюшей. Гордо показав мне руку с кольцом, моя дочь вдруг нагнулась, порылась в сумке и достала какую-то ткань, одним движением развернув ее во всю ширину. То было великолепный златотканый плат, подаренный ей бабушкой перед смертью.

Катя росла в одиночестве. Не будучи мальчиком, она не могла быть отдана в аталычество другой семье. Ей пришлось взрослеть в нашем доме, ожидая возвращения отца, который решит ее судьбу. У Ирины и других женщин, которым во всем помогала, она научилась вести хозяйство, управляться с землей и животными. Умела пахать, упорно заставляя себя тянуть соху, пускай ее борозда и получалась не такой глубокой, как у остальных. Умела сеять просо, зарываясь рукой в мешок и разбрасывая драгоценные семена веером, не забывая подтягивать

песню-закличку на будущий урожай с призывом богов плодородия и урожая Созериса и Тхегележа. Умела приглядеть за полями, отгоняя мелких зверьков и птиц, сбегавшихся поживиться семенами и саженцами. Умела сжать ниву, размахисто орудуя серпом.

Став постарше, она научилась ходить за домашними животными, свиньями, гусями и цыплятами, но забивать скотину отказывалась наотрез. Только на охоте она могла лишить жизни другое существо точным и смертоносным выстрелом, не причиняя ему страданий, а после, преклонив колени, молила богов принять его дух. С пчелами, правда, возиться не решалась и бежала от ульев, боясь быть ужаленной. Она молила пчелиную богиню, Святую Деву Мариссу, мать Христа¹⁴, о сохранении ее жизни и поклялась, что никогда не причинит пчелам вреда. Но сам мед любила и благодарила заступницу за сладкий золотой дар простым смертным, до которого была так охоча.

Катерина часто бродила по холмам с пастухами, но те, увозя скот в горы, никогда не позволяли ей преступать невидимую границу наших земель. Ей доверяли отгонять на пастбище лишь небольшое стадо коз, да и то в сопровождении большой длинношерстой белой собаки. Вечером она собирала коз в загон, наигрывая на маленькой свирели-мэлегжей мелодию выгона отары, сочиненную, как сказывали пастухи, самим богом-покровителем стад Амышем. Порой ветер в верхушках деревьев заводил заунывную мелодию, Катя убегала, пряталась за скалой, ведь так, по преданию, пел сам Амыш, косматый, словно медведь, полуголый бог, не желающий показываться на глаза смертным.

Она помогала козочкам окотиться и сразу обмывала новорожденных детенышей холодной ключевой водой. Научилась доить, а также сохранять молоко, настаивать айран, наполнять кадки, где зрел сыр. Для защиты от волков она, помимо посоха, носила теперь с собой кинжал, подаренный бабушкой: к счастью, он ей так и не пригодился. Ирина говорила, что бывают звери похуже волков, но стоило Кате спросить, о ком речь, кормилица замыкалась и умолкала.

Время от времени бабушка поручала ей важнейшую семейную задачу, которую обычно исполняла сама: заботу о главном очаге в сердце хижины, ведь священное пламя должно гореть всегда. Долгими зимними вечерами, когда все вокруг покрывал снег и нельзя было выйти на улицу, Катерина оставалась в большой комнате с женщинами: они пряли, ткали и переговаривались. Ее привлекала ловкость, с которой каждая из них, и даже бабушка, умели вышивать по коже. Быстрые пальцы сплетали нити и волокна на древнем вертикальном ткацком

---

¹⁴ В адыгской мифологии богородица Марем являет собой сложный синтез христианской девы Марии и языческой богини пчеловодства Мерисы, имя которой, в свою очередь, происходит от имен Мария и Мерис.

стане, где ткали платки, красочные ковры с фигурками сказочных животных, тотемных оберегов рода, символов отваги и силы: орлов, волков, львов, быков... А девочка внимательно наблюдала, попутно помогая разматывать и расчесывать лен, училась прясть шерсть, вращая веретено, зачарованная его гипнотическим танцем.

Катя часто просила бабушку показать ей златотканый плат, подарок султана, и могла часами разглядывать полупрозрачную ткань, разбирая, как тончайшие шелковые нити соединяются с золотыми. Ее удивляло, что можно превратить золото в почти невидимые, тонкие, словно волос, нити. Ирина, шутя, однажды пообещала остричь ее золотисто-русые волосы, чтобы вплести в шелк. Насупившись, Катя поспешила из дома в кузницу, которую называла «огненной пещерой», расспросить мастеров, можно ли так тонко выделывать золото. Кузнец улыбнулся, отложил молот и ответил, что на такое способен только бог-кузнец Тлепш, создатель орудий ремесла и оружия для людей.

Мало-помалу, наблюдая за бабушкой, Катя научилась искусству, которое в нашем народе давалось только шаманам, ибо уловить очертания живого существа – суть то же, что поймать его душу. На полотне она при помощи ломкой красной глины или древесного угля пыталась воспроизвести контуры фигур. Вырезала кончиком ножа или пластинкой обсидиана на любой поверхности, будь то полированный камень или деревянная доска, те же фигурки фантастических животных, виденные на коврах или на золотом покрывале, в окружении причудливых растительных и цветочных орнаментов. Бабушка искусно переносила их красной глиной на большие отрезки льна, служившие образцом для других мастериц аула. Быть может, ей, не говорящей, эти рисунки позволяли общаться куда лучше, чем слова.

Покончив с делами, Катя уносилась в луга и рощи. Открывала для себя мир природы и диких животных, постигала ритмы роста растений и смены времен года, вечного земного цикла жизни и смерти. В лес она поначалу заходила с опаской, зажмуриваясь и призывая на защиту Мэзгуаше, богиню рощ и деревьев. Но вскоре научилась различать породы деревьев, смекнув, что в лесу, как у людей, все живут семьями, такие похожие и такие разные, все переговариваются шелестом листьев, формой и цветами одежд. Листва говорит, когда ловит капли дождя или шевелится от дуновения ветра. Березы, каштаны, орешник, липы, буки и дубы на склонах гор словно по волшебству передеваются со сменой времен года. А еще Катя научилась различать присутствие животных, даже когда их не видела, будь то олень, косуля, кабан или же опасные и дикие хищники, от которых старалась держаться подальше. Она разглядывала их следы, различала каждый звук и шорох в чаще: вой волка, тьякканье шакала или тяжёлую поступь медведя по сухим листьям.

Бабушка, глядя, как она возвращается домой в перепачканной длинной юбке и деревянных башмаках с налипшими листьями, только головой качала. Однажды она отвела внучку к себе в комнату, открыла сундук, который прежде, сколько Катя помнила, всегда был заперт, и принялась доставать одежду на мальчишку лет десяти-двенадцати. То были мои детские вещи, которые мать бережно хранила для будущего внука. Вручив изумленной Кате рубаху без ворота, ремень, кафтан-бешмет, штаны и пару сапог, она жестом велела их примерить. Катя разделась, не сняв, правда, *квенишбе*, кожаного корсета на деревянных ребрах для жесткости. Вот уже несколько лун она чувствовала, как внутри происходит нечто странное, словно тело ее без всякого спросу вдруг начало тягостно преобразовываться. Руки и ноги непомерно вытянулись, и вся она теперь казалась себе бесформенной, неуклюжей. Грудь распухла: если раньше Катя носила *квенишбе* без труда, то теперь чувствовала, что кожаный корсет давит на соски, порой довольно болезненно. Недавно, почувствовав усталость и раздражение и совсем утратив силы от недомогания, она ощутила, как по ногам хлынул поток теплой жидкости, исходящий из небольшой расщелины между ног. Сунув руку под юбку, Катя обнаружила, что та вся перепачкана кровью. Увидев оторопь девушки, Ирина лишь лукаво усмехнулась, успокоив и поздравив ее: пришло время стать женщиной.

Мужская одежда поначалу была ей великовата, но со временем стала впору. С тех пор Катя надевала ее всякий раз, когда выходила на улицу, а зачастую и в доме. Она играла на равных с соседскими мальчишками, запросто войдя в их компанию. Ребята гонялись друг за другом по полям между домами и рекой, боролись, сражались на деревянных саблях. Именно они научили ее стрелять из маленького лука и ездить верхом.

И вот Катя поведала бабушке, что страстно мечтает иметь собственную лошадь. Однажды утром, когда она еще спала, кто-то потянул ее за руку. Это была бабушка, которая пришла разбудить девочку и отвела ее на улицу. Было промозгло, моросил дождь. Катя взволнованно выбежала на крыльцо и увидела жеребенка, привязанного снаружи. Шлепая босиком по грязи, она кинулась к нему, обняла за шею, а потом проводила в конюшню и сама обустроила стойло. Это оказалась молодая кобылка гнедой масти с белым пятном на лбу в форме звезды. Катя сразу окрестила лошадку Звездой, и та стала ее единственной подругой. Когда Звезду пускали в галоп, у нее словно вырастали крылья, словно у сказочного коня Альпа. А еще она, совсем как Альп, понимала человеческую речь. Благодаря Звезде Катя стала чаще убегать из дома, их вылазки становились все смелее и продолжительнее – до самого подножия горного плато, где царили ветра. Порой Катя, заставляя тревожиться Ирину и всю свою семью, возвращалась

лишь день или два спустя. Ирина заливалась слезами, потому что не раз слышала волчий вой, а бабушка мимоходом даже ударила девочку костлявой рукой по лицу.

Всю ночь я слушал эти рассказы, снова и снова ощущая прилив нежности к дочери, казавшейся мне сыном. Что, если моя жизнь еще может возродиться, с ней и ради нее? Что, если двенадцать зим назад, когда жена моя умерла под старым орехом, а сам я уехал топить свою душу и жизнь в крови и битвах, история не закончилась? Быть может, для меня, моей семьи, моего рода и всего *тлалка*, нашего клана, еще осталась надежда, только воплотить ее суждено не мужчине, а женщине, моей Екатерине? В душе я твердо решил, что больше мы не расстанемся ни на минуту, пока не придет время выбрать ей жениха. Тогда я сам вручу дочь суженому. Жестом я попросил ее замолчать, взял за руку с кольцом и прижал белокурую голову к своей груди, поглаживая по волосам. Катя плакала, не стыдясь. Она наконец обрела отца.

Я стал брать ее с собой в походы за незримую границу холмов и лесов, на обширное плато – царство Уашхо, бога небес и ветра. Звезда повсюду следовала за Ночью, крепла на подъемах, все легче переходила в галоп. Катя научилась пользоваться длинным луком, сама делала стрелы, затачивая смертоносные наконечники кремнем и укрепляя их на древках из гибких тонких веток, приоровилась держать в руках шашку, со свистом вонзая ее в старый мешок.

Вечером, у костра под звездным небом, я показывал ей те далекие огни, что были душами предков. Среди прочих там сверкали и самые древние – души свободных дев-воительниц, о которых рассказывали легенды. Одевшись как мужчины, они сражались и охотились верхом, с луком и копьем. Это не просто байки, добавил я: я и сам находил их могилы близ течения Кобани, видел мечи и шлемы, лежащие рядом со скелетами. Их предводительницу звали Амезан, что означало мать священного леса богини луны Амзы. Они не могли выходить замуж, не убив в бою хотя бы одного мужчину.

Тут я остановился и взглянул на дочь, чтобы уловить, не расстроили ли ее последние слова. Катя твердо встретила мой взгляд: если бы ей пришлось сражаться за спасение и честь своего народа, она пошла бы даже на убийство. Но ей решительно не нравилась идея лишать кого-то жизни. Ради одной лишь женитьбы она не хотела идти на крайность. Точнее сказать, Катя вообще не собиралась замуж. Куда лучше жить свободной, скакать верхом среди гор, навсегда остаться с отцом.

В начале лета меня пригласили на большой праздник *тои*, и я позвал Катю с собой. Там издавна знакомилась молодежь знатных родов.

Гуляния готовились на берегу Терека, еще одной великой реки наших краев. Терек стекал с гор в противоположном от Псыжи направлении и впадал в великое море, из которого рождается солнце. Я видел, как Катя вспыхнула от радости: это было первое путешествие в ее юной жизни, и первое – вместе с отцом.

В сопровождении всего двух воинов, без шлемов и доспехов, но с верным оружием, шашкой, луком и кинжалом, мы направились на север, покуда не достигли края плато. Катя, одетая, как и мы, в бурку и войлочную шапку, взяла с собой оружие, лук и кинжал. После двух дней похода, пробираясь мимо скал, чьи зубчатые вершины выделялись на фоне неба, я предложил ей на миг взглянуть направо. Там, на юге, за неровным плато, изрезанным глубокими ущельями, перед нами предстала высокая гора. Одинокая, сияющая белизной, увенчанная, словно рогами, двумя вершинами почти одинаковой высоты, она словно упиралась в небо.

То была Ошхамахо¹⁵, наша священная гора, между двух вершин-близнецов которой обитают боги, а рядом – Уллу-Тау, мать всех гор. Эти края древние звали Кавказом, что значит заснеженные вершины, или Тураном, страной гор. Здесь исток жизни, здесь рождается вода, что бьет ключом в нашей священной роще, и вода реки Псыжь, по которой поднимаются на нерест осетры, и воды всех других рек. Поскольку Ошхамахо – самая высокая гора в мире, именно меж ее вершин, любезно разошедшихся в стороны, чтобы дать ему место, причалил когда-то ковчег, огромная лодка пророка Ноя, что спас животных и прочих тварей от ужасного потопа, поглотившего во тьме времен всю землю и погубившего род человеческий. Гора спит под снегом и вечными льдами, но внутри нее сокрыт в заточении могучий огненный дух. Стоит ему пошевелиться, как все вокруг рокочет и наполняется клубами жаркого ядовитого пара.

Мы спешили среди этих скал, чтобы насладиться видом огромной горы и садящегося за горизонт солнца. Тьма, словно плащом, укрыла горные цепи и весь мир. Но раздвоенная вершина горы еще долго белела в мареве сумерек. Наконец во мраке остался тлеть лишь краешек правого пика: ледяной клинок, походивший на опрокинутый полумесяц или одну из тех блуждающих хвостатых звезд, что предвещают великие и ужасные потрясения. Когда-то древние волхвы последовали за такой звездой в поисках пещеры, где родился Христос, сын Вседержителя и Пресвятой Мерисы.

После долгого путешествия, спустившись с высокогорья, мы добрались к истокам Терека, где и поставили шатры среди прочих

---

¹⁵ *Ошхамахо* – черкесское название горы Эльбрус.

обитателей лагеря, пестревшего знаменами и флажками. Множество воинов, представителей древних родов, крестьян, ремесленников, женщин, детей и слуг было занято последними приготовлениями в недолговечном праздничном городке. Одни собирали лошадей, другие разводили костры, готовили еду и обустроивали огромную поляну к завтрашним гуляниям. Некогда именно здесь татары Тимура уничтожили воинов Золотой Орды, и в высокой траве до сих пор виднелись остатки костей, черепов, шлемов и сабель. А после исчезли, как исчезает в небе рой саранчи.

Воды Терека, стекая с вершин, выточили в горах узкий проход, практически единственную связь между севером и югом: Дарьяльское ущелье или Врата аланов, одного из многих народов, истребленных Тамерланом. Ходили легенды о древнем завоевателе мира, великом Искандере, который с помощью магического искусства джиннов построил здесь гигантские железные врата, чтобы остановить нашествие варваров Гога и Магога. В былые годы я не раз проходил этим ущельем, но ни петель, ни створок не замечал. Правда, мне порой мерещились далекие взвизги труб, но возможно, это просто ветер свистел среди скал, что нависли над долиной...

Примечания

1. Хы Мы́та (адыг.) *Хы МытIэ* – Меотское (Азовское) море.
2. Мамы́ку (*староадыг.*) – повивальная бабка, нянька; (совр. каб.-черк.) повитуха, акушерка – *фызггальхуэ, бынжэпыуциI (-пыбэ); фыздэгызэ, дэгызэ; бабушка, нянька – мамáихуэ, анэихуэ.*
3. Къуа́жа (адыг.) (*къуа́жэ, жы́лэ*) – селение, село.
4. Пшы́ (*адыг.*) – князь.
5. Алмасты́, алмасты́н / (адыг.) (*н)алмэсты(н), къолбастэ* и др. – «снежный человек», человекоподобное существо большого роста, чаще женского пола, покрытое густой шерстью; в данном случае речь идет об адыгском мифологическом образе (адыг.) *Уд фызыжь*, «ведьмы-старухи» с косматой головой, способной ночью высосать кровь у своей жертвы; *Уды (удхэр, удыхэр)* – ведьмы-оборотни.
6. «Страна Мрака», «земля тьмы» – античные и средневековые представления эгейско-критского и кавказского мира о северных землях.
7. Уо́рк (адыг.) *уэ́ркъ* – рыцарь, дворянин, вассал князя.
8. Инал Светлый, или Инал Сиятельный, – великий князь Черкесии, родоначальник кабардинских и западно-черкесских князей (адыг. Инал Нэху / Нэф; (род. (?)) – умер в 1430-х или 1450-х гг. в Абхазии; похоронен в верховьях р. Бзыбь, село Псху, гора Инал-къубэ / «Иналов мавзолеей», почитается как

святое место). Легитимность власти И. над Черкесией была подтверждена общеадыгским собранием – Верховной Хасой (Кажаров, 1992. С. 20-21. – Адыгский фольклор, 1992. С. 264). В первой четверти XV в. проводил активную внутреннюю политику по объединению всех адыгских княжеств и внешнюю политику по борьбе с золотоордынскими ханами и возвращению захваченных земель между Доном, Кубанью и Тереком, в т.ч. восточного побережья Черного и Азовского морей; оказывал военную помощь абхазским князьям; разгромил разрозненные орды кочевников; на территории Черкесии подчинил все генуэзские крепости (в т.ч. 39 генуэзских факторий); вынудил генуэзцев прекратить грабительские набеги на черкесские земли и признать зависимость от местных черкесских князей. Имя князя И. увековечено во многих топонимах от Анапы до Нальчика (Этническая и социально-политическая история адыгов. Средние века (Ж. В. Кагазев). – РАН. – Адыги, М. Наука, 2022. С.37-40).

9. Имена отца и деда князя Инала точно не установлены; имя *Хьурыфэльей* («овчинные / каракулевые ноговицы») является одним из прозвищ князя Инала (предположительно, князь И. носил ноговицы по причине болезни). В народной памяти сохранились почетные имена и прозвища князя И.: Инал Акабгуа (*Инал АкIэбгьуэ* – Инал-Широкий Чуб), *Инал Нэху / Нэф* (Инал Сиятельный, Светлый), Инал Великий, Инал Святой (Инал Шейх). (РАН. – Адыги, М. Наука, 2022. С. 40).

10. Согласно древнему адыгскому календарю, Новый год начинался 23 марта, в день весеннего равноденствия, о котором говорят *«гьэмрэ кIымрэ зыщызэхкIырэ маф»* – «день, когда зима расходится с летом». (РАН – Адыги, М. Наука, 2022, с. 542).

11. Шáкуа (адыг.), *щIакIуэ / кIакIо* – (русс.) бурка; универсальная верхняя плечевая походная одежда, преимущественно на левом плече для свободы движения правой рукой; была широко распространена у народов Кавказа в виде длинной, расширяющейся книзу накидки из тонкого войлока, овечьей или козьей шерсти, с расширенными приподнятыми плечами.

12. Допущена ошибка: адыги не носили сапог. Мужская обувь из экипировки всадника состояла из раздельной обуви (*лъей зэрыт* – каб. яз.): «низкие кожаные чуваки с мягкой подошвой и кожаные (у знати – сафьяновые) ноговицы – паголенки (*лъей*), украшенные вышивкой, со штрипками внизу, плотно натягивавшиеся на ногу, в ноговицы заправляли штаны. Суконные и войлочные ноговицы носили крестьяне. Красный и желтые цвета обуви являлись признаком знатного сословия. Для крепления ноговицы подвязывались ниже колена специальными ремешками (*лъей лъэнкIэпс*) с пряжками или полосками войлока». (РАН. – Адыги, М. Наука, 2022. С. 292).

13. Сáшхуа (адыг.) *сэшхуэ / сэшхо*, «большой нож», (русс.) шашка – длинно-клинковое оружие, появилась в середине XVII в.; «согласно кабардинской формуле, шашка должна быть легкая, как перо, упругая, как лоза, острая, как бритва...». Автором допущена неточность, требующая комментария: с

XIII по XVIII вв. основным длинно-клинковым оружием адыгов была не шашка, а черкесская сабля «джáта» (*джатэ/чатэ*); оригинальная конструкция «джата» (длиной до 120 см.) делала ее высокоэффективным оружием, позволявшим сочетать рубящее и колющее действия. (РАН. – Адыги, М. Наука, 2022, с. 385-393).

14. Допущена ошибка: адыгские князья и дворяне не носили длинные волосы, а в обязательном порядке брили голову наголо или коротко стригли волосы, оставляя на макушке или над левым ухом прядь волос – чуб или оселéдец (адыг. акIэ / áча) – верный признак принадлежности к военно-феодалному сословию. – *«Мужчины бреют голову или очень коротко стригут волосы, оставляя на макушке клок волос длиною в палец [...]»* (Иоганн Бларамберг. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. / Одежда и оружие (рукопись 1834 г.) / Перевод с французского, предисловие и комментарии И. М. Назаровой. Москва: Изд. Надыршин, 2010, с. 34).

– *«Они (черкесы) стригут волосы на голове, кроме одного кончика на темени, который они носят очень длинным и заплетенным. Они также носят длинные бороды. Своим богатством они считают главным образом лошадей, лошадиную упряжь, сапоги и оружие».* (И. Тунман. Путешествие в Крымское ханство. / V. Кубань. – Симферополь. Таврия. 1991, с. 65).

– *«Усы носят длиннейшие. Имеют также при себе [...] бритву и оселок для того, чтобы ее оттачивать, так как они бреют голову, оставляя на макушке пучок волос, длинный и спутанный [...]»* (Дж. Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. – Венеция, 1502 г.).

– *«Типичный портрет кабардинского князя и по отцу и по матери, ибо только такой князь в Кабарде считался полноправным. Как полагалось для этого сословия, он до 16 лет воспитывался на стороне у аталыка, и рос, и бегал босиком (для закалки, вместе с аульскими мальчиками, ничем от них не отличаясь, кроме длинного чуба, который висел у него из-под папахи. «А для чего?» – спросил я его как-то, как бы не понимая смысла этого старого обычая. «Не писать же мне на лбу, что я княжеский сын», – коротко ответил он...»* (Пожидаев В. П. Прикавказские анты и Киевская династия (рукопись – 1940 г.). – изд. М. и В. Котляровых, Нальчик, 2020 г.).

15. Уна (адыг.) унэ – дом.

16. В Кабарде центром села являлась усадьба князя. В селениях пореформенного времени и позднее вплоть до времени социалистических преобразований дом знатного человека сохранял свое значение центра поселения. В то же время уже к концу XIX в. в селениях появляются новые центры на возвышенном месте, где собирались мужчины-простолюдины. (Каламбий, 1987. С. 176-221). Подобная возвышенность находилась или внутри селения, или рядом с ним. В Кабарде сочетание двух центров – княжеской усадьбы и места на площади или на холме под деревом – отмечается и ранее. (РАН. – Адыги, М. Наука, 2022. С. 233).

17. Тхáшхо (адыг.) Тхъэшхуэ / Тхъэшхо / Тха – верховный бог адыгского

пантеона, Великий Дух, Творец Вселенной, человека и всего сущего; рассеян во всем Космосе.

18. Кунáк (тюрк.) *кунак*; *копик*; *конакъ* – гость; (вайн.) *къонах* – «благородный человек»; (адыг. заимств. слово) *къуенáкъ* – «гость», «близкий друг», «друг-родственник» / *хьэщIэ*, «ныбжсьэгъу *благъагъэ*».

19. Жаншáрх (адыг.) *Жаниэрхъ* – «Стальное Колесо»; в отечественной историографии какие-либо сведения о существовании этого города отсутствуют; авторская метафора – «город Ж.», как «место сбора нартов-богатырей»; в нартском эпосе – ежегодное испытание сказочных богатырей-нартов: Стальное колесо (Жаншэрхъ) спускали с вершины Харамы-горы, а один из богатырей, у подножья горы, ударом ноги, ладони или лба загонял колесо обратно на вершину.

20. Псыж (адыг.) *Псыжь*, *Пиыз* / *Psoz* – р. Кубань (870 км); исток – юго-западные склоны Эльбруса, впадает в Азовское море.

21. Хы Фы́тца (адыг.) *Хы ФыцIэ* / *Хы ШIуцI* – Черное море.

22. Речь идет о глинобитном диване в приочажной части комнаты с функцией троподобного возвышения старшего мужчины – главы дома, к которому никто не мог приближаться и, тем более, сидеть, кроме его самого и приглашенных им гостей; как правило, диван являлся и спальным местом хозяина дома. (РАН. – Адыги. М. Наука, 2022. С. 247).

23. Пшени́ный суп с клёцками – вероятно, речь идет о пшеничном супе (адыг.) *хугу хъантхъупс* с клёцками / галушками из кукурузной муки или «хатлама-цивина» из пшеничной муки. (Б. Кубатиев. Блюда адыгской (черкесской) кухни. – Майкоп: Полиграф Юг, 2008. – 480 с.).

24. Пирог, сладкое блюдо с медом и орехами (адыг.), *щIакхъуэ зтеупIэщIыкI* или *зыкIэрыс*.

25. Автором допущена неточность: *pshine* – пшина (пшы́нэ) – это гармошка, гармонь, баян; музыкальный инструмент. В данном случае речь идет не о «пшина», а «шикапшина».

* Шикапши́на, шичепши́на, (адыг.) *шыкIэпшы́нэ*, *шыкIэпшын* – адыгский народный двух- или трехструнный смычковый инструмент, «адыгская скрипка»; изготавливается из одного куска дерева (груша, липа, клён и др.); общая длина 650-770 мм; диапазон звучания – до двух октав; звучит приглушённо; при игре – вертикальное положение инструмента, низ корпуса упирается о колено; используется для аккомпанемента сольному и хоровому пению, иногда в ансамбле с др. муз. инструментами; музыкант, как правило, являлся и певцом-сказителем. «[...] Иногда оплата известного музыканта за свадьбу достигала стоимости хорошего скакуна.

В качестве оплаты за игру могли поступать деньги и подарки (отрезы ткани, бусы, платки, шарфы и т. д.)». (РАН. – Адыги, М. Наука, 2022. С. 678).

26. Хы Мы́та – (см. 1).

27. Тан (адыг.), *Тэн* – р. Дон (1870 км), впадает в Таганрогский залив (Азовское море).

28. Псыж – (см. 20).

29. Хы Ту́ала Темán (адыг.), *Хы Туалэ Темэн* – «Узкое, как два пальца, заболоченное море», Керченский пролив.

30. Euxeinos, Эуксейнос, (рус.) Ойксейнос; от греч. *Pontos Euxeinos* – «гостеприимное море».

31. Кара Дёнис (тур.), *Karadeniz* – Чёрное море.

32. Очевидно, автор использовал недостоверные источники и здесь необходима поправка: соинтеграция древних адыгов в систему античной межгосударственной торговли начинается с VII в. до н.э., а именно с появлением греческих колоний в Причерноморском регионе. В Средние века торговые отношения адыгов были не только с соседними государствами – Аланией, Абхазией, Грузией, позднее с Русью, но и с дальними странами Юга, Запада и Востока (Великий Шелковый Путь). Наиболее достоверные письменные сведения о торговых отношениях древних адыгов сохранились в записях арабских путешественников IX–X вв. (Масуди, Ибнфадлаллаха Эломари, Ибн Баттута и др.). В период XIV–XV вв. (п.б. действие в романе происходит в первые годы XV в.) адыги / черкесы не только были прекрасно осведомлены о существовании Византии и Египта, но и имели с этими странами давние и тесные военно-политические, торговые, религиозные и семейно-родственные связи. Более того, именно этот период (XIV–XV вв.) стал в Черкесии расцветом средневековой торговли благодаря, в первую очередь, присутствию итальянских предпринимателей в Причерноморье, где насчитывалось 39 факторий, т.е. крупных поселений генуэзских купцов с торгово-снабженческими конторами, заготовительными пунктами и даже отделениями Генуэзского коммерческого банка «Сан Джорджио». Адыги не только занимались товарным обменом, но и хорошо знали деньги, как меру стоимости при купле-продаже, и у населения в обращении находились монеты разных стран и достоинств. Сохранившиеся документы банка Сан-Джорджио свидетельствуют, что черкесские князья неоднократно становились его клиентами (зафиксированы даже случаи непогашения кредитов). Фигурантами коммерческих сделок с генуэзцами выступали представители черкесской аристократии, к примеру, князья Берозох, Костомох, Кадибельди и др., обращавшиеся за кредитами в причерноморские конторы банка. (РАН. – Адыги, М. Наука, 2022. С. 204–209).

33. Мужской монастырь Святой Екатерины (Иерусалимской православной церкви) на горе Синай; основан в IV в. в центре Синайского полуострова у подножья горы Синай на высоте 1570 м.

34. Таврó (адыг.) – *дэмыгъэ*, (тюрк.) (монг.) *тамга* – родовое клеймо, как отличительный знак собственности.

35. Допущена неточность: сохранилось немало письменных и материальных свидетельств, прямо указывающих на наличие у древних адыгов собственной письменности – *тхыгъэ*, и самобытного искусства письма – *тхэкIэкIэ IэкIуэлъакIуагъэ*. Итальянский дипломат Иоанн де Галонифонтибус

(XV в.), он же католический Архиепископ Султаннии и всего Востока Иоанн III (полиглот, владел несколькими восточными языками), прямо об этом пишет в «*Libellus de notatia orbis*» (Книга познания мира. Черкесия, глава 9, 1404 г.): «*Страна называемая Зикией или Черкесией расположена у подножья гор, на побережье Черного моря. [...] Они имеют свой собственный язык и свою письменность*». «[...] в Черкесии (первая половина XV в.) использовалась оригинальная адыгская письменность, а также применялась греческая [...] и в меньшей степени итальянская (латинская) письменность. Черкесские феодалы, поддерживавшие отношения с Византийской империей и Генуей, изучали [...] греческий и итальянский (латинский) языки и использовали их в основном при переписке со священнослужителями и с генуэзскими консулами. Сохранилось значительное число документов, в которых зафиксированы торговые соглашения генуэзских консулов с черкесскими князьями. [...] Без письменной фиксации было также невозможно осуществлять сбор ренты и штрафов с населения в черкесских феодальных владениях. Преобладающая часть грамотного населения механически использовала греческий алфавит для фиксации необходимой информации на родном языке. В частности, обязательным элементом адыгской традиции являлись лаконичные надписи на памятниках и надмогильных камнях. [...] К настоящему времени не установлен период, когда оригинальная адыгская письменность перестала использоваться». (Кушхабиев А. В. Проблемы функционирования письменности у адыгов в разные периоды истории // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – № 1 (63). 2015. С. 210-219).

36. Св. Екатерина Александрийская – великомученица, 287-305 гг.).

37. Дева-Матерь Святая Мерисса – древнеадыгский «Марианский титул» с объединением образов Девы Марии (Мерием) и мифологической богини Мериссы, покровительницы пчел (также и в древнегреческой мифологии – богиня пчел Мелисса).

38. Шоген (адыг.) *щоджэн/шэуджен* (schojen) – христианский священник;
– шихнаг (адыг.) *щихънагъ* (искаженное: шехник /shekhnik) – епископ;
– кардан (адыг.) къардэн – дьякон (т.е. священнослужитель первой (низшей) степени священства; помощник священника при совершении церковной службы).

В первой половине VI века, в период правления императора Византийской империи Юстиниана I (Юстиниан Великий, 482-565 гг.), на землях адыгов (зихов) начинает распространяться Слово Божие через греческих христианских миссионеров – епископов (шехников), священников (щоджэн), дьяконов (къардэн), от которых ведут свое начало многие дворянские роды Черкесии. Адыги и абхазы имели собственные епископские кафедры, существовавшие на положении автокефалий константинопольского или антиохийского патриарха. В X-XII вв. процесс христианизации адыгов усилился со стороны Византии, Грузии и Руси. В XIII-XV вв. в Черкесии, наряду с православием существовала и латино-католическая форма христианства.

Несмотря на активную пропаганду христианства, большая часть адыгов продолжала придерживаться древних верований и обычаев (РАН. – Адыги, М. Наука, 2022. С. 716-731).

39. Хабза (адыг.) – *хабзэ* – правило, обычай; *адыгэ хабзэ* – адыгский этикет (совокупность норм поведения, мораль, форма обхождения адыгов между собой, с другими народами, с их представителями); *адыгэ хабзэ кIэлъызехьэн* – соблюдать этикет по отношению к кому-л. (Кабардино-Черкесско-Русский словарь под ред. Бижоева Б. Ч. Нальчик: Эльбрус, 2008).

40. Согласно адыгской традиции, один из важных моментов социализации новорожденного – *цIэусын* «имянаречение». Традиционно первенцу дает имя старшее поколение родственников с отцовской стороны, при этом кто-то из них может заранее запросить право на наречение младенца еще до рождения. Выбор имени аргументировался достоинствами человека, который мог служить новорожденному образцом. Наречение именем человека, достойного подражания, воспринималось как попытка предопределить его судьбу. В адыгской ментальности имя – часть сущности человека. Это отражено в этническом мышлении: как только обрывается жизнь человека, тут же имя перестает быть его символом. (РАН. – Адыги, М. Наука, 2022, с. 415).

41. Джыл, Джиль – древнеадыгское летоисчисление: «Древние адыги, видимо, как и у современных им народов, вели счет по животному, двенадцатеричному циклу [...] Состоит он из 12 лет, и каждый из годов опять имеет свое название: 1 год – мыши, 2 год – быка или коровы, 3 год – год барса, 4 год – год зайца, 5 год – год паука, 6 год – год змеи, ужа, 7 год – год лошади, 8 год – год овцы, 9 год – год красного жучка, 10 год – год курицы, 11 год – год собаки, 12 год – год свиньи. У адыгов начало цикла не с года мыши, а с года паука. [...] Старики безошибочно применяют эту систему летоисчисления, указывая свой или чей-либо из близких родственников год рождения [...] сколько циклов они прожили, какому году христианского или магометанского летоисчисления соответствует их год рождения по животному циклу (109. с. 108-109)». (М. А. Шенкао. Специфика мифо-эпического сознания / § 1.5. Эпическое время в «Нартах». Черкесск, 2005, с. 70).

42. 6936 год от сотворения Мира («по Адаме») соответствует **1428 г.** (автор романа считает, что предположительная дата рождения Катерины – **25 ноября 1428 г.**). В VI веке в Византии была принята «мировая эра летосчисления» с началом 1 марта 5508 года до Р. Х., т.е. от «сотворения Адама».

Примечания А. Кураша

*Муталип БЕППАЕВ,
народный поэт Кабардино-Балкарии*

Муталип Азнорович Беппаев – поэт, пишущий на балкарском и русском языках, – родился 13 января 1949 г. в городе Джамбуле (ныне Тараз) Джамбульской области Республики Казахстан. В 1957 году его семья вернулась из депортации, школу он окончил в селении Яникой.

После учёбы в Литературном институте им. А. М. Горького (выпуск 1976 года) работал заведующим литературной частью Балкарского госдрамтеатра, заведовал отделом творческой молодёжи при обкоме ВЛКСМ, был редактором в журналах «Нюр», «Минги-Тау», заведующим отделом художественных передач на Кабардино-Балкарском телевидении, заместителем главного редактора газеты «Заман» («Время»). В настоящее время – председатель правления Союза писателей Кабардино-Балкарской Республики; секретарь Союза писателей РФ.

М. Беппаев – автор более десяти сборников стихов на балкарском, русском, татарском, монгольском языках. Член СП и СЖ СССР, России, заслуженный работник культуры КБР, лауреат Международной премии имени Махмуда Кашгарского, народный поэт Кабардино-Балкарии. Живёт и работает в Нальчике. Он принадлежит к поколению национальных поэтов, вошедших в литературу в 70-е годы XX века. Первые его публикации увидели свет в коллективных сборниках «Эжиу» («Втора», 1974) и «Тагы суула» («Истоки», 1976). В 1978 году вышла первая книга молодого поэта «Проснувшиеся скалы», сразу обратившая на себя внимание литературной критики и старших собратьев поэта по перу. «Поколение, к которому принадлежит М. Беппаев, – пишет кандидат филологических наук Жанна Кулиева, – внесло большой вклад в формирование облика балкарской поэзии, продолжая традиции известных балкарских поэтов Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, Керима Отарова и других. Преодолевая элементы подражания, они нашли свой собственный язык, внесли новизну и свежесть».

В стихотворении «Мыслитель», посвящённом К. Кулиеву, есть подтверждение вышесказанного критиком: «Ты мыслишь, ты творишь – и, оживая. / Ложатся на лицо листа века. / Придёт другой в сей мир, умру я если, – / Достойней есть немало на веку, / Но, если ты уйдешь, споткнётся песня / Как резвый конь, разбившись на скаку. / ...Слагай и пой, чегемец, свои песни. / Гомер и Пушкин, Лорка и Кязим / Идут с тобой по трудным тропам вместе / Там, где не смог бы ты пройти один».

Поэт М. Беппаев торит свою тропу, ведущую вперёд и ввысь к зовущей его высоте. О чём в идейном преломлении Муталип воссоздаст собственную тамгу в сборнике «Эльбрус – белокрылая птица», да и в последующих своих стихотворных волеизъявлениях. В этом его кредо, его художнический поиск. Сегодня балкарский российский поэт в расцвете творческих сил и таланта. Его поэзия востребована, как востребовано само поэтическое слово.

А ЛЮБОВЬ СИЯЕТ ВОЛШЕБСТВОМ

О, как джейран, прекрасная,
Моя любовь – напрасная:
Так презирает джаз, фокстрот,
И никаких при ней острот...

О, как джейран, прекрасная,
Моя любовь – напрасная:
О, как же, как же с нею быть,
О, как её мне позабыть!?

***

Занята всегда была любовь –
Перелепкой забулдыжных лбов!..
Приручала так, играючи,
Даже шахиншахственнейших львов!

19.04.2022

ИЗ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Над аулом древним, Хасанья,
Будто солнце, на закате дня:
Там боярышник огнём горя,
Как кровинушка богатыря.

На завалинке здесь старики,
А вдали сияют ледники.
Словно алый, огненный родник,
Рядом, тут, боярышник возник!

ЛИК ЕЁ ЧУДЕСНЫЙ

Это никому уж не секрет,
Что моей любимой здесь
                                    портрет –
Средь стихов про любовь –
Лик её чудесный возлежит,
Время же безжалостно бежит...
Это пережить всё требуя.
Бабочка на листике дрожит...

Всё утро с песнею одной,
Всё утро с песней заводной:

«Старик, не хмурь бровей,
Дерзай, держись бравей!»
О, соловей, мой соловей,
Клубочек чуда меж ветвей!..

02.04.2022

СУМЕРКИ

И шум реки,
И сумерки,

Как тут звучат, что струны,
На древних камнях руны...

И шум реки.
И сумерки...
На грани ночи, утра –
Трель соловья, как с утра,
И шум реки,
И сумерки...

30.03.2022

КАЧУ НА САМОКАТИКЕ

Давуше

Качу: то – к папе, Каю,
Качу: то – к маме, Катике,
Я их попекаю,
На дивном самокатике.

С моим, с моим братенчиком,
Железным славным птенчиком:
Дождинки льются – мимо нас,
Вот это круто, это – класс!

Мы вымокли до ниточки,
Заквакали – ботиночки...
Качу я, к Каю, Катике,
На знатном самокатике!

20.04.2022

ВСЕ ЭТИ ЗИМЫ

Необозримы,
Неотразимы –
Холодной стужей –
Все эти зимы...

Март 2022

***

О, соловей, мой соловей,
Клубочек чуда меж ветвей!..

ДАГЕСТАН

Магомеду Ахмедову

Мы сами, будто журавли,
поэты многих стран,
Летим в священный, всеми
так любимый, Дагестан!
Качаясь, Каспий с волнами,
совсем не свысока,

Встречает каждого,
как дорогого кунака!

За годом – год, от бед, от ран –
Сбегаем мы из разных стран:
Все бытом утомлённые,
В благословенный Дагестан.

Прекрасны дружеские лица,
Махачкалинские двory.
Махачкала, любви столица –
У моря, Тарки-Тау горы!

Мы сами, будто журавли,
поэты многих стран,
Летим в священный, всеми
так любимый, Дагестан!
Качаясь, Каспий волнами,
совсем не свысока,
Встречает каждого,
как дорогого кунака!

06.09.2022

ПОЭТ

Кайсыну Кулиеву

По родине блуждал, во сне,
среди гор и скал:
Изгой, изгнанник, депортант –
Всё смерть искал!..
Но благосклонна
всё ж судьба была к нему,
К кавказцу из Чегема,
непреклонному!

27.07.2022

ЧЕГЕМ

Придётся коль уйти,
Мне в мир иной сойти...
И там Чегем со мной,
Как рай небес земной!

03.08.2022

***

Вы во мне,
Миллионы,
Что убиты
На войне...
Вы на самом дне
Моей души.
Вы ведь в каждом дне,
Все, погибшие на той войне!

ПЛЕМЯННИЦЕ

Кулиевой Люазе

Её душа, оставя тело,
Над нами высоко взлетела –
Отмучилась, отмучилась!..
О горной думала прохладе,
Мечтала о семейном ладе...
Утренние, что цветы,
Ваши имена – светлы:
Даниял, Нюржан, Далхат...
Люаза...
К небу, к ним, взлетела ты...
Всё такое как случилось,
Отчего так получилось?..
От всех нас, живущим
счастьем –
Всё святое отлучилось!..

ЗАПИСАЛИСЬ ВСЕ
СЕГОДНЯ В ЛИРИКИ

Инне Кашежевой

Инночка Кашежева,
Солнечно, всегда жива:
Буковкою золотой
Вяжет песен кружева!..

Ехали на юбилей –
Вдруг туман среди гор,
полей...

А кому-то вдалеке
Исламей крутить милей...

Медленно катилися,
Будто в облачном клубке.
Все вдруг очутились,
В странном чёрном клубке...

Думалось: всё кончено.
Всё, кажись, просрочено...
Не доехать, не дойти –
Вся мечта испорчена...

У села околицы
Аульчане – молодцы:
С солнцем все встречали нас –
Дети, матери, отцы!

Это Инны земляки –
Малышня и старики:
Чтя свою любимицу,
Записались в лирики!

19.03.2023

О МАРСЕ И ЗЕМЛЕ

Кажись, на Марсе, старина,
Убита первородина:

С трудом тогда спаслась душа,
Теперь – с Землёй породнена!

От Марса трудно отвыкать...
Нам Землю ль в этом упрекать:
Что чем на Марсе здесь другой,
Иной, земной восход, закат?!

Хотя душа, порой скорбя,
Лепечет в думах про себя,
О всех коллизиях, без слов,
Ногою землю теребя!..

20.03.2023

ОТЦУ ГЕРОЯ РОССИИ

Султану Кярову

Он прост и человечен,
Как будто в мире вечен.
Детей чудеснейших взрастил:
За боль потерь судьбу простил...

Родни, друзей любимец,
Земли родной провидец:
Как много сделано!.. Собрать –
Ведь это невозможно, брат!

Незыблемо ведь счастье,
И к доброте – участие!
А дни бегут, года летят,
Как листья, память бередят.

Дай Бог, любви – побольше,
И жизни, таким – подольше!
Спешит всегда, торопится –
В дела большие просится!..

Он прост и человечен,
Как будто в мире вечен.

Детей чудеснейших взрастил:
За боль потерь судьбу простил.

БЫЛ С ШАТ-ГОРОЙ ОН
ПОБРАТИМ

Михаилу Лермонтову

ВМЕСТО МОЛИТВЫ

В. Тургая

Доберусь,
Сердцем рвусь,
Я прорвусь –
Не прервусь!..
Доберусь:
Высотой,
Красотой,
О, Эльбрус!
Лишь тобой
Довершусь!

О, как же сложно это, брат,
Весь ад души в строку
вобрать!..
Так верность к Музе
сохранить:
Хоть телом слаб, но дух –
гранит!

Мечтает беды все смести,
Поэт, болея – при смерти!..
Он смог в себе все бури
обуздать,
И вечность из строки создать.

Без сна, во мраке – до утра –
Колдуют тут же доктора...
Так боли, горе – упреждать –
Рождённый только
побеждать:

Прошедшие века вновь
воротить,
И с Шат-Горой немножко
побродить...

О, как же сложно это, брат,
Весь ад души в строку
вобрать!..

Эльбрус – когда б не
был горой –
Хотел бы быть, поэт, тобой!

ЭЛЬБРУС

I

О, Эльбрус, златокрылой птицей
Пронзая времени поток,
Ты горства, счастья как исток,
Летишь над самой столицей!

II

О, Эльбрус, словно песнь
победам,
Нам волшебство легенд
поведал:
Балкарии в них святость
сохранил,
И с вечностью небесной
породнил!

31.03.2023

19.04.2023

***

Нет, легкости, задорности,
Изящества, чеканности...
Нет в переводах нынешних,
Богатства слов, народности...

Всё кое-как, с поспешностью,
Подогнано – бездарностью;
Есть в переводах нынешних
Лишь видимость, со складностью...

Родное – всё удалено,
Живое – всё умерщвлено;
Оригинальность, суть и смысл –
И вкривь, и вкось уведено!

Нет легкости – задорности,
Изящества, чеканности;
Нет в переводах нынешних,
Богатства слов, народности...

ГАРДЕРОБ НЕВЕСТЫ

Рассказ

(из цикла «Черкесские этюды»)

Доподлинно известно, что до последнего времени это практиковалось массово, и до сих пор, говорят, в сельской местности бытует известный ритуал, который является важной деталью свадебной церемонии – привоз гардероба невесты в ее новый дом. Обычно несколько молодых женщин, родственниц новобрачной, привозят многочисленные чемоданы, на просмотр содержимого которых собираются все желающие женщины – родственницы, соседки, друзья, а таковых иной раз набирается столько, что даже большая комната их не вмещает: старшие сидят на стульях, младшие женщины толкаются сзади, пытаются не упустить детали происходящего.

Самая речистая из «чемоданного десанта», как правило, свою речь начинает с того, что невеста еще не успела поработать и заработать себе что-нибудь, и эти вещи – тот скромный дар родителей, который был собран на скорую руку. Справедливости ради нужно отметить, что на самом деле хорошие родители чуть ли не с детства делают нужные припасы, дабы не уронить статус дочери в будущем. Дальше следует процесс демонстрации. Заметим, что вещи должны быть новыми, или неотличимы от них, и чем больше чемоданов, тем почетней для невесты. Здесь тоже свои законы: сначала открывается чемодан с верхней одеждой, обычно он самый большой и габаритами напоминает небольшой сундук. Достаются плащи, куртки, демисезонные и теплые пальто, как крещендо, натуральные шубы: вот шубка короткая из песца, вот дубленка, а вот, как атрибут богатого гардероба, норковая шуба в пол. Все вещи висят на вешалках и закатаны в прозрачную хрустящую слюду. Далее идет чемодан с обувью, здесь вся обувь упакована в фирменные коробки известных итальянских брендов: столько-то пар босоножек, туфель, сапог и ботинок, все это тоже демонстрируется, все достается из картонных упаковок.

Тетки ахают, преувеличенно восторгаются. Далее идут чемоданы с вещами по сезону, осень-весна, зима, лето. Само собой, парфюмерия и косметика, если все французское, это высший класс. Зрительницы про

себя считают количество коробок с брендовым парфюмом. Затем идет сундучок с драгоценностями – кольца, серьги, браслеты, цепочки, все, конечно, из золота и с драгоценными камнями. Изумруды отдают зеленью, бриллианты стреляют гранями, испуская пучки радужного света, сапфиры мерцают таинственным синим цветом.

В заключение показывают чемодан с бельем. Так вот, в этот момент может вмешаться какая-нибудь близкая родственница жениха, желающая продемонстрировать свою высокую интеллигентность, и заявить, что, может быть, не стоит рассматривать белье как наиболее интимную часть туалетов, чем лишает зрительниц последних аккордов этой священной симфонии.

Наконец, одна из наиболее уважаемых пожилых родственниц со стороны жениха расхваливает увиденное, благодарит родителей невесты за такую заботу о дочери, желает новобрачной носить с радостью и в здравии все эти замечательные наряды. Ах да, есть еще один важный момент: один из чемоданов содержит подарки свекрам, золовкам, их детям, ближайшей родне. Свекрови полагается украшение из драгоценных металлов с бриллиантами, то же, только с камнями меньших размеров, получают золовки, отцу – хороший костюм и обувь, матери тоже какой-нибудь фирменный костюм, не обижен никто, все от мала до велика получают дары.

Ведь все хорошо знают, как потом на невестке сказываются недочеты «гардеробной кампании»: кольцо для свекрови оказалось ей не по размеру, да и бриллиант был такой маленький, что невооруженным взглядом не рассмотришь, вещи молодой были сплошь контрафактом, а сумочки до единого фэйковые, да мало ли за что всю оставшуюся жизнь будут ее обсуждать и осуждать. Потом начнутся взаимные визиты новых родственников, где так же на чашу весов будут выкладываться барашки, суммы в конвертах, прочие подарки. Доходит до смешного: поскольку все перешли на дензнаки в качестве подарков, первая сторона, наносящая визит, а по традициям это семья жениха, знает: та же сумма вернется к ним через несколько месяцев, правда, в новом конверте и в другом раскладе.

Затем семья невесты должна сделать подарки жениху, а потом – приданое дочери. В общем, скучать не приходится, покой нам только снится. Поскольку в селе не так много событий, заслуживающих внимания, еще много месяцев обсуждаются все детали брачной церемонии. Свекрови очень любят при своих невестках восхвалять чью-нибудь новобрачную: и лицом удалась, и воспитанием, слова поперек не скажет, и вещи у нее все сплошь импортные, и родня у нее в начальниках, а уж свекрам угодила, так угодила с подарками, дай Аллах ей счастливой жизни...

НАФИСАТ

Можно ли быть и умницей, и красавицей, и всеобщей любимицей, потому что добра, нежна, внимательна? Можно ли нравиться всем без исключения, быть примером для подражания подругам и объектом грез для джигитов, каждый из которых готов совершить во имя тебя подвиг? Можно ли быть и рукодельницей, и внимательной любящей дочерью, да еще и прекрасной гармонисткой? При том, что одно не исключает другое, сочетание всех этих качеств в одной юной девушке весьма сомнительно, и, по разумению, у такой особы сначала должно сильно печь и чесаться под лопатками, а потом должны прорезаться крылья и в итоге оказаться там, где положено, то есть в том месте, где квартируют ангелы.

Однако пример Нафисат недвусмысленно являл собой зримый пример такого безукоризненного совершенства, а чтобы тебе прощали твои совершенства, нужно быть совершенной в высшей степени. Дело было до войны, Нафисат исполнилось такое количество лет, когда можно было ее засватать, и потенциальные женихи, конечно же, не дремали, редкую неделю во дворе Нафисат не спешили всадники, прибывшие с почетным предложением породниться. Но родители, которые очень любили свою дочь, хотели, чтобы выбор сделала сама девушка, а та никак не торопилась покидать родной дом, ссылаясь на свою молодость и неопытность, и, никак не обижая сватов, после множества комплиментов как в адрес пославшего рода, так и их самих, сваты вынуждены были отбивать ни с чем.

Правда, был еще старинный кавказский способ – умыкнуть Нафисат, но за ней стояли три брата и отец, с которыми потом пришлось бы вести настоящую войну всю оставшуюся жизнь, да и Нафисат себе цену знала и никогда бы не смирилась с вынужденным замужеством. Потом, к умыканию, как правило, прибегали влюбленные тогда, когда им мешала одна из сторон, или еще какая-то сила, то есть очень важно было заручиться согласием девушки.

Со временем стало ясно: вряд ли Нафисат когда-нибудь захочет создать свою семью, и вряд ли найдется тот, кто покорит ее сердце. Как ни странно, такой все же нашелся, и был это джигит из соседнего аула, которого Нафисат встретила на свадьбе близкой родственницы. Не сказать, что был он всех сильнее, всех краше, всех статней. Но кто знает тайны путей сердца, секреты внезапной искры, пробежавшей от взгляда к взгляду, кто ведает правилами мгновенно возникшего магнетизма, когда взор невольно ищет только одного человека, когда голос меняется в разговоре с ним, когда взаимное притяжение так сильно, что его невозможно скрыть при всем старании.

А дальше все можно предугадать. Чтобы увидеть любимую

хотя бы на мгновение, перекинуться парой слов в сумерках, издали полюбоваться ее походкой, когда красавица днем идет к роднику за водой, джигит стал в любой возможный день приезжать верхом на коне как бы к своему другу, который жил рядом с домом Нафисат. А если увидеть девушку не получалось, он просто гладил украдкой плетёный забор, за которым жила его возлюбленная, и передавал ей письма через соседа, потому что по почте писать письма незамужней девушке считалось дурным тоном.

Настал момент, когда парень попросил официально руки Нафисат, и девушка откровенно призналась близким в своих чувствах, все было слажено, свадьбу назначили на осень, сразу после уборки урожая, как было заведено. Теперь влюбленные могли видеться чаще, но никак не наедине, Нафисат обязательно сопровождал кто-то из женщин, жених тоже брал компаньона, того самого соседа, которого звали Хажисмель. Поскольку этот персонаж сыграет в дальнейшем немаловажную роль, немного расскажем о нем. Был он невысокого роста, рыжеватый, что у черкесов совсем не ценилось, несколько сублильный и вовсе не лидер по характеру, о такой девушке, как Нафисат, он не посмел бы даже мечтать.

Увы, свадьбе не суждено было состояться, как и многим другим свадьбам, видно, так решил создатель. В июне началась война, в первые месяцы забрали и любимого Нафисат, и ее троих братьев, и соседа Хажисмеля, да почти всех аульских парней. А потом великая беда пришла в семью, в течение двух месяцев пришли похорошки на двух братьев, затем и на жениха Нафисат. От горя и слез ослепла мать, заболел и скоропостижно скончался отец. Женщины, вместе с ними, конечно, Нафисат, работали в поле, помогали фронту, как могли. Потом пришли оккупанты и стояли в ауле целых четыре месяца, именно в это время очнулась от теперь привычного оцепенения девушка. Теперь в ее голове была только одна мысль – как бы отомстить проклятому врагу, даже обдумывала план, как сжечь штаб немцев.

Но сделать это было невозможно, немцы ушли, и Нафисат опять впала в полусон-полуявь, все делала по инерции, жизнь для нее потеряла все вкусы, запахи, цвета, весь смысл. В ее волосах появилась первая седина, а на лице, вокруг глаз, лучиками протянулись морщинки, но ей было все равно – для чего и для кого ей быть красивой? Почти в конце войны, за месяц до победы, вернулся Хажисмель, которого комиссовали по инвалидности – потерял правую руку. И, слава Аллаху, в мае приехал старший брат, который ушел на войну тридцатилетним отцом малолетних детей, а пришел в отчий дом седым ветераном.

Все дни Нафисат были похожи один на другой – работа в колхозе до изнеможения, уход за слепой матерью, многочисленные хлопоты по уходу за детьми брата, к тому же капризной невестке трудно угодить,

да видно, судьба такая, быть остаток жизни в прислугах, ведь своего дома у нее нет, да и быть не может, как ей, незамужней, жить одной, это большой позор для семьи. Хажисмель работал бригадиром, после перенесенной контузии он еще стал шепелявить, что было немного смешно, но женихом считался вполне солидным даже безрукий. Ведь мало кто из аульских ребят вернулся с войны, а за это время подросли новые невесты, все хотят жить своей семьей, иметь своих детей. Нафисат теперь не слыла красавицей, как прежде, взгляд ее потух, гармошку она теперь вовсе не брала в руки, да и торжества старалась не посещать. Вдруг новость разнеслась по аулу – Хажисмель посватался к Нафисат, и она якобы дала согласие.

Сочувственно перешептывались – а куда ей, бедной, деваться, выбор небольшой, либо всю жизнь прислуживать строптивой невестке и ее многочисленному семейству и не иметь никаких прав, либо попытаться создать собственную семью хоть с глухим, хоть со слепым, да мало ли с кем. Зато никто не будет ею помывать, не будет она чувствовать вину за съеденный кусок хлеба. Видно, нелегко далось это решение Нафисат, говорят, когда она шила себе приданое, горькими слезами измочила все постельное и столовое белье.

Зима сорок шестого была настолько лютой, что старожилы такой не помнили, и Хажисмель здорово замерз и простудился на собственной свадьбе, хотя, говорят, от счастья ног под собой не чуял. По черкесской традиции, свадьбу он пересиживал у родственников, к новобрачной приходил только ночевать, чтобы уйти с рассветом. То, что произошло на второй-третий день брака, он рассказал только в глубокой старости. Вот улеглись новобрачные, и простуженный, а может, несколько отравившийся жених почувствовал вдруг некое шевеление, некое брожение, и, так сказать, напряжение, извините, в желудочно-кишечном тракте и решил чуточку ослабить известным способом излишнее газообразование, как внезапно оказался в куче собственных экскрементов.

Ладно бы он сам, в общем, ситуация, прямо скажем, не радостная. Если бы у меня под подушкой был пистолет, думал он, я, как солдат, должен был бы от срама и позора застрелиться. Но пистолета не было, и наш герой замер, не зная, как дальше быть. Нафисат же, как ни в чем не бывало, встала, будто обычное дело, вымыла полностью своего суженого-ряженого, благо в комнате была вода, помылась сама, перестелила постель и постирала испачканное, якобы сказав при этом, что теперь у них одна плоть, одна кровь и одна жизнь.

Что было дальше? Вполне себе счастливая семейная жизнь при полном обожании мужем, которого Нафисат заставила окончить сначала сельхозтехникум, а потом и сельхозинститут, в итоге он стал председателем колхоза, и в этой должности, говорили, ничего не

предпринимал, не посоветовавшись со своей мудрой женой. Нафисат теперь в поле не работала, к ней вернулась ее былая красота, она родила троих детей и занималась их воспитанием. Нашлись добрые люди, пожаловались куда надо, дескать, нас после родов сразу гонят в колхозное рабство, а холеная председателяева жена с кучером раскатывает в собственное удовольствие, и прочее, и прочее.

Как водится, в колхоз приехала комиссия партактива, которая была встречена подобающе, а за угощением и различные справки предъявили, мол, заняться прополкой огурцов на колхозном поле в знойный день сестре погибших на фронте героев равнозначно убийству без всякого приговора. На том и уехали с чувством хорошо выполненного долга. Вскоро было общеколхозное собрание, на котором председатель на родном языке отчитался перед многочисленной аудиторией об успехах колхоза, о видах на урожай и строительстве сельского клуба, потом вдруг перешел на русский, который он плоховато знал, и, путая «местов и падежей», поведал следующее. В колхозе, к сожалению, завелись некие троцкисты, которые пишут подметные письма, ругая советскую власть, которая якобы разрешает о-о-очень больным женщинам лечиться дома. А он, фронтовик, который перед решающим сражением вступил в партию великого Сталина и потерял в том бою руку, никогда не позволит в подведомственном ему колхозе чинить произвол. Поэтому он выполнит обязательно задание парткомиссии обкома, которая во всем разобралась, и сейчас обязательно выяснит имена этих самых троцкистов и определит их в места не столь отдаленные лет этак на десять. Стоит ли говорить, с каким вниманием его слушали колхозники, и что уже никто и никогда не потревожил гармонию семьи Нафисат и Хажисмеля...

КУКЛА

Боже, что это была за кукла! Ее ярко-синие глаза в ореоле пушистых черных ресниц смотрели тебе прямо в сердце, читая все твои мысли, а над ними дивными полукружиями разлетались брови, но не примитивно нарисованные, а рельефные и мягкие на ощупь. В алый ротик бантиком можно было наливать водичку из специальной сосочки, а когда куклу клали на спину, она нежным голоском звала маму, и залиристо смеялась, когда ее подбрасывали вверх.

На ножках – изящные шелковые носочки белого цвета и красивые розовые башмачки из настоящей кожи, украшенные ленточками и бусинками. Длинная белокурая грива уложена в замысловатую прическу, которую можно расплетать и причесывать блестящие шелковистые волосы по-своему. А платье с двумя нижними юбочками, чуть выглядывающими из-под подола и украшенными волшебными

кружевами, все также было в рюшечках, бантиках, завязочках, оплетено какой-то сверкающей тесьмой, да так, что на эту красоту можно было любоваться часами. Это, без всякого сомнения, была ее кукла, и сейчас настоящая королева кукол сидела на залитом утренним светом подоконнике, сверкая своей фарфоровой нежностью, и восторг охватил все Юлино существо. Вчера она целый день ждала приезда папы из большого города, и, хотя мама говорила, что папа будет очень поздно, даже, возможно, под утро, девочка надеялась на его счастливое внезапное появление и вечером долго не могла уснуть – вдруг она услышит звонок в дверь, вдруг войдет ее папа и она стремительно побежит к нему прямо в теплые объятия.

И пусть папа ей даже ничего ей не привез, хотя обычно без подарков он домой не возвращался, главное, он дома после месячной разлуки, и завтра они втроем пойдут в парк гулять и есть мороженое, и она будет держать его за руку, а все прохожие поймут, что этот сильный и красивый человек – ее отец.

Первое, что она увидела утром спросонья – волшебная кукла, равной которой Юля никогда не видела, потому что ни в детских магазинах родного города, куда ее нередко водили, ни у подружек во дворе, и даже в книжках, которые ей читала мама, хотя она уже сама могла читать по слогам, ничего подобного не было. Какое-то время, затаив дыхание, девочка разглядывала в немом восторге куклу, а когда осторожно взяла ее в руки, вблизи та оказалась еще краше, еще чудесней, так, что в горле что-то защекотало, и почти появились слезы на глазах, даже долгожданный приезд отца куда-то отступил.

Весь день Юля не спускала куклу с рук, она тщательно обследовала ее всю, знала уже каждую складочку ее платья, каждый завиток ее чудесных волос, и не раз меняла ей прическу, даже ела впопыхах, чтобы опять заняться своим драгоценным сокровищем, а когда подружки позвали ее во двор погулять, вышла на свой балкон второго этажа со своей прекрасной ношей и произвела ожидаемый эффект. Девочки застыли в немом изумлении, а потом разом восторженно заахали. Конечно, Юле страшно захотелось продлить эту восторженность, смешанную где-то с детской завистью, где-то желанием похвастать тем, чем обладала только она.

Но на ее просьбу разрешить вынести куклу во двор мама ответила, что не все дети могут позволить себе такую дорогую игрушку, и не надо их огорчать, ведь очень обидно, когда родители не имеют возможности купить тебе то, что есть у другого ребенка, тем более, что в их городе такую куклу приобрести невозможно. Однако желание полного триумфа так было нестерпимо, и так хотелось, чтобы девочки тоже получили свою долю восторга и счастья, что Юля, воспользовавшись тем, что родители ушли ненадолго, все же отправилась во двор, как

ей казалось, на пять минут, взяв, конечно, куклу. Только на пять, чтобы каждой подружке дать минутку подержать ее в руках и вместе придумать ей имя.

С утра она перебирала в голове десятки кукольных имен, и ни одно из них не казалось Юле достойным такого полного совершенства, каждое из придуманных имен чем-то не нравилось, важно было не ошибиться, ведь имя выбирают раз и на всю жизнь, поэтому оно должно быть столь же прекрасным, как и его носительница. То есть никак не обойтись без помощи подружек со двора, хотя Юля уже самостоятельная.

Ей ведь уже шесть лет, осенью она пойдет в первый класс, она может ключом открывать и закрывать дверь в квартиру, бегаёт сама в продуктовый магазин и даже может пожарить яичницу, осторожно разбивая каждое яйцо о бортик сковородки, которую папа хвалит и говорит, что ничего вкуснее не ел.

И вот она уже окружена всей детворой, кроме подруг, посмотреть на куклу хотят и бабушки на лавочке, и совсем маленькие, которые до этого сидели в песочнице и лепили куличи под надзором старших и теперь тянут грязные ручонки, желая завладеть бесценным трофеем, даже мальчишки оставили свои вечные игры и вполглаза, не подходя близко, смотрят на Юлино чудо.

Чтобы все могли хорошенько рассмотреть игрушку и не искушать малышей, девочки отошли подальше, постелив предварительно взятую из дома салфетку на дальнюю лавочку, Юля только-только посадила на нее куклу, как вдруг раздался громкий скрежет, шум падения и детский визг, это упал с велосипеда и сильно ободрал себе коленку заглядевшийся на происходящее мальчик. Только на несколько секунд внимание всех было отвлечено от куклы, только на несколько мгновений Юля отвела взгляд от своего пока безымянного счастья, как вдруг оно исчезло. Вот, салфетка на месте, а куклы нет. Куда она могла деться? Ведь не провалилась же она под землю, не схватила ее некая рука, опустившись с небес, но факт есть факт, куклы не стало, она исчезла волшебным образом.

Сначала Юля не могла поверить в случившееся, ей хотелось пальцами потереть глаза, чтобы кукла снова появилась и только показалось, будто все это мерещится ей одной, но и подружки растерянно замолчали. Потом все разом загалдели, предлагая варианты причин пропажи и пришли к единому мнению: это могла сделать только Зинка. Тем более что все на месте, пропала только Зинка, а кто-то заметил, что она ближе всех стояла к кукле и, в отличие от всех, никак не выражала свой восторг, а только молча стригла глазами. А рядом кусты, вот она схватила куклу и была такова. Все побежали выручать куклу, а Юля, растерянная и поникшая, вместе со всеми.

Семья Зинки была многодетная, жила она в полуподвальном помещении, отец, как это ни банально, неплохой сапожник, крепко выпивал, и скандалы семейства частенько мешали всем жильцам спать по ночам, но что поделаешь, не выгонять же ребятишек на улицу. Да и никто не стал бы связываться с тетей Дуней, матерью семейства, потому что она в момент гнева изрыгала такой поток проклятий и ненормативной лексики, что ее лексикону позавидовал бы биндюжник, а количеством гнева создатель явно ее не обидел.

Возможно, это был некий последний бастион защиты этой в общем-то несчастной женщины, в чьей жизни было мало радостей, но от такого факта никому не было легче, и все старались ее обходить, особенно когда та бывала в подпитии, что тоже случалось нередко. Периодически тетя Дуня избирала кого-нибудь во дворе своим личным врагом, и тогда держись, громогласно она поведает обо всех язвах жертвы, настоящих и мнимых, всем желающим и нежелающим, и это будет продолжаться до тех пор, пока ей не надоест объект и не появится следующая кандидатура. Тетю Дуню, а тем паче ее мужа-сапожника, давно перестали вызывать в школу, как других родителей нашкодивших школяров, потому что дело неизменно кончалось оскорблениями в адрес школы и учителей и жалобами на то, что дети простых людей не имеют никаких прав и она обязательно напишет генеральному секретарю партии о проделках руководителей школы.

Так и учились выходцы из этой семьи, оставаясь периодически на второй год, пока не уйдут в ремесленное училище. Зинка была в семье младшей и была записана в тот же класс, куда попала и Юля, очевидно, и ее ждал тот же путь, каким шли ее братишки-сестренки.

Дети долго стучались в дверь, пока им не открыл Зинкин отец, по закону жанра одетый только в изрядно поношенные семейные трусы по случаю жары и с сигаркой в зубах, не выслушав, в чем дело, он рывкнул, что Зинки дома нет и захлопнул дверь. И Юля в слезах поплелась домой, сразу пошла посмотреть на подоконник – нет ли там случайно куклы?

Когда родители вернулись домой, Юлино лицо успело опухнуть от слез, глаза превратились в щелочки, а голос осип, на их испуганные вопросы она не могла ответить членораздельно и только повторяла между всхлипами: «Кукла... кукла». Потом, разобравшись во всем и выслушав свидетелей похищения, стали думать, что делать. Куклу ни за что не вернут, это ясно, как день, еще обвинят в подлой инсинуации, поскольку никто не видел Зинку с куклой в руках. Не вызывать же милицию, потом, скорее всего, Зинка где-то схоронила добычу, может быть, спрятала в дровяном сарае под поленьями или закопала в хранившийся там же уголь.

Говорить с тетей Дуней означает попасть под артиллерийский

обстрел, тем более что в последнее время у нее как-то не ладилось с личным врагом, а поскольку мама была с ней весьма осторожна и на провокации не поддавалась, представится хороший случай взять реванш. Юля же умоляла сейчас же, сию же минуту пойти к Зинкиным родичам и выволить куклу, чье нежное фарфоровое естество находится под тяжелыми черными горами антрацита, хотя бы выкупить ее, ведь деньги семейству нужны всегда, но этот план тоже отменили: слишком история разошлась, не признаются там открыто в воровстве. В конце концов папа обещал Юле такую же куклу, даже краше, но дочку это не утешило нисколько – все равно это не будет ее настоящая, родная, любимая игрушка. Но она знала – папа всегда выполняет данное обещание, надо просто ждать, он скоро поедет еще раз в тот город. А еще он обещал, что когда Юля вырастет, окончит школу, обязательно поступит в университет в том городе, и он ей очень понравится.

До школы оставалось три недели, уже были сложены в дерматиновый портфель с блестящим замочком, издающий незнакомые запахи, книжки и тетрадки, всякие школьные принадлежности, и Юля теперь каждый день просила маму показать содержимое портфеля. Потом ночью маму увезли в роддом, потому что у Юли должен был родиться маленький братик, как хорошо, скоро она сама будет читать ему сказки и показывать свои книжки. Утром им сообщили, что мама и малыш чувствуют себя хорошо. А вечером погиб папа. У нее на глазах. Нелепо. Чудовищно.

Юля перестала разговаривать, то есть она отвечала на вопросы, ходила в школу и даже получала отличные оценки. Но по своей воле она ни с кем не заговаривала, в детских играх не участвовала, на переменках не бегала с другими первоклассниками по коридорам школы. С разрешения учительницы просто оставалась в классе и смотрела в окно вдаль, но ничего не видела. Со смерти отца Юля ни разу не заплакала, в ней как будто все замерзло, застыло, все окаменело. Когда в букваре на странице с буквой «к» Юля увидела куклу, в ней ничего не заболело, не заныло. Кукла и кукла. В тот день Юля после школы шла домой, накрапывал мелкий дождик, и, проходя мимо мусорки, увидела, что там лежала она.

Ее кукла, но с оторванными ногами, почти лысая, с клочками спутанных некогда прекрасных волос на затылке. Одного ее синего глаза не было вовсе, а второй равнодушно смотрел в небо, ее платье было так изодрано, что трудно было узнать в ней то кукольное чудо, которое когда-то потрясло девочку. Юля схватила это истерзанное, искалеченное тельце, прижала к себе, не боясь запачкаться, и слезы полились у нее, как из бездонного источника.

Долго она стояла в подъезде, прижимая куклу к груди, отворачиваясь и делая вид, что открывает почтовый ящик, когда

кто-нибудь проходил мимо. И нескончаемым потоком лились слезы, которые она периодически вытирала черным школьным фартуком, а потом постаралась успокоиться, чтобы не огорчать маму. Когда Юля открыла дверь квартиры, увидела, что к ней, радостно пуская сладкие пузыри и улыбаясь во весь беззубый рот, ползет ее братишка, открывший сегодня вдруг для себя радость свободного передвижения...

МЕЧТА

Она была неказиста. Вроде бы и черты лица правильные, и жиром не заросла, и пытается одеваться в принципах господствующего вкуса, но за всем этим явственно читались какая-то зажатая и комплексующая антиличность, несолидная суетливость, исходящая от отсутствия культуры, приличного образования, в конечном итоге, незаработанного самоуважения. Когда Марита Башировна случайно встречалась взглядом с начальством, ее лицо изображало такую преданную покорность, такое тайное обожание, такую угодливость, что визави на секунду даже немного терялся, но, быстро отсканировав убогость объекта, принимал все за чистую монету – кто больше, чем он, заслуживает преданности и обожания?

То есть такая тактика прекрасно работала. А если еще учесть, что любому начальству больше всего нравится затор у дверей его кабинета из желающих поздравить с праздником, неважно каким, будь то день рождения или день хорошего человека, и Маргарита Башировна занимала очередь задолго до появления хозяина на рабочем месте, а потом, вручая подарок, так искренне волновалась и густо покрывалась красными пятнами и лепетала что-то нечленораздельное, хотя репетировала речь у зеркала часами, что, конечно, у любого чиновника дрогнуло бы сердце, и трогательная сотрудница, конечно же, была у него на очень хорошем счету.

Когда-то давно, еще в детстве, она отчетливо поняла: хочешь решать свои дела – не скупись на подношения и слащавые комплименты, потому что «медовая удавка» вгоняет в летаргический сон даже людей весьма неглупых. К слову сказать, мировой закон социальной иерархии существует столько лет, сколько существует человек на земле – чтобы возвыситься, нужны таланты, работоспособность, хорошее образование, высокий профессионализм и еще много всякого разного, а это не только великий труд, но и определенные дарования, которых, увы, в данном случае не наблюдалось. Но, к счастью, есть всякие лазейки: если в четверти грозит плохая оценка, мама «несет» учительнице, а та тоже человек, потом долго рассказывает, что ей чуть руки не оторвали вместе с подарком, и какая эта училка была вся обтруханная, и как

быстро сменила гнев на милость, но дочь не должна ни с кем делиться этой информацией, главное, пусть старается побольше заглядывать в глаза учителям умильно и с подобострастием. Мать старалась, как могла, потому что от сильно закладывающего за воротник отца было мало толку, и его пьяные скандалы по ночам не давали соседям спать. А бедная запуганная девочка росла тихо и незаметно, как мышонок, и мечтала когда-нибудь стать статусным человеком, от которого будут зависеть другие, и тогда не она будет вжиматься в стенку, когда видит руководство, а многочисленные подчиненные при ее появлении. Вот она, мечта, ради этого стоит жить!

Также серенько и незаметненько Маргарита окончила вуз, куда попала с великим трудом, и успешно использовала отработанные приемы, безошибочно помогавшие решать проблемы, возникающие в процессе учебы. Никакие книги, кроме учебников, Маргарита не читала, поэтому отличить Бабея от Бебея и Гоголя от Гегеля для нее, специалиста с высшим филологическим образованием, не представлялось возможным, а понятия благородства, чести, порядочности, тактичности были не просто смешными атрибутами интеллигентных хлопиков, но и вызывали внутреннее презрение. Все хорошо, что ведет к власти, все хороши, если есть деньги, все уважаемы, если имеют должность, статус, вес.

К моменту, когда Маргарита Башировна после вуза устроилась в школу, она уже была замужем. Как известно, мужское сердце тоже не выдерживает обожающих взглядов, намеков на тотальную покорность, абсолютное послушание, и, хотя потенциальный муж смотрел на нее сверху вниз, дело все же закончилось свадьбой. Ни рождение детей, ни хлопоты молодой хозяйки, ни школьники-коллеги-родители, ничто тем не менее не отвлекало Маргариту Башировну от главной мечты ее жизни – она станет уважаемой начальницей, и все прогнутся под нее, и тогда она покажет миру, кто она такая, она отомстит всем за все свои унижения. По ночам ей мерещились огненные слова, как на пиру Валтасара, но вместо «мене, текел, фарес» было начертано «власть, деньги, связи».

С коллегами осторожно-опаслива, с начальством послушно-преданна, у учеников просмотрела все личные дела и, согласно графе, кем работают родители, от сухой вежливости до самой сладкой патоки – это еще не весь арсенал Маргариты Башировны. Но главное – она уши, глаза и другие органы чувств авторитетной завучихи, которая делит с ней не только обеденную чайную церемонию, но и список прегрешений педагогического коллектива, более того, даже жалуется периодически на директора школы, неслыханное вольнодумство! Конечно же, Маргарита Башировна охала, закатывала глаза и уговаривала начальницу не нервничать, ведь здоровье не купишь, а все и так знают, что школа без нее не просуществует и недели, и если завуч

вдруг ее покинет, следом тут же сама уйдет с работы, пусть это даже грозит черными сухарями и голодными обмороками.

При этом тайно записывала на диктофон, замаскированный под косметичку, откровения начальницы, и вскорости таковые стали достоянием того самого директора, но не от самой Маргариты Башировны, боже сохрани, просто ловко была организована нечаянная утечка информации, появившейся невесть откуда, ведь и у стен имеются уши. Кстати, любопытная деталь: когда завуч поняла, что лучше освободить место, как вы думаете, кого она порекомендовала вместо себя? Правильно, Маргариту Башировну, у которой в течение первых суток мгновенно прорезался голос то с покровительственными, то угрожающими, то агрессивными и прочими нотками, в зависимости от степени приближенности работника к любой власти, даже самой крошечной.

Теперь она не просто шла по коридору, а несла себя, и в кабинет к ней дорогу преграждала важная секретарша, которая по совместительству была тайной осведомительницей. Директор в последнее время часто болел, и Маргарита Башировна потихоньку стала забирать в руки все нити правления, без ее разрешения, как говорится, ни одна муха не залетала в школу, а учителя стали ее бояться, потому что каждый привыкает к своей работе, своим сотрудникам, к точке города, куда ходит много лет на работу знакомым маршрутом, и не хочет ничего менять. Ведь новый завуч ни перед чем не остановится, чтобы убрать неугодного сотрудника.

Всем, от вахтера до ученика, известен был случай, когда у одной из учительниц пропала дорогая меховая шапка, на чьи поиски ринулись две известные шестерки госпожи, и обнаружили пропажу в сумке смелой, принципиальной, независимой учительницы математики. Конечно, никто не поверил в ее вину, но в итоге та слегла с инфарктом, а Маргарита Башировна избавилась от конкурентки, которую уважал весь педколлектив и мечтал видеть на месте завуча. Теперь ее главной задачей стало устранить директора. Тот безоговорочно доверял новому завучу, которая вместо него часто ходила на совещания в роно и министерство, и там дрожащим голосом и со слезами на глазах нужным людям конфиденциально и полупшепотом рассказывала, что бедный, бедный шеф, господи, какой это чудесный человек и как его жалко, совсем плох, главное, все забывает, и даже ходят слухи, что якобы бедолага как-то заблудился на соседней улице, хорошо, что его узнали ребята из школы и привели домой.

Рассказами дело не ограничивалось, в ее телефоне были контактные номера и даты рождения всех нужных работников, которым она отправляла на карту немалые суммы с припиской, что не знает, какие цветы любит именинник, и поэтому просит, сгорая со стыда, самому купить себе цветы, а они, как известно, не имеют

денежного эквивалента, и об этом известно всякому, кто хоть чуть знаком с этикетом.

Пока Маргарита Башировна расчищала себе место под солнцем, выросли ее дети, на которых попросту не хватало физических и духовных сил и на которых, поздно вечером возвращаясь с работы, обрушивала весь шквал сегодняшних стрессов, потерял работу и совсем отдалился муж, но все это виделось только периферийным зрением, ведь большой коллектив держать в железном кулаке ох как не просто.

Стоит ли говорить о том, что скоро директорский кабинет пал под напором целеустремленной дамы. Коллектив теперь весь был поделен негласно на приближенных, нейтральных, тех, от кого нужно избавиться в принципе, и тех, от кого нужно избавиться срочно. Приближенные имели льготы: директор их защищал перед учениками и родителями, у них были хорошие оборудованные кабинеты, они получали некие звания, что опять же есть прибавка к зарплате, при возможности – премиальные, о которых никто не должен знать, подобно тайне трех богинь.

Особенно старались две наперсницы, те самые, которые обнаружили злосчастную шапку, теперь они были ее следователями и дознавателями, поэтому их существование было похоже на вакуумное безлюдье, поскольку все спешили пробормотать краткое приветствие и прошмыгнуть мимо от греха подальше. Чрезвычайная тройка, как их прозвали, каждый обед уединялась в кабинете директора и обсуждала всех, кто сегодня поздоровался недостаточно приветливо, кто, проходя мимо кабинета директора, не согнул стан хотя бы чуть-чуть, кто посмотрел на сатрапок якобы нехорошим взглядом, кто на прошлый праздник занес только дешевое вино и плохонькую коробку конфет, да мало ли в чем был уличен. Приговоры подлежали немедленному исполнению.

Основной состав был на нейтральной полосе, ожидая, чем закончится все это, потихоньку и с опаской обсуждая школьные события тесным кругом доверенных лиц, но пока они не бунтовали и потому не представляли опасности. Но есть еще борзая молодежь, которая школьную деятельность считает временной, кто, видите ли, не потерпит несправедливости и придинок. Но и здесь не все так просто, ведь у кого-то могут обнаружиться влиятельные покровители, а с такими нужно заигрывать и делиться крошками небогатого школьного пирога.

А есть и такие, которые в грош не ставят авторитетное начальство, чуть ли не открыто насмеваются над его неграмотностью. Присутствуя на открытом уроке у одной такой, директриса имела неосторожность исправить правильную фразу ученика на неправильную, а эта хамка не только не поддержала Маргариту Башировну, но и сказала, что правильный вариант можно посмотреть в словаре, что все охотно и сделали. Хотя ничтожная эрудированность Маргариты Башировны и ее

«ложить» и «звонит» с ударением на первом слоге были всем известны, случай был вопиющим. Как после этого терпеть в подведомственном коллективе ту, которая вознамерилась подорвать незыблемый авторитет руководительницы, а ведь ею не нахвалится и ближнее, и дальнее начальство.

Теперь за провинившейся следила вся тройка: не опоздала ли на полминуты? Не отпустила ли класс чуточку раньше? Не сделала ли замечание чуть экспрессивней, чем положено? А как у нее баланс пятерок и двоек? Ставит двойки – гнобит детей, а пятерки – распускает класс. Но, увы, серьезного повода для казни не находилось, хотя по каким-то мелочам на педсоветах ломались копыя, мол, не пристало в российской школе одеваться так модно, тем более, о ужас, носить брючные костюмы, нельзя, чтобы ученики облепили плотно учительницу в такой чреватый эпидемиями период и т.д., и т.п. А той все смешно, она даже реагировать серьезно не может на явную чушь.

В общем, за несколько лет с помощью своих прикормленных инспекторов Маргарита Башировна смогла избавиться от самых профессиональных молодых педагогов и сильно опустить общий уровень образования в школе. Зато каждый день в ее школе ме-ро-при-я-ти-я: первый звонок, последний звонок, срединный звонок, предпоследний.

А как эту школу хвалит министр, как он приводит всем в пример работу одного из лучших школьных организаторов! Теперь Маргарита Башировна добилась всего, о чем мечтала, и даже та самая независимая девица переехала в другой город, теперь в школе не осталось ни единого человека, который бы не трепетал при одной мысли о ней. Куда делась та серая мышка, которая не могла позволить себе обновку раз в год, теперь это дама-патронесса, обвешанная тяжелыми золотыми украшениями, ее теперь побаивается собственная мать. Слава Богу, можно было приступать к выстраданной жатве, ведь сколько сил было положено на тот образ жизни, о котором мечтала, да и нагрузка в школе свелась к минимуму, дисциплина железная, замы вовсю стараются, пашут. Дальше делать карьеру она не намерена, идти в замы к министру – терять свою самостоятельность, а в министры ее не пустят, ее связи тоже не безграничны.

Маргарита Башировна в этот вечер испытывала чистый триумф и была бы вполне счастлива, если бы не периодическая боль в пояснице, но от этого, слава Богу, никто не умирает, у кого нет сейчас протрузий, даже маленьких грыж, но, видимо, придется пролечиться, боль ведь усиливается, куда денешься.

Через неделю консилиум врачей, возглавляемых дедушкой одного из ее учеников, известным доктором, пришел к единому мнению: у пациентки рак в последней, неоперабельной стадии, и жить ей осталось месяцы, которые не пожелаешь и врагу...

ГВОЗДЬ АТАБИЯ

После войны дело было, в Беды́ке – небольшом посёлке на Баксане. Долина тут заканчивается, и дальше, наверху, река уже в теснине, в ущелье течёт. Атабий и Боряня собрались за углём, в Грузию. Звучит странно, но это правда. Когда балкарцев в сорок четвёртом депортировали, Приэльбрусье к Грузии прицепили. Берия написал, что Кабардино-Балкария не смогла от фашистской Германии отбиться, поэтому СССР нуждается в плацдарме и в передовом рубеже на северном склоне Кавказского хребта. Оборона надёжнее станет. Чушь, конечно. Картвели – чистая радость, с ними за столом хорошо сидеть, веселиться, дружбу водить, а вот вояк у них, кроме сванов и хевсуров, считай, что нет. Слишком цивилизованы.

Границу провели по Верхнему Баксану, но шутник-Лаврентий велел шлагбаум километров на шестьдесят вниз по ущелью спустить. Там и стоял, если старикам верить, чуть выше Беды́ка с белой надписью «Грузия». Кабардинцы его не трогали – Берия не только юмором славился, но и любовью к деталям. Пятьдесят вёрст территории не стоили перспективы воссоединиться с балкарцами в Казахстане и Киргизии.

Где-то до конца сороковых за этим шлагбаумом до самых перевалов людей по берегам Баксана почти не было. С полсотни сванских семей, из-за хребта переселившихся, пара сотен русских, что до войны успели осесть, молибден и уголь добываючи – вся демография. Комбинатовских эков никто не считал, да и жили они сбоку-наверху, у шахты, в бараках «Горного».

Уголь в ущелье отвратный. Половина в золу уходила, а дорога называлась «Последний бой» – разве что ослами вывозить. Но партия не ископаемые ищет. Она знает, что только пролетарии к будущему стремятся, в них большевики и перевоспитывали крестьян на шахтах-заводах. Ну и закваска российская из забоев, цехов – без этого никак. Молибден и вольфрам нужны – после того, как Флёрова металл нашла, в республику шахтёров нагнали. Местные скотом промышляли, горняки из них никакие, Ростов и Донбасс радостно бросив, русские и поселились в горах. В Тырнаузе руде радовались, в Быллыме уголёк счастливо рубили, алебастр обнаружился – ещё довольных прибавилось.

Вот эти двое из Бедыка, через шлагбаум в Грузию – то есть в Былльм – за углём шли. У них котельная; дерево под боком, но его не только срубить надо, но и на куски нашинковать, чтоб в топку помещалось. А уголь – сыпь без проблем. Начальство за них договорилось, у шахты их телеги ждали.

Боряня – ростовский, от пыли забойной лица уже не отмоешь. А Атабий... Он не из тех Атабиевых, что в своё время князя Шунчева с крымским сердаром за девушек своих прирезали, не из усхурских. И не из малкарских Атабиевых, которые себя к осетинам выводят. И не из жемталинских Атабиевых, кабардинцами записанных и не выселявшихся. Он вообще не Атабиев. Сейчас многие в его внуки лезут, в грудь стучат – и в Балкарии есть дети Шмидта! «Атабий, – спорят – это не имя, а фамилия наша была!» Да, не Атабиев. Но и не Атабий. Не балкарец был. Звали его Афанасий, родился под Тулой, соответственно, русским.

Разговоры разные ходили. В Бедыке он появился, когда начинались колхозы и борьба с кулачеством. Сам Афанасий молчун, и глаз у него звериный – лишний вопрос задавать никто не захочет. Но шурин, что с ним приехал, – тот попроще. Через него в ущелье смутно знали, что, по злости на продрозвёрстку, мужик отряд ЧОНовцев укатал – стенка на стенку. В одной стенке он, сам на сам, а в другой – стражи революции. Стрелять его – народ баламутить, уважали сильно, многие семьи от голодной смерти спас. Крикун один был, Фитюля – Атабий ещё до Совдепии зубы ему выбил – высылки требовал, да сельчане на своего начальника не посмотрели, заткнись, говорят, через тебя мы и в партию верить перестали.

Афанасий сам решил уехать с родины. Сказал: если такие голодранцы и пустобрёхи, как Фитюля, в силу вошли, то нечего здесь делать, он работу и сытость любит, а митинговать, на печке лежать, воздух портить... Пусть бедняки и сочувствующие этим занимаются. Что можно было продать – продал, остальное по селу раздал, и дунул вниз по линии на Кавказ. До гор добрался, посмотрел, как местные скотину держат, и остался. Как раз племсовхоз уже развернулся, дел было невпроворот.

Бедыкские во все шуриновские рассказы поверили-не поверили. Мог отряд на землю уложить – это понятно, сила у него, какую балкарцы «чёрной» называют. «Базук» – бедренную кость барана – одной рукой об стол ломал. Богат был – тоже ясно, за пятерых работал, такие не нищенствуют. А вот что сельчанам сильно помогал, иной раз корову мог отдать, – сомнительно. Слишком уж человек угрюмый.

Однако вскоре тот самый Фитюля в ущелье заявился – комиссарить прислали. Встретились на сходе, заметил он обидчика, гимнастёрочку одёргивать начал, воду из графина хлестать, да-а, говорит, вижу и здесь

есть ненадёжные элементы. Все глазами хлопают, Афанасий встал, что, спрашивает, в России людей по миру пустил, до Кавказа добрался? И ушёл. Тут новый парторг завёлся, и по всему получилось, что шурин не врал. Долго он про кулацкие подачки, попытки подкупа советского крестьянства разливался. А шурин через пару дней уехал. Стало ясно, кто каким ветром дышит. Человек прижился, жениться надумал – если бежит, всё бросив – неспроста это. С того дня Афанасия в селе по фамилии «Арсенулу» – Арсенин он был – называть стали, а вражина его в Фитюлю даже для детей превратился.

Так что «Атабий» – не «Атабий», а был русский. Такой, что из самого нутра земли растёт, из каменного ядра. Здесь-то оно поближе, и ему по душе пришлось. Да и сами судите – откуда в Балкарии в сорок девятом балкарцу появиться? Они только-только в Азии приподниматься начали – дети подросли, матерям помогают. Атабием его прозвали из-за разницы в педагогических традициях русских и кавказцев. У русских как? Отец сына и «сынком» назвать может, и по голове погладить, и приобнять в порыве чувств.

А здесь раньше иной батя за всю жизнь два раза на отпрыска своего взрыкнет – вот и всё общение. Трогать ребёнка нельзя, на руки взять – позор, разговаривать перестанут. Не так давно случай был. Мужик один из Нижнего Чегема, Аскер, на олимпиаду вышел, на сенокос. Косит где-то на Ак-Топраке. Там терраса и обрыв к реке, с полсотни. Жена пришла с сестрой и пацаном, на дальней стороне валки собирают, мальчик, года два ему, из одежды – только сверху, вокруг отца бабочек пугает. И поскакал к пропасти. Аскер косу бросил, догоняет детёныша, а схватить нельзя! Тот – брык. Папаша едва успел на край рубашки наступить. Долго орал, этот висит, этот стоит, женщины, наконец, прибежали, ребёнка на руки взяли. Вот так.

Афанасий приехал в Бедык уже в годах, сильно за сорок, детей у него – четыре парня, две девочки. И управлял он ими и женой так, словно всю жизнь в Баксанском ущелье прожил – бровями и взглядом. Слушались его мгновенно, беспрекословно и беззвучно. За это и прозвали «Атабий» – отец-князь. Здесь стараниями большевиков некоторые горянки уже, подбоченья, начали с мужьями разговаривать, и дети слово «сейчас» выучили, а у Афанасия – ни-ни. Как зыркнет, так вся семья наперегонки исполняет.

Понравилось ему в горах. Иной вечер даже к сельсовету выходил, с людьми посидеть, покурить. И те приняли: строится начал – в барак не захотел – собрались, стены, крышу в два дня поставили. Ещё – как коровы с пастбища идут, его встретят, обязательно рядом с ним сгрудятся, ждут, чтоб шею почесал. Мало ли, что нелюдимый. Зато свой.

Но крестьянствовать не получилось – новый парторг сказал, что всяческие мелкобуржуазные поползновения у советской власти поперёк

горла стоят, пора в пролетарии перекраиваться. Работал на стройке. На шахте. На руднике. Снова на стройке. Потом ему на вскрыше – карьер расширили – ногу камнем расплющило, пришлось отнимать выше колена. Он разговаривать почти перестал. Хорошо, в соседях у него два чабана жили – Биязурка и Ахмат – про тех вообще не знали, речью владеют ли. Втихую пошучивали, что и не люди они вовсе, а алмасты, незаметно в посёлке прижившиеся. Как раз для Афанасия товарищи, хоть и постарше. Соберутся втроём и молчат. Кто другой, если присядет – мороз по коже продирать начинает и валит от них.

Хотели его сторожем к делу приставить, или учётчиком каким – напрочь отказался. «Мне, – оскалился, – хоть советская, хоть какая, а паперть не нужна. Детей поднимать надо, дайте дело нормальное, чтоб зарабатывать». А кто ему даст? Он же калека.

Торкнулся туда-сюда, наконец, разрешили, прибился к друзьям своим, начал пастушить. Ничего, приспособился. На самом-то деле, верхом какая разница, сколько у тебя ног. Да и пешим получалось: из боярышника костыль себе сделал, вроде длинной клюки, Хажибий острие оковал. Под мышку упрёт и пошёл скакать. Не всякий здоровый с равнин по такому склону на четвереньках пройдёт, а он вниз с уступа на уступ прыгал три на раз: костылём втыкается в промежутках, ногу каждый раз ставит через три шага и на шаг ниже.

Так и жил. Потом немцы пришли. Поголовье – что оставалось – наверх, в глухомань подняли. Фашистов прогнали – вниз спустили. Вскоре народ вывезли в Нальчик и отправили на восток. Скотину всю реквизируют. Афанасий сроду никого не просил, но тут в райком ходил, хотел, чтоб стадо оставили, хотя бы часть. Его спрашивают: лошадей нет, как успевать будешь, это же балкарские коровы. Они коровами только называются, от настоящих отличаются, как рысь от овцы, ростовой забор с места, без чиха, берут. В конце руками махать начали, иди-ка ты, подобру-поздорову, армии отдадим, а ты, инвалид, в котельной работай.

Фитюля постарался – вертелся там. Он в ущелье подполье ставить должен был. Как немцы под Сальском рванули на юг, оказался аж в Грозном, там партизанил, грыжей и плоскостопием мучаясь. Тут появился. Добра не нажил, но живой и как бы при начальстве.

Несколько лет Афанасий котельную топил, семья не бедствовала – двое его старших на фронте погибли, государство давало, что положено. Но у него с этим пастушеским ремеслом бзик случился – хотел чабанить. Тут уже и бумаги всякие пошли о восстановлении сельского хозяйства, району коров дали, мужик осатанел – до обкома добрался.

В Бедыке с ним опасались напрямую разговаривать, не урезонивали. А из Нальчика дважды приезжали. Первый раз Фитюля пожаловал –

местный же кадр. Вызвали Афанасия в сельсовет, он приходит, этот там сидит. Гладкий, и глазки уже не бегают, твёрдо смотрит, даже медальки – откуда взялись? – на груди побрынькивают. Ты что, блеет, своими кляузами загружаешь партийные органы, скрытый саботаж разводишь. Стол между ними был, Фитюля говорит и карандашиком постукивает. Только раз – и замолчал. Люди смотрят, а это Афанасий взгляд на него поднял. В зрачках у него – ничего, кроме смерти. Обомлел комиссарик, сидит белый, кадыком шевелит и лужу напрудил. Застыло всё, в комнате ни звука: шевельнёшься – пуля в сердце! Кто-то точно не жилец. Ну, обошлось, помолчал мужик, двинулся из конторы. В дверях остановился, не глядя на обкомовского, негромко, в сторону, сказал: «Ещё раз увижу – горло вырву!»

Вторым настоящий местный приехал – чуть ниже Бедыка село стояло, Жанхотёко. Там и кабардинцы, и балкарцы жили, не опустело оно после выселения, бедыкских как облупленных знают. Этот сам появился в котельной, поздоровался, чего, спрашивает, тебе не хватает, может, просьбы есть. Афанасий с пояса к нему повернулся – волчара, разве что не рычит: «Ничего не надо. Кроме работы!» Тот и так, и эдак. Молчит Атабий, только когда обкомовский довольствие за сыновей помянул, костыль сжал – даром что сухой да свилеватый – заскрипел он. Сначала даже непонятно – не то Афанасий зубами играет, не то дерево плачет. «Они, – выдохнул – не на прокорм мне сгинули».

Замолчал обкомовский. Постоял, хмыкнул, смотри, мол, и укатил. С тех пор пару-тройку зим прошло, а Афанасия – как нет. Сидит в котельной, ни гу-гу, и его никто не шевелит. Честно сказать, после того как людей выселили, он из Бедыка и носа не казал, только в обком и райком мотался. А чего шевелить – кочегарит, и слава богу. От начальников карьерных до собак поселковых все знают: лучше не трогать.

Но так выпало, пришлось ему за углём шагать. Обычно, что ни попадя сверху присылали, тут раздобрились – выбирайте. Кому как не Афанасию грузить – сам топит. И Боряня шахтёр потомственный, разбирается. К тому же весельчак он был, в селе, наверное, единственный, кто мог пошутить с кем угодно, и с Атабием тоже. Подумали: авось, не придушит по дороге. И снарядили.

От Бедыка до Быллыма километров пятнадцать. И первые пять – самая теснина, там Баксан Скалистый хребет пересекает. Камни нависают, верх у самого неба, а от стены до стены кое-где четверть крика. По-балкарски это место раньше называлось «Тамак» – глотка то есть. Подходят они к выходу, где скалы чуть расходятся; спокойно, без приключений, а там пластуны из девятой дивизии тренируются. Кубанские казаки имени ЦИК СССР Грузии, была такая хохма.

Афанасий остановился, ухмыляется на то, как они по скалам

ползают. Сам-то он к балкарцам привык, а казаку на голом отвесе что делать? Ему степь нужна, гранит ни к чему, один конфуз. Вот и шарятся низами на склонах – Биязурка по таким ходил, как по сельскому майдану. Боряня спутника своего тянет, пойдём, чего тут торчать, и солдаты уже посматривают, а Афанасий на костыль откинулся, кисет достал. Наконец майор – майор с ними был, не абы кто! – не выдержал, спрашивает, чего такого интересного товарищи колхозники обнаружили. «Да так, смотрю, ловко вы по скалам шуруете, – усмехнулся он так криво-криво, медленным взглядом обвёл начальника от сапог до козырька и добавил, как сплюнул: – Стрелки горные!»

У Боряни челюсть отвисла: никогда такие длинные речи от него не слышал, а майор аж позеленел. Но сдержался, портсигар достал, угощайтесь, чего самокрутки смолить.

– Что, старшой, хреновые бойцы у меня?

– Да уж в горах никакие, – на папиросы, понятно, и бровью не повёл. – Таких бедняг «Эдельвейсы» слоями укладывали.

У офицера глаза светлым налились, Афанасий это заметил и уставился в них так, что Боряня отошёл и на камень присел.

Командир взгляд опустил, похмыкал:

– А ты, смотрю, и егерей помнишь? Умел в скалах ходить... Не они ли наставничали?

Солдаты тоже стоят поодаль, слушают. Афанасий костыль под другую подмышку перекинул:

– Германец? Бери круче.

Майор совсем сладко прищурился:

– Стало быть, выселенцы... Так ты, инвалид, показал бы, как надо... – потом опомнился, головой тряхнул. – На рожон лезешь, отец, за языком не следишь.

Но Афанасий уже упёрся. Чего, говорит, не показать? Тулуп скинул – и к скале. Военный опешил, на Боряню смотрит, тот рукой махнул: всё, теперь только пуля в лоб остановит, крупнокалиберная. Майор солдатикам кричит, чтоб задержали, но куда там!

Этот с маху на первый карниз: костылём оттолкнулся, ногу на щербину какую-то невидную поставил, вверху, как веслом об воду, дрыном своим зацепился, дёрнул и уже там. Потом закинул кизилую ручку на верхний уступ, подтянулся по стволу, стрелки подбегают, а он уже на скале, считай, три косые сажени до него. Пара трещин была – до одной метра два, горизонтально шла, слева и аккуратно над ним заканчивалась. Другая далеко уползала: высоко над головой косо вправо уходила, углом заламывалась налево и вверх до нависающего наката. Афанасий снова клюкой, как крюком, зацепился за первую, подтянулся, ступню в щель вставил. Скрючился, прижался к камню, падать уже так, что целым не будешь, культя мешает, и сердце – бах-

бах-бах! – всё норовит об скалу удариться, оттолкнуться, полететь, куда бог даст. Вот и кончился старший Арсенин!

Только силы в нём было немеряно. Дыхание перевёл, ногу высвободил. Вытянул себя на одной руке, ещё и отжался на ней. Переметнулся на крюке с правой ладони на левую, дотянулся до косой трещины и повис на ней. Люди снизу смотрят, не мигают, а Афанасий одной рукой держится, другой костыль свой из стенки достал. Заправил за пояс и пошёл-пошёл на пальцах вверх. Добрался до самого наката, там, где отрицательный угол, ещё несколько раз руками перехватился за крошечные выступы. Повис на левой, правой костыль вытянул. Сверху в скале вылом был узкий – в него клюку свою и забил.

Как спускался – другой разговор. Последние метров восемь просто прыгнул, по пути только на карнизе спружинил на мгновение и кувыркнулся вниз. Всё, что делал, понимал – и здесь, как заправский цирковой, через сальто на ногу приземлился. Ну, не устоял, зато ни ушибов, ни вывихов, царапин серьёзных и то нет.

Все к нему. Афанасий за Борянину руку поднялся, отряхивается. Майор – глаза у него сейчас выпадут – потеряно по карманам хлопает, портсигар ищет. Солдаты рты пораскрыли, разве что слюна не капает.

Покурили «Герцеговину», пора двигать. Майор спрашивает, куда они, и как теперь-то, без опоры? Боряня объяснил куда, зачем, командир им – пару лошадей; у конторы, говорит, оставите, а сам вверх смотрит. Торчит там костыль, хоть глаза выдери! Афанасий молча на лошадь взметнулся, офицеру кивнул, спасибо, мол, тот к нему шагнул:

– Отец, зовут-то как?

Афанасий лошадь тронул:

– Атабием кличут, – и в намет: не успокоился ещё после скалы.

Дальше ровно было. Привезли уголь, неделю ещё мужик в котельной проторчал, а потом дали ему стадо, и начал он чабанить. Майор, скорее всего, слово замолвил – заезжал в Бедык, всё расспрашивал. Ещё люди говорили, что перед тем, как Афанасия скотником поставили, из райкома первый на «Тамак» приезжал, вбитым костылём любовался. Место, кстати, само собой переименовалось в «Атабиевский гвоздь». Когда балкарцы вернулись, так и осталось, только чуть уточнили они – «Атабий гвоздь забил». Ну, это народ такой – ясность любит.

Афанасий друзей своих – и Ахмата, и Биязурку – дождался. Оказалось, вдвоём они были на угле Кызыл-Кии, в Киргизии. Только в первый год он их и похоронил – шахты всё равно не для горцев, просто умереть хотели на родине. Потом уехал: сыновья после войны где-то под Воронежем осели, дочка младшая туда же замуж вышла, а жену и старшую горячка перед победой съела. Уже и не помнят его на Баксане. Записали в балкарцы; да он и сам хотел, чтобы хоть один здесь остался за горами присматривать – не просто же так майору Атабием назвался.

А как запомнишь? Много их, мужиков – и таких, как Афанасий, и кто полегче – любимая власть по стране раскидала. Не сочтёшь всех бедыкских и других... Арсениных, Гребенюков, Федотовых, Смирновых, Безродных, Рабуновых, Марусичей – мало ли!

А вот место по сей день так и знают – «Атабий гвоздь забил». Перед выездом из первой теснины, если вверх, в Приэльбрусье едешь. И костыль – почерневший и скорчившийся от времени кизилковый сук – до сих пор с трассы виден.

ТУФЛИ

Али проиграл мне туфли. Предлагал конвертировать их в столы и поляны, но я не согласился. Обувь была приобретена с проявлениями крайней степени недовольства, совсем не от чистой души. Надо было вспомнить, что бывает с подарками по принуждению. Но он нашёл чешские, и меня придушила ностальгическая жадность. Это икнулось.

Али – мой брат с отцовской стороны. Кангауры чернявые, он, пожалуй, единственный голубоглазый блондин в фамилии, но почему-то именно ему досталась кличка «Басмач». Однако сейчас – не об этом.

Его село – Кёнже – из каких-то высоких соображений несколько раз оказывалось в границах Нальчика, несколько раз отлагалось из его состава. Итог совокупных начальственных усилий – здесь ходят городские маршрутки, и резко сократилось поголовье коров. Настолько, что жители решили никого не нанимать и пасти коров самостоятельно, по графику. Подходит очередь Али. В принципе их двое, только старший – Хас, Хасанбий – носит прозвище «Император». Понятно, что он априори не чабан. Басмач звонит мне – завтра очередь, ты как?.. Хорошо, отдохну на природе.

Выхожу утром. Перед этим, одевшись, обнаруживаю, что хронометр «made in China» отбивается с точностью плюс-минус полчаса, и сейчас самое начало шестого. Остановиться и отказаться от буколического времяпровождения – вот что сделал бы мудрый человек, ибо таковой обязательно суеверен. Но это – мудрый.

С Алием маршрут обговорили, где-то по пути он меня подхватит. Из-за китайского контрафакта упомянутое «где-то» оказалось далеко. Допёрся я до окраины, здесь всё и началось.

В полшестого утра люди спят, дефилируют одни язвенники и йоги. Мне же попала пара сильно выпивших, готовых на подвиги граждан. Конспективно разговор выглядел следующим образом: пить будешь? Нет. Как это не будешь? Мы тут душой, а ты вон как. Сейчас я его «кочергой»! Нет, лучше я ему печень пошевелю. Апперкотом. Недавние спортсмены, один борец, другой боксёр. Хорошо, впали

в диспут – кем именно я буду наказуем. В азарте про меня забыли. Пошёл дальше. Дошагал до объездной. Промзона. Всякие цеха, базы, комбинаты. Везде прикармливают барбосов. Две самые мощные стаи как раз проводили демаркацию. Лай и визг я услышал за километр. Остановись, дурак. Нет!

Через пять минут, отринув междоусобные конфликты, псы выстроились клином и атаковали меня. Хорошо, что люди намного быстрее собак. Когда бежишь по пустынной дороге, и вылетающие из-под каждых ворот новые и новые друзья человека безнадежно отстают – становится понятным, почему именно потомки Адама стали царями природы. Ввиду неоспоримого физического превосходства над всеми остальными тварями божьими. Уверен: схватись я с этой кодлой – выяснилось бы, что мы и кусаемся больше.

Но подоспел Али. «Нива» передвигается медленнее, зато она из железа. Собаки закономерно плюнули на нас. Отстали. Скоро мы выгнали стадо в пойму реки. Несмотря на уверенность брата в отсутствии интереса животных к другой стороне Шалушки – так называется наш местный Гвадалквивир – они ломанулись туда, как черепахи в известном анекдоте. Шалушка – не только река, там есть и одноимённое село со своим сообществом крупного рогатого скота. Кто-нибудь сортировал перемешавшихся коров, принадлежащих к одной породе? Известный тип «сейчас я тебя бодну», главное – экстерьер очень устойчивый: они небольшие, жилистые, часто лохматенькие, взгляд у них пристальный, острый и из-под чёлочки.

Бог миловал, мы вытеснили бурёнок обратно, и сами собрались на свой берег. Место недавней переправы осталось внизу по течению. Я скинул испохабленные галькой и песком туфли и только в этот момент заметил, что это недавно выигранные «Батя». Али было лень разуваться, он возжелал, чтобы его перенесли на закорках, однако я, как мусульманин, был против ношения кабанов.

Тогда он потребовал дорожку из камней на перекате. Трёх валунов было достаточно, но из-под последнего, держа в пасти рыбёшку, вылезла змея. Вдумчиво рассматривая меня, она какое-то время размышляла, не стоит ли поменять добычу на более крупную, потом вздохнула, свернулась кольцом и укатилась по мелководью. Али глубокомысленно отметил, что день какой-то странный, но на самом деле для меня этот день только начинался.

В течение ближайшего получаса сразу две коровы доказали принадлежность к вышеупомянутой, пропади она, породе. Затем к нам подошёл сторож арендного сада. За ним плелась толстая, флегматичная и престарелая собака, которая в приступе сенильной деменции хапанула меня за ногу. Сторож заявил, что Травиата за всю свою долгую жизнь ни на кого не тявкнула. Скорее всего, не врал. Смущён был настолько,

что даже наличие литра водки и хорошей закуски его не остановило, и он ретировался, крайне путано обосновав свой воистину невероятный манёвр.

Затем я неожиданно столкнулся с хомяком, следовавшим на юго-запад по каким-то своим делам. Я для него также оказался сюрпризом, и, не успев сообразить, что к чему, он со страху кинулся на меня. Поверьте, с психологической точки зрения нервный хомяк страшнее стаи волкодавов – они, в отличие от него, не ставят человека в ситуацию выбора между честью и жизнью. Я выбрал позор.

Через полминуты, покинув зону риска и желая перевести дух, сел на колючки. Не знаю, как они называются, эти зелёные крохотные кустики с несоразмерно длинными жёлтыми игольчатыми шипами. Потом мы гонялись за фрагментами стада, в этот день – согласно наблюдениям Али – безусловно взбесившегося. Не боюсь повториться: если кто-то думает, что корова – это такая туповатая штука, которая безвольно передвигается по пастбищу или стоит в тени, вяло мусоля траву – он ошибается. Это очень активный, стремительный, коварный и агрессивный зверь.

В противоборстве с одной из бестий совершил открытие – открыл пяточок зыбучей почвы на дне оврага. В этом месте кенженцы пасут своё стадо последние сто лет. Ни одной животине, тем более, ни одному человеку не удалось найти это пятнышко диаметром чуть более длины моей ступни. Посчастливилось лишь мне – двумя ногами сразу, позже оказалось – впритирку, с допуском менее сантиметра.

Я пошёл на речку полоскать носки, брюки и многопретерпевшие к этому моменту туфли. Как выяснилось, незадолго до этого экологический хам из гаражей посёлка «Звёздный» вылил в Шалушку ведро отработанного масла. Последнее точно в срок оказалось в точке гигиенических мероприятий.

Али, озабоченный происходящим, решил, что надо произвести дезактивацию разбушевавшегося фатума и вскрыл ёмкость с дезактиватором. Склеянка была старого образца, без дозатора. Она попала мне в руки не более чем на полминуты – пока брат раскладывал закуску и доставал пластиковые стаканчики. Нет, птичка в них не накакала. Эта дрянь умудрилась попасть прямо в бутылку. Какова вероятность, что жидкий помёт дрозда скомпонуется в правильный сфероид и попадёт в горлышко «На берёзовых бруньках» с верхушки большой дикой яблони?

Сначала я пытался эту вероятность подсчитать, потом вспомнил чаек Архангельска и успокоился тем, что бывает и хуже. Запуганный Али в это время всучил мне оставшуюся поллитру, обстучал землю вокруг меня на предмет наличия змей и другой вредоносной фауны, и ушёл за утянувшимся в распадок стадом. «Вот водка, вот закуска,

откусил – тщательно пережевал, – сказал он, с тревогой заглядывая мне в лицо. – Будь здесь, сиди, пей, вверх не смотри, не чихай, не кашляй, не смейся, в туалет далеко не отходи».

Следуя его советам, пережил остававшиеся три-четыре часа без особых потерь. Только слепень – казалось, что эти крокодилы вымерли с распадом СССР – хотел меня цапнуть. Отбиваясь от него, сбил с носа и сломал очки. Пока я искал их в траве, он таки жиганул. Больше ничего не произошло, и вечером мы двинули к Кенже.

Али шёл в голове стада, контролируя передовых коров, я подгонял отстающих. Дистанция между нами выросла до полукилометра. Этого оказалось достаточно, чтоб ливень с мелким, но неприятно обточенным градом накрыл охвостье стада и меня. Превозмогая и вопреки, я добрался до асфальта, там стоял Мага, мы поехали к Хасу, где был готов шашлык, и нас ждали. Этот день, наконец, закончился – даже без моей инвалидности. То, что следующим утром я обнаружил на голове трёх огромных клещей, раздувшихся до размеров шпанки? К чёрту – это мелочи. Что я хотел сказать...

Да! Если кто-то проиграл и предлагает вам откупиться застольем – соглашайтесь. Иначе – будет как у меня: «Батя», мои выпоренные туфли, угробились. Хамит решил их высушить у костра и сжёг. Глазливый этот Али.

ЖМЫХ

Мужики стояли у склада и спорили о жизни на Марсе. Тема для подвыпивших балкарцев вполне обычная и на столько животрепещущая, что иногда приводит к ссоре. И эти тоже уже дошли до «чего-чего ты сказал? Какие такие водоросли?». Мусо́с начал подвигаться к Бака́шу, дабы самым простым способом аргументировать возможности анаэробных форм, но тут вовремя заметили Борю Атра́ева. Он находился в опасной близости к месту диспута – потихоньку проходил ворота Идриса-физика, поэтому разговор мгновенно перешёл на качество жмыха. Почему жмых? Жмых – особый момент в дискуссиях яникоевских. Предусмотрительное обращение к нему имело своё глубокое обоснование.

Борю звали Аю́. Благодаря Артеку и куче писателей, влюблённых в природу Крыма, гражданам СССР перевод не требуется. Для россиян «аю» значит «медведь». Но этому товарищу просто «медведь» не шло. Слишком утончённый и изнеженный зверь. По сравнению с Борей – выпускница Бестужевских курсов. Его родной племянник, не выговаривавший большинства звуков и стремившийся разговаривать исключительно на русском, предпочитал использовать перевод

клички. Ещё он переставлял слоги. Вариант «Бедмед» казался более адекватным.

Боря не был отмечен особым ростом и шириной плеч. Однако всё, что ему дала природа, имело тройной запас прочности и мощи. Запястье у него – Сонни Листону даже не снилось. Ходил медленно, продавливая землю, смотрел на окружающее маленькими лесными глазами, спрятанными под кустистыми бровями. Как и дикий тёзка, ненавидел громкие звуки, крики спорщиков быстро раздражали его.

Всё же, кличку он получил не за поведение и внешние черты. Был конкретный случай. Яникой и Каменку разделяет Чабаклы́. Это один совхоз, а речку легко переплюнет любая набожная старушка. Тем не менее, а может, поэтому, в семидесятые годы драки между молодёжью происходили регулярно. Пацаны выходили на ристалища спонтанно, и в пойме граждане постарше планово выбирали более укромные места.

Боря вернулся из армии. Заявился домой, отец послал гонцов к родственникам, приготовился резать бычка. Тут во двор заходят друзья дембеля и на пару часов утаскивают его. По якобы уважительной причине, а на самом деле увели на Лесное озеро у кордона. Там должна была произойти схватка с каменскими, среди которых присутствовал Болака, прозванный так в честь легендарного охотника гигантского роста.

Каменские были уверены в победе. Однако, узрев Борю, тут же согласились исключить из своих рядов главного забойщика. Эти двое отошли в сторонку и, покуривая, наблюдали за турниром. Всё было чинно, мирно, rispetабельно. Но имела место утечка информации. Из находившейся недалеко зоны прибежали ВВэшники. И на Борю, тихо стоявшего в стороне и никого не тронувшего пальцем, кинулась овчарка. Угощённый Болакой, он курил сигарету «Феникс» – первую в его жизни сигарету с фильтром. Поэтому, бережно отведя правую руку с ценным объектом в сторону, сержант Атраев перехватил собаку левой и, дабы та не укусила его за нос, слегка прижал к себе. Собака завизжала. Солдатик-кинолог, спасая пса, напал на обидчика и начал бить его прикладом автомата по голове. Осторожно вывернув кисть с дымящейся и недокуренной сигаретой, Боря подтянул к себе бойца и также прижал к груди. Служивый не унимался, трепыхаясь в объятьях, умудрился выбить окуроч.

Тогда и родилась кличка. Огорчённый Боря придавил собаку и поводыря так, что животное замолчало, а человек взвыл. Движение на поле боя прекратилось, и выяснилось, что кобель погиб, а у солдата сломаны рёбра. Атраев и до армии считался самым сильным, но в течение ближайшего после демобилизации полугодия односельчане узнали, что Аю завязывает в плотный узел арматуру-десятку, щёлкает

пальцами косточки от абрикоса и легко поднимает на плечи осёдланного мерина толстого Мустафира вместе с самим Мустафиром, сидящим в этом же седле.

Ввиду физических кондиций, а также неприятия Борисом любых проявлений безответственности, отношения его с окружающими носили исключительно доверительный характер. Слово, данное ему, соблюдалось с дотошностью. Например, кривой Аю. Опоздал на место встречи с Бедмедом на десять минут. И заговорил с ним только с груши, росшей в саду Касыма, перед воротами которого и было назначено randevu.

Тем не менее, в Яникое нашёлся человек, решивший обмануть Бору. Совхозный завгар Илья Самсонович, больше известный как «Ильяс-Карабас», списал себе подъёмный кран. Доходное дело – забрать машину, перебрать её, восстановить и использовать во благо себя. Умелые люди практиковали это даже при союзовском ОБХСС. Бизнесмену было тесно в Яникое. Он собирался перебраться в город, для чего и переименовал неблагозвучное «Ильяс Шамсудинович» на цивилизованное «Илья Самсонович». Операция с трактором окупала затраты на мебель. Кооперативная двухкомнатная квартира, оформленная на сестру, ожидала въезда.

Завгар умел считать и скрытничать, поэтому выбора у него не было – он обратился за помощью к Аю. Один сообщник – заговор, два – демонстрация. Борис был единственным человеком, который мог разобрать и собрать челябинский «ДЭК» с одной лебёдкой и без посторонней помощи. В обмен ему обещалось долговременное использование крана. Весьма кстати для Бори, так как он начинал строиться и закупил для стен своего будущего жилища не туф, не кирпич, а, естественно, фундаментные блоки. Самые маленькие, но и они тянут на три центнера. Подъёмник крайне желателен.

Работа отняла два месяца. По её окончании Илья Самсонович погрузил машину на платформу и вывез в неизвестном направлении. Он виртуозно уклонялся от вопросов Бедмеда в течение пары недель, переводя разговор на устройство Вселенной и Солнечной системы, затем Боря перестал приходить. Завгар, привыкший к тому, что людям часто не хватает упорства в отстаивании своих прав, уже облегчённо вздохнул, но тут к нему приехали из Тырнаузского шахтоуправления и потребовали деньги за подъёмный кран обратно.

Оказалось, что Аю по своим каналам узнал, куда ушёл челябинский агрегат, проследовал по адресу и на глазах у десятков человек расшвырял ДЭК по кусочкам. Тырнауз – город борцов, боксёров и штангистов, но все они не тренировались настолько упорно, чтоб помешать Боре. Некоторые детали он намеренно погнул, некоторые разбил, швыряя их о камни – благо, чего-чего, а этого добра в Баксанском ущелье

хватает в любой точке. И в целом, и в общем, и в частностях машина восстановлению не подлежала.

Попытки Ильяса каким-то образом найти компромисс с Бедмедом закончились тем, что завгар был побит оторванным от его «Жигулей» бампером и перекинут через школьную ограду. Ограда представляла стандартные для заборов советских учреждений заострённые металлические штыри высотой более двух метров на пояском фундаменте. Поэтому, по здравому размышлению, коему так способствует тишина больничного бокса, Илья Самсонович решил отказаться от денежных требований. Может быть, благодаря этому он все-таки переехал в Нальчик и благополучно устроился в СМУ прорабом.

Стены дома Аю поднял сам. Кое-кто хотел помочь, но, во избежание лишних травм и проблем по уходу за инвалидами, Боря отказался. Каждый из блоков он вручную поднял на необходимую высоту и установил в нужном месте. За процессом хотя бы раз наблюдали все жители Яникоя и Каменки. Зная нелюбовь Бориса Атраева к громким крикам на отвлечённые темы, коллективный мужской разум двух сёл и придумал жмых.

ДРОБЬ 16

Одним из навыков моей тёщи было умение готовить еду в точном соответствии с количеством предполагаемых едоков. Мы вставали из-за стола, и тарелки с кастрюлями требовалось лишь ополоснуть. Еды оставалось – как раз для тех трёх воробьёв, которым Лидия Николаевна благоволила и разрешала чирикать на лоджии.

В случаях, когда мы с женой и двумя сыновьями, вопреки ожиданиям тёщи, не оказывались за её столом, образовывался излишек первого и второго. Как правило, он поглощался самым богопротивным на планете животным – шурином. Исключение составляло любимое блюдо Лидии Николаевны – перловая каша, более известная под названием «дробь 16».

Это яство никто не ел, и родительница супруги сама доносила его до нас, благо, пробежать триста метров по Ореховой роще бывшей чемпионке УССР по спортивной гимнастике проблемы не составляло. Надо же – изнурять себя тренировками, подтягиваться на одной руке и соревноваться с Латыниной – всё для того, чтобы в далёком будущем без затруднений портить настроение зятю!

К делу. Если я поздно приходил домой, встречал меня только Хан. Семья была приучена после десяти вечера освобождать дальнюю комнату и старательно спать. Зато для пса дни моих отдохновений

являлись именинами сердца – знал, что будет ночевать не на матрасике в прихожей, а на полноценной постели. В обнимку с любимым хозяином. Представьте себе Хана. Это – огромный боксёр-переросток тёмно-тигровой масти, высотой в холке шестьдесят пять сантиметров и весом шестьдесят два килограмма без единой капли жира. Единственная попытка вывести его на круг собачьей выставки окончилась скандалом – судьи заявили, что Хан не боксёр, а какой-то фила-бразилейро, владелец, в свою очередь, мошенник, занимающийся фальсификацией документов.

Неправда. Просто щенок попал в правильные руки. Тома – главный кинолог округи – сказала: «Что грамотный – нагадить и розами засыпать, а вот за собакой он смотрит хорошо». «Он» – это, соответственно, я. И, действительно, Хан не мог пожаловаться на небрежное к себе отношение. Признаков исключительной комфортности его бытия было достаточно. Например, жена стабильно интересовалась, почему моё возвращение домой всегда сопровождается вопросом, кормлен ли пёс. «Вот ведь, – сетовала она – как семья, как дети, ему не интересно!» Я традиционно отвечал, что было бы неплохо хоть раз встретить отца-супруга, радостно прыгая вокруг и облизывая ему руки и обувь.

Асе приходилось прибегать домой, чтоб отправить в школу либо Ахмеда, либо Саида – смены у сыновей никогда не совпадали. Поэтому Баато-Хан, сын Джучи – на самом деле кобель был наречён именно так – трапезничал три раза в день, не считая обязательной подкормки творогом с тёртой морковкой. Последнее Хан не любил и принимал только с руки. Ему не приходилось глодать говяжьи мослы – у мальчика могли попортиться зубки, не приходилось грызть куриные кости – дитё могло подавиться трубчатыми осколками. Короче, мерзавец не просто имел свою равную долю в общем коште, но объедал всю семью, предпочитая жрать одно мясо и манкируя другими блюдами.

Помню, как однажды, придя домой среди ночи, я оказался перед сложным выбором. Хотелось кушать – лично у меня почему-то стабильное ощущение после застолья. В холодильнике были обнаружены несколько разновидностей еды. Как-то: варёная баранина, шорпа на бараньем бульоне, помидоры, огурцы, абрикосы, пучок укропа, сливочное масло, касторка. И тарелка каши «дробь 16». Всё остальное требовало полноценной готовки. Немного подумав, я пришёл к выводу, что некоторые продукты явно некалорийны, другие непрезентабельны на вид, третьи, опять-таки, без разогрева трудно- или малосъедобны. Перловка показалась оптимальным вариантом, я поздравил себя с ясностью мышления и взял тещину поставку.

Изначально Хан одурел от моего решения. Он перестал прыгать по кухне, сел на обрубок хвоста и, ошарашенно откинув назад голову,

внимательно следил за моими действиями. С каждой поглощаемой ложкой его глаза и пасть раскрывались всё шире и шире, а некупированные уши приподнимались. Через две минуты передо мной сидел уже не благородный боксёр, а некий гибрид мопса и гиены с отвалившейся от изумления челюстью, выпученными буркалами и двумя треугольными парусами на пошедшей рельефными морщинами макушке.

Однако вскоре в его взгляде забрезжила мысль – угадайте с трёх раз, какая именно? Логика собаки была прозрачна – раз папа ест, недурно было бы попробовать самому. Он встал с задницы и сделал два вкрадчивых шага ко мне:

– Хмум?

– Ты это не ешь!

– Хмум-хмум?

– Я сказал – не будешь ты это лопать!

После секундного размышления, исполненного недоверием к моим словам, пёс продолжил гнуть свою линию:

– Хмум?

Помимо всего прочего, Хан – ещё и натуральный осёл, откуда-то из Безенги или Верхнего Чегема, а может быть, даже из самого Карабаха. Спорить с ним бесполезно. Я взял черпачок и ляпнул в миску страждущего большой шмат клейкой холодной массы.

Стремительно метнувшись к деликатесу, оболтус хватанул его столько, сколько позволили борта плошки и застыл. Потом медленно повернулся ко мне – так и не сомкнув челюсти. Брезгливо оттопырив брыли, пугливо прижав уши, Хан демонстративно сплюнул:

– Х-х-х-к-тфу! – потом долго откашливался, фыркал и обильно лакал воду. Молча уходя из кухни, он бросил на меня очень косой и очень осторожный взгляд. Думаю, собака заподозрила меня в каких-то отвратительных намереньях. Что-то библейское... Каин и Авель.

После этого случая я строил разные версии, объясняющие удивительное пристрастие тёщи к «дробь 16». То, что я с пьяных глаз начал ужинать ею, вполне объяснимо – в ту ночь в холодильнике была ещё и луковая шелуха, помню, она тоже не показалась мне полностью лишённой гастрономической привлекательности. На следующее утро остатки недоеденной каши были вновь продегустированы мной, и тайна вкусовых извращений Лидии Николаевны приобрела какой-то апокалиптический оттенок. Но всё оказалось просто и грустно. Перловка, как сказал мне один знакомый диетолог, при всей своей специфичности, гарантирует самое длительное по времени ощущение сытости у субъекта, отобедавшего ею. А моя бедная тёща больше года выживала в оккупации.

ЛУЧШИЙ КУРСАНТ

– Та-ак! – сказал Посик, тыкая карандашом в журнал – Все на месте?

Он оглядел аудиторию, использовав для этого оба глаза поочередно, и вновь склонился к списку, повернув голову влево.

Необычность манеры преподавателя рассматривать предметы делала его похожим на мультяшного героя, типа Дональда Дака. Объяснялась она размерами и формой носа офицера. На небольших расстояниях у него отсутствовало бинокулярное зрение, так как могучий обонятельный аппарат не позволял наводить два зрачка на один объект одновременно.

– Так. Алоков... Мгум. Бербеков... Мгум. Березгов... Мгум. Гузеев... – должно было последовать очередное «мгум», означавшее у майора благосклонное принятие информации к сведенью, но в этот момент из-за кустов раздался громкий тенор Паши Накорова:

– Посиеву что?!.

Ему ответил могучий хор второго взвода:

– Хре-е-ен!

Буквально за пару минут до этого майор Посиев прогнал за густую стену шиповника спортсменов и химиков с биологами. Тот самый второй взвод, куратором которого он являлся. «Идите в свой класс», – приказал он, будучи истинным поборником армейского порядка. Класс представлял собой две небольшие траншеи в лесополосе. Мы садились на траву и опускали в них ноги. Аудитории были устроены через каждые двадцать метров, их геометрия и меблировка ничем не отличались друг от друга, на что курсанты упорно и неоднократно указывали своему начальнику.

Теперь они мстили майору за микроскопический, но изматывающий марш-бросок, совершённый в изнуряющей духоте степного лета. Замолчать хулиганскую выходку не получалось – чем больше Посик игнорировал предлагаемый ему сувенир, тем разнuzданней и мощней становилась устная реклама подарка.

– Вот, негодники, как шутят! – офицер попытался перевести скандал во внутрисемейный формат, но следующий истошный крик из-за зарослей, сопровождаемый залихватским свистом, сделать этого не позволил. Странно, что в качестве запевал были избраны Накоров и Беркамов – обладатели самых узнаваемых голосов. Посик сунул журнал и карандаш в планшет, решительно поправил портупею и промаршировал к своему взводу.

Сквозь густые волны шиповника, крапивы и повилики его обиженно-сварливые восклицания доходили до нас, потеряв своё семантическое наполнение. Возмущённые оправдания Накорова

и Беркамова слышались чётко. Первый был бронзовым призёром СССР по классической борьбе в супертяжах, второй мог довести до слёз любое существо республики. Однако сейчас они, абсолютно беззащитные, громко призывали свидетелей и вопияли, поражённые несправедливыми обвинениями товарища майора.

Разницы нет – что дупло на голову, что голову в дупло. Посиев, ещё раз убедившись в этой простой истине, вернулся к нам.

– Хорошо, хорошо, Беркамов, хорошо, Накоров! Я – хрен! Я – хрен! – агрессивно булькал он – Вот скоро экзамен, тогда увидим, кто из нас хрен!

Разнервничавшийся офицер прочёл лекцию об электрооборудовании БТРа за пятнадцать минут. Подозрительный взгляд рыскал по нашим лицам, пытаясь обнаружить следы пренебрежения статусом военного и иронии по поводу – Посик чувствовал это – не совсем гвардейского поведения. Наконец, под его фуражку, снизойдя с каких-то горних высот, проникла гениальная мысль. Можно было подлечить своё реноме. Кроме того – обезопаситься от дальнейших оскорбительных выходов путём установления дружественного контакта с этой толпой молодого хамья

– Эй, вы там, хулиганы! – крикнул он в заросли. – Что, преподаватель не пришёл? Идите сюда!

После окончания передислокации и объединения в единый коллектив, Посиев решил посвятить некоторых из нас в рыцари:

– Вот, через неделю вы будете водить БТР. Все. Но некоторые, – он заговорщицки подмигнул, – могут уже сегодня!

План был удачен. Я, например, никогда не водил. Остальные были, скорее всего, более искушены, но не относительно броневиков. Во всяком случае, энтузиазм наблюдался. Майор объявил, что допуск к вождению осуществится на конкурсной основе. Пятёрка самых лучших студентов, знающих теорию.

Из пяти заданий одно – катушка зажигания – было чистой физикой. Я вызвался ответить на него. На этот вопрос руки подняли ещё два человека. Посик, поражённый моей наглостью, указал на меня, а услышав правильный ответ, снял фуражку, долго и тщательно протирал платочком обширную лысину. Аналогичные выступления Валеры Дыжекова и Жабрика Дайзаева дела уже не решали, и я попал в партию знатоков.

Майор осмотрительно выяснил у всех отобранных, водят ли они машины. Все водили, Кондор вообще имел профессиональные права на тягачи. Однако со мной вышла заминка.

– Ну, что, Кангауров, машину хорошо водишь? – поинтересовался преподаватель, доброжелательно взирая из-под козырька.

– Никак нет, товарищ майор!

- Плохо водишь? – встревожился он.
- Вообще не вожу.
- Как это? А кто же вашу машину водит?
- У нас, товарищ майор, нет машины.
- Я говорю – семейную.
- Нет у нас машины.

– У Зейтуна Хамидовича нет машины?! – изумление военного граничило со священным ужасом. Он с полминуты простоял, в глубокой задумчивости уставившись в землю, потом поднял ошарашенный взгляд на Дыжекова.

- Дыжеков, ты машину водишь?
- Легковую, грузовую, хоть трактор, товарищ майор!

Посик подошёл ко мне и сочувственно покивал головой:

– Потом поводишь, Кангауров, что поделаешь... Вот, Дыжеков водит, пусть он идёт, ладно?

Бронетранспортёр стоял в ста метрах от нас, на трассе автодрома. Едва избранные пересекли пролежавшую вдоль лесополосы грунтовку и зашагали по выжженной траве к технике, прямо перед преподавателем, подняв гигантские клубы пыли, резко затормозила легковушка. Жёлтое облако было настолько густым, что скрыло всё, даже часть неба с беспощадным солнцем. Но бдительное и споспешествующее око майора смогло проникнуть во мглу. Морщась, прикрывая носы и щуря глаза, мы услышали восхищённые крики Посиева:

– О-о! Кто к нам приехали, кто к нам приехали!

Один из прибывших очень знакомо прокашлялся и злобно осведомился:

– Что, майор, дорогу водой побрызгать нельзя, что ли? Пыли развёл – окно в машине не откроешь!

– Прямо сейчас, Камиль Гитчеевич, один момент, Муса Масхудович, студенты мигом сделают!

Раздался добродушный голос Мусы Декуева:

– Шутит он. Нормально всё... Что ты, Камиль, так сурово...

– Ничего-ничего, сейчас даже траву помоят! – продолжал трепетать майор, но в этот момент щёлкнула дальняя задняя дверь «Лады», и военный окончательно воспарил ввысь:

– Уа-а-а! Уа-а-а! Зейтун Хамидович приехали! При-е-ха-ли Зейтун Хамидович! – «Три богатыря» явились в полном составе, и для майора-заочника, ходившего в задолженниках перед каждым членом данного коллектива, это было весьма знаменательное событие. Критическая, экстремумная и весьма политичная точка. Пить с ними он боялся, ибо просто не тянул их объёмов. С другими видами досуга служивый знаком был слабо. Однако понимал насущную необходимость как-то порадовать гостей. Выручил его Камиль Амзатов.

– Где этот прохиндей, отлынивает, небось, как всегда?

– Кто?! – Посик был готов сию же секунду представить на суд чрезвычайной тройки любого прохиндея планеты, начиная с завгара военной кафедры прапорщика Акима и заканчивая императором Бокассой. В следующую секунду он осознал очевидную, в принципе, цель приезда «Богатырей». Набрав в грудь побольше воздуха, майор зашёлся в тонком, переходящем в свист, верещании, словно заяц, схваченный лисой:

– А вы знаете, Зейтун Хамидович, ваш сын здесь самый лучший курсант! – он слегка поперхнулся, увидев недоверчивые мины на трёх светлых ликах, но собрался с духом и продолжил: – Да-да! Всю военную технику знает назубок! БТР, не глядя, разобрать-собрать может!

Мои товарищи сдавленно захихикали, ближний ко мне обладатель собственных колёс – Сикс – пхнул меня в рёбра: «Всё, Таха, будешь теперь мою тачку ремонтировать».

Посик тем временем почувствовал себя соловьём, в крайнем случае – кенарем:

– Обратите внимание, Зейтун Хамидович, именно сейчас Кангауров, в числе самых грамотных студентов, идёт водить БТР. Другие ещё и через неделю не будут, а он – вот! – широко и плавно взмахнув рукой в сторону пятерых удалявшихся, майор накололся вдохновенным взором на меня – дуп! Он вспомнил, как ночью, торопясь в туалет, наткнулся всем телом на ребро приоткрытой и невидной в темноте двери.

Положение надо было спасать. Командир приложил ладони рупором и заорал сверх всех своих сил, рискуя глазными капиллярами, целостностью пупка, голосовыми связками и гигиеной:

– Дыжеков! Дыжеков, мерзавец, негодяй! Дыжеков, бездельник, обманщик, аферист! А ну вернись, мошенник!

Офицер подскочил ко мне, схватил за руку и повлёк через дорогу. Переведя через опасный участок маршрута, слегка подтолкнул меня в спину:

– Иди, Кангауров. Иди, иди, води БетееРь!

Я зашагал к броневнику. Шедшему навстречу Валере улыбнулся и пожал плечами. Он ответил тем же.

На следующий день Посик, замученный угрызениями совести, предоставил возможность сесть за руль БТРа и Валере Дыжекову, и Жабрику Дайзаеву. Акт торжества чести и достоинства советского офицера имел последствия. Но это отдельная история.

СНЕЖНЫЕ УЗОРЫ РАДИМЫ

Радима Хусеновна Нагоева-Архестова родилась в селении Кызбурун I (ныне Атажукينو). Получив пятибалльный школьный аттестат в 1980 году, поступила в технологический техникум в г. Ставрополе. В 1983-м Архестовой вручили диплом по специальности «Технолог швейного производства». Свою трудовую деятельность она начинала в Нальчикском «Доме моды» в 1983 году. В усовершенствование технологии швейного мастерства того времени она внесла немалый вклад. Опытные наставники по кройному делу и модельному мастерству сулили молодому грамотному специалисту серьезные перспективы в недалеком будущем. Ей посвящались телепередачи. Радима стала любимицей большого коллектива. Ее уважали, на нее возлагали большие надежды. Словом, ей улыбнулся успех на профессиональном поприще. Однако в реальной жизни все сложилось несколько иначе...

В 1983 году, вступив в брак с молодым фельдшером из с. Алтуд Анатолием Нагоевым, Радиме пришлось покинуть «Дом моды». Вскоре у молодой четы Нагоевых пошли дети: Эльянора 1985 г. – Азамат 1987 г. – Анзор 1992 г.

Союз Анатолия и Радимы излучал некое непостижимое сияние чистоты и гармонии. Чего-то сильно энергетического было чересчур много. Какой-то ненасытной жадой жизни захлебывались молодые родители. Увы, недолгим стало их семейное счастье. Меньшой Анзор был совсем еще крохой, когда случилась та страшная авария, в которой вместе погибли его молодой отец и дед. Стоит ли, да и возможно ли рассказывать о горькой доле вдовства тридцатилетней женщины с тремя малолетними детьми, когда на дворе стояли непростые 90-ые...

Дальше последовали годы ратных дневных усилий, десятки лет ночных бдений, слез, надежд, разочарований, но... нет, не отчаяния! Это была ее Голгофа. Радима приняла судьбу. Преодолела. Справилась. Таковую жизнь не переписывают... Да и сумел ли кто постичь ее в мудрых книгах?! А минуло с тех далеких пор еще тридцать лет.

Радима Архестова выпестовала и вывела в жизнь троих детей от покойного Анатолия Нагоева.

Эльянора – практикующий врач-стоматолог, преподаватель института стоматологии и челюстно-лицевой хирургии, аспирант кафедры «Общественное здоровье и здравоохранение» КБГУ.

Замужем. В браке – с талантливым врачом, кандидатом медицинских наук, сердечно-сосудистым хирургом Исхаком Люаем. У супругов трое детей. Живут в Нальчике.

Азамат окончил милицейскую академию в Нижнем Новгороде и экономический факультет КБГУ в Нальчике. Долгое время работал в Миграционной службе в Нальчике, а ныне – заведующий складом готовой продукции кирпичного завода в г. Прохладном. Состоит в браке с Зариной Хромовой. Азамат – отец двух детей. Живет в родовом Алтуде.

Анзор бодро ступил на стезю искусства. Работает в Музыкальном драматическом театре КБР. Молодой вокалист подает серьезные надежды. Трудится над песенным альбомом. Не женат. Живет в Нальчике.

По всей вероятности, Радиме Нагоевой-Архестовой суждено было состояться не только в дизайне одежды, от которого (в своей нынешней деятельности) она отошла не настолько далеко... Для Радимы же, главным остается литературное творчество. Почему «остается»? Да потому, что дар Слова и поклонение Музам пребывали в ней с пеленок. С раннего детства она бредила стихами. В девичестве вела дневники. В зрелой жизни Нагоева-Архестова – автор сборников: «Уэс 1эпэхъ», («Снежные узоры») – 2013 г. (Типография «Цвет»), «Лъэмыж хьыринэ» – («Висячий мост») – 2018 г. (издательство М. и В. Котляровых), «Данэ» – («Дана») – 2021 г. (издательство М. и В. Котляровых), «Дыщэнэ» («Дисана») – 2021 г. (издательство М. и В. Котляровых).

Радима – автор и составитель развивающего пособия «Хьэр-фильэ» – 2023 г. (издательство М. и В. Котляровых). Она же – автор песен, известных публике из уст популярных адыгских исполнителей, среди которых и ее младший сын Анзор.

Радима Нагоева-Архестова – член Союза писателей России с 2020 г., «Лауреат Артиады народов России» в номинации «Литература», индивидуальный предприниматель, с чьим именем считаются в коммерческой среде; мать троих детей и бабушка (!) пятерых внучат.

Каким-то невероятным усилием воли единственная дочь Хусена и Сугада Архестовых и вдова (теперь, увы, вечно молодого) Анатолия Нагоева сумела сотворить эту надежную планету любви и верности! Как она умудрилась выстоять, как сумела выжить... Вопросы не столько некорректные, сколько риторические. Впрочем, диалоги с книгами Радимы Нагоевой-Архестовой намного красноречивее досужих предположений обывателя.

ДЕРЕВО

На меже двух домовладений пустило свои корни неказистое деревце. Оно, по всей вероятности, проклюнулось из заплутавшей абрикосовой косточки, ибо человека рука не касалась его как саженца. То было вольное дерево, одинокое, небесами венчанное и солнцем дарованное. И тянулось оно к жизни, как и подобает вольному скитальцу: восторженно, шаловливо и радостно. Дождевые потоки от покосившегося желоба орошали росток живительной влагой. Щедрое южное солнце насыщало упругое тельце теплом и светом, ласково пощипывая кожицу гибких побегов. Дерево крепло от весны к весне. Оно ничуть не смущалось своим мнимым одиночеством, а напротив – сосредоточенно вторило желанному зову первоцвета.

Помнится, некий известнейший обронил двусмысленную фразу о том, что, мол, «природа есть не храм, а мастерская, и человек в ней – работник!».

Ах, что бы ему стоило выразиться ну... чуточку иначе...

Не от подобных ли вдохновляющих проповедей отталкиваемся мы, люди, в своих непоправимых заблуждениях? Человек возомнил себя царем природы! Он везде кует. Он все перековывает на прибыльный лад. В этой злосчастной кузнице сиюминутных земных благ безоглядно попираются права флоры, фауны, да и... не только. Впрочем, юное дерево еще не ведало ни про суету людского рода, которому оно нисколько не обязано, ни про его древних пращуров, изобретших топор в назидание или в угоду суете. Оно знай себе росло в неприхотливых буднях: как осень проводить, когда зиму приветить, а там... за оттепелью да за капелями снова явится весна с живодарным чудом воскрешения!

У людей же множество забот и немало страстей, среди коих самой неодолимой бывает страсть к строительству. Вот и хозяин одного из домовладений, где притулился юный абрикос, надумал обновить пристройки: быть теперь террасе с погребком, и быть им не где-либо, а именно там, куда ненароком затесалось дерево. Абрикосик-то не бог весть какой знатный... Срубить – и вся недолга! Знал бы сам абрикос, что стал помехой для тех, на чье счастье он хранил семя. Знали бы люди, над чем собираются занести секиру...

У адыгов исстари бытует неукоснительное: воля тхаматы¹. На

---

¹ Тхамата – тхьэмадэ (адыг.) Так в адыгской семье величают свекра – тхьэмадэ. Тхьэ – бог; адэ – отец; т.е. «отец бога».

счастье юного скитальца, в семье зачинщика стройки жил и здравствовал престарелый отец... Почтенный горец, на своем веку вырастивший бесчисленные деревья, человек от самой соли земли, тихо молвил:

– Из-за этой пяди чернозема никто из вас не пойдет по миру. Уступите соседу землю под побегом. Пусть за оградой, но... пощадите жизнь!

Старик замолчал, окинул взглядом робкую прозелень набухающих почек... В полинялых его глазах вспыхнула слабая искорка лукавого смеха, и он не то проговорил, не то выдохнул:

– Прока-а-зник...

Сказано – сделано. Хозяйство благоустроили. Абрикос, хоть и на соседском участке, остался невредим. Так дерево вступило в следующее лето.

Рыжей кобылой пронеслась по долине осень.

Отступила долгая зима. С крыш зазвенели капли. Повеяло терпким духом настоящей альпийской весны.

Знаете ли вы, какой она бывает в горах, где все земное ближе к небесам? Абрикос познал! Эта весна и принесла дереву радость первого цветения.

Махонькое, беззащитное, воздушное – оно утопало в кисейной благодати лепестков. Легкая зыбь цветочной пены мерцала неуловимыми крапинками розовой неги.

Глянцевитая листва отдавала серебристой дрожью утренних рос. А солнце... солнце никак не налюбуется на сотканное им диво в молочной кипени; не нарадуется на медоносную возню пчел, роящихся в волглой сыти первоцвета. Прежний скиталец, явившийся на неведомую между шалым семечком, нынче восстал в ином обличье: за летней террасой притихла прелестная новобрачная в юной непрогляди белопенной фаты.

Казалось, дерево затаилось в благодарном ожидании старика-спасителя или членов его дружной семьи.

...По утрам, когда солнце еще пряталось за макушками далеких вершин, в огород приходила молодая сноха старика. Быстроглазая, тоненькая – она шла с тяпкой наперевес. При ней всегда был щекастый румяный бутуз с вьющимися локонами. Молодая подолгу полела, то тревожно оглядываясь на сына, то вскидывая восхищенные взоры на цветущее дерево, в чьей тени резвился маленький непоседа.

– Заневестилась, краса! Вот скоро и плодоносить тебе, – радуясь на ветви, размышляла вслух.

Она чутко прислушивалась к мерному жужжанию пчел в цветочной купели. Порой беспокойно взглядывала на ребенка и, умиротворенная, продолжала полоть. Молодая сторожко угадывала легчайший шелест ветра в гуще листвы и терялась не в житейских раздумьях:

– Ах, знать бы, о чем оно шепчется с ним... С ветром-то?! – и сама же дивилась своей непостижимой сопричастности дыханию юного одиночества.

А абрикос блаженствовал, провожая свою памятную весну. На тонких ветвях теперь проглядывались зеленые горошины зреющих плодов.

...Наступило знойное лето. Вскоре установились засушливые дни. Не стало дождей. Пригорюнилось дерево: двух рос – утренней и вечерней – не хватит в такое пекло! Но молодая и тут подросла: она навещала его с ведрами, полными студеной водицы. И как это было упоительно! Наслаждалась изнывшая земля. Оживала листва. А ликующее, жаркое щедрое солнце сияло одно на всех: на одинокое дерево, на тревожную мать, на беспечное дитя.

...На дворе стояло ясное летнее утро. Нагретые солнцем грядки источали пряный земляной дух после отошедших дождей. Молодая долго любовалась частым мерцанием янтарей под сенью изумрудной листвы. Не по росту и не по стати нагрузилось маленькое дерево. Оно словно торопилось воздать суетливым людям. Отяжелевшие от плодов ветви уже приникали к земле. Молодая бережно сняла упругий бархатистый абрикос, улыбнулась позлащенному румянцу выпуклого бочка и осторожно разделила плод на два полукружья. Мякоть засочилась. Она не спешила поднести к губам первый гостинец. Она трепетно вбирала в себя тот древний и навеки юный, тот крепкий и до слез пронзительный аромат земли и солнца; дождя и... чего-то неуловимого, нездешнего, чего-то несказанно нежного, до боли родного!

...Малыш, хлопая длинными ресницами, взирал на мать снизу вверх. Молодая спохватилась, улыбнувшись, сорвала еще один плод и бережно вложила в крохотную ладошку сына. Золотистый абрикос не умещался в детской горсти, а малыш и не помышлял поднести его к губам. Зачарованный пряной желтизной солнечного дара, он заверещал и юрко метнулся к дому:

– Дада², да-а-да! Смотри же... наш проказник... Оранжевые мячики...

Абрикос постепенно входил в свой по-южному ядреный вкус. Наилучшими дегустаторами, как правило, слывут околоточные мальчишки. Лакомилась детвора ежедневно. Расщедрилось и дерево: надо же насытить такую прожорливую ватагу! Ох, ветки, веточки... Хоть их пощадил бы! Они еще понадобятся... Но не тут-то было. Мальчишки они и есть мальчишки. И поломанных веток становилось все больше.

...Поутру молодая вновь натолкнулась на ворох сырых обломков.

---

² Дада (адыг.) – дедушка.

Вчерашнее нашествие оказалось и вовсе варварским. Она беспомощно осмотрелась вокруг. Никого... От соседского дома к ограде шла девочка.

Вперя взгляд в женщину, перебирающую ободранные ветви, девочка замедлила шаги и выжидательно потупилась. Женщина встрепенулась:

– Ляца, погляди-ка, что сорванцы творят... Какие, однако, неразумные...

Девочка нахохлилась было галкой, но почему-то отмолчалась.

– А ты, Ляца, зачем позволяешь им... Ну сказала бы...

Похоже, Ляца и не собиралась вступать в диалог с какими-то мальчишками, а вот для молодой... у нее наконец прорвались слова, да слова не девчачьи:

– Скажите пожа-а-луйста, – нараспев протянула она, – а вам, собственно, какое дело? До чужого-то, а? Дерево не ваше! Оно растет на нашей земле.

Женщина опешила... «Ляца не дитя малое, ей скоро пятнадцать!.. Стало быть... И зачем она вдруг ошетибилась? Бровки насуплены, глазки сощурены... еще чуть пошире бы этого хищного оскала и – ни дать ни взять – волчонок!»

Женщина вглядывалась в девочку и, обескураженная, молчала. А Ляца, мотнув жиденькой косицей, бросила:

– Дерево наше. И будет по-нашему. Коли захочу – выхолю, а как нет – изведу до последней веточки. Так-то! – и пошла к дому.

Глядя вослед удаляющемуся васильковому ситцу, молодая недоумевала: «Да какой там волчонок... в ней есть что-то от... вороны. Злое».

Собрав в охапку покореженные ветви, молодая ласково выговаривала поникшему дереву:

– Ты, краса, не горюй. Зарубцуются твои раны к будущей весне. Подрастешь. Раскудрявая будешь. Обидели тебя... Эка невидаль! Битым быть – крепким слыть³.

...В горах смеркается рано. Солнце незаметно завалилось за гребни вершин. Пошла обильная роса. Притихли неугомонные воробьи. Поглощенная в суету вечерних хлопот, молодая носилась по дому, но и в рутине мелких дел ее не покидало смутное предчувствие необъяснимой утраты. Дерево ли тревожило, девочка ли не хотела отпускать? Стояла ночь, когда она ушла на свою половину. Супруг, почуяв неладное, порасспросил ее. Молодая поведала... Он задумался, покачал головой и промолвил:

– Странно... Ляца и... такое!

---

³ Битым быть – крепким слыть. Толкование адыгской – «Лы зыщӀыр удынщ» – поговорки (прим. А. К.).

Из-под полуопущенных век он долго заглядывал в ее зеленые глаза и, немного погодя, вкрадчиво прошептал:

– А ты не унывай. Оправится твое дерево. В нем много... жизни. Как и в этом постреленке! Глянь-ка!

...В комнате повисла тишина, но что-то надтреснутое ворочалось и в этой тишине. Женщину снова зазнобило. А малыш безмятежно спал и, потешно причмокивая губками, улыбался во сне.

Полная луна лениво всплывала над притихшей усадьбой. Молодая тщетно пыталась забыться сном. Где-то ухала сова. Откуда-то доносился одинокий лай. Нечто зловещее чудилось ей и в дремотном забытии. Снова и снова подкрадывалось гнетущее. «Ох, не к добру...» – сокрушалась она в полудреме. Так заголосили трети петухи.

...Она пришла в огород около полудня. Солнце стояло в зените. Плавилось раскаленное небо. На грядках просохла роса. Взявшись за лопату, женщина вдруг насторожилась. Гулкими ударами заколотилось в груди. Она вся напряжинилась. Не осознаны были и мгновенный поворот шеи, и блуждающий взор, устремленный к ограде. Молодая обомлела: дерева... как не бывало! Под оградой гроздилось зеленое месиво безжизненных останков.

...Волоча налитые свинцом ноги, женщина шла к бывшему абрикосу. Нет, она не собиралась присесть, колени подкосились сами. Чья-то неумелая рука подвергла пытливой казни невинную жизнь. Удар топора был неискусный, не с размаху. Тонкий ствол расщепляли с истовым усердием.

От земли немым укором торчал жалкий дрын, походивший не на... пень, а скорее – увечный детский локоток. Всего-то крохотный обрубок в прожелти разодранных волокон. Женщина провела по нему ладонью и ощутила прохладу живой влаги. Безутешный древесный глаз ронял глухонемую слезу. Нет, молодая не помнит, когда солнце потонуло в сизой мути дождевых туч, как поспешили к ней супруг с малышом. Не помнит, о чем говорили. Порывистыми ухватками складывая подле ограды ветви вчерашней жизни, она надолго запомнила вещей стукоток: «Не к добру. Не к добру...». И в унисон – над сумеречной долиной неспешно грохотала гроза. Безмолвствовали горы.

Как много голосов во вселенной... Как мало тех, кому дано постичь их смысл! Молодая была растревожена тенью невыразимого предчувствия. Домочадцы были опечалены горькой участью оранжевого кудряша. А в целом? Семья по-прежнему трудилась, жила заботами о хлебе насущном.

Никто не ведал, какую тяжкую кручину уготовила в своем подоле грядущая осень. Беде как бы не положено ходить в одиночку...

Бабье лето едва осенило мирную усадьбу закатным светом, как наступил октябрь, и пришла она... побируша. В одночасье рухнуло все.

Молодой супруг погиб в автомобильной катастрофе. Старик пережил сына на сутки: изможденное сердце отказалось биться на той земле, где не стало его опоры. На руках у молодой повисли малые дети – девочка и два мальчугана.

Косыми дождями запричитала вдовья осень. Молодую подхватило снежной вьюгой. Ее то заносило, то кидало из огня да в полымя, то снова окатывало ледяным потоком. Надсадно лущевало по живому... Да и времена были не из лучших. Некогда великую державу нынче кромсало, крутило и выворачивало. Перекраивались карты. Передвигались границы. Из-за пустяков гибли, а то и вовсе пропадали люди. Который раз в тоске припомнит молодая тихий говор покойного свекра: «Из-за этой пяди чернозема никто из вас не пойдет по миру... Уступите землю... Пощадите жизнь!»

...Но человек не щадит жизнь. Человек бьет наотмашь. И глумится, и казнит – все тот же прекрасный и презренный человек.

«То он – царь. То он – червь!» – вот она, непроходящая хвороба людская.

Протяжным вороньим граем стоит эта хворь вдоль всей земли. И ветер, бесноватый охрипший ветер завывает один над всем миром: над поверженным деревом, над вдовьей скорбью, над утомленной скособоченной планетой. И по-прежнему немотствуют горы.

Сколько минуло весен с той поры? Сколько порублено деревьев, и сколько их отцвело... Кстати, славным был тот упрямый абрикосовый побег! Крохотными щупальцами впиваясь в спасительную земную твердь, это живое дыхание устремилось прочь от немилой усадьбы. Ручейками-веточками оно уползло незаметно и, достигнув заветной решетки, всей своей древесной тщедушной плотью зацепилось за ограду, чтобы плодоносить с первородной силой.

Не забыла ли его молодая? Как же... Она приходит к дереву с румяным карапузом – человеком нового тысячелетия. Она приходит к дереву, чтобы... прислушаться к древнему ропоту ветра в зеленеющей листве и неизменно угадывать вкрадчивое эхо из далекого далека: «А ты не унывай... Оправится твое дерево. В нем много... жизни!»

И снова она – молода: ведь в том кротком шелесте ураганы пережитого и бездны непрожитого. Кто знает, не из тех ли бездн вопиет мелодия торжествующей жизни... И не ей ли внимают горы в невозмутимом своем безмолвии.

Перевела с кабардинского Асият Карма

ПЕСНЯ МОЕЙ ДУШИ – МОЙ ЧЕГЕМ

Осень в этом году выдалась удивительно тёплой и долгой. Золотая листва в безветрии сияла огнём, радуя душу. Казалось, это будет вечно, непогоду не ждали.

Живу и работаю в городе, но душой я сельский человек, и родной Чегем всегда со мной. Никакая хандра не может задержаться, как только из Первого Чегема направляюсь вверх, в сторону Нижнего, потом – Верхнего Чегема. Это моя Мекка, песня моей души, место, где я родилась, встала на ноги и

ушла в большую жизнь.

Когда я приезжаю в родительский дом, уже с порога сердце наполняется родным духом этой вселенной: нашим двориком, огородом, камнем в конце огорода и старой лещиной, которая висит над крутым обрывом. Любимая вотчина моей дорогой мамочки, ушедшей некоторое время назад, оставив нам всё это. Осознавать, что её теперь там нет, мучительно больно.

Мама прожила достойную жизнь. Выростила своих пятерых детей и многих племянников. Она научила нас женскому труду, и мы, её послушные дочери, с удовольствием занимались всем этим и приобщились к искусству рукоделия. При ней наш двор был самым уютным и многолюдным. Он остался таким и сегодня. Племянники, которые собирались отовсюду, знали, что добрая тётя Шахидат приготовит много вкусного. К тому же, в этом большом, с красивым двором доме никто не запрещал шуметь, бегать, прыгать. Вот таким запомнился наш родительский дом. Мама старалась всегда всем угодить. Казалось, это было главной чертой её характера. Только приготовит, накормит и тут же опять заставит кого-то из нас пойти сорвать побольше свекольной ботвы или выкопать молодой картошки, чтобы заняться приготовлением нового блюда. В такие минуты никто из нас не решался проявить недовольство, ибо она совершенно наивно заявила бы, что «они с удовольствием будут есть, только быстро и много надо приготовить». Кто бы сомневался...

Когда для строительства дома отцу выделили участок, он оказался особенным: в конце этого местечка была чья-то могилка. Мама не испугалась, не пренебрегла, всю свою жизнь тщательно ухаживала за ней, считая для себя это священным долгом. (Впоследствии брат со снохой поступали точно так же...) Помню её тёплые руки, которые

перебирали чётки, когда она читала молитву за человека, похороненного в той могиле.

Она раз пять перечитала мои книги и пересказала их мне, словно я не знала их содержания. Наш добрый ангел-хранитель, как же пусто нам без тебя, без твоей доброты и чистой души! Ты её ничем не запятнала, никогда ни на кого не держала обиду. От тебя исходило необычайное тепло, которое лечило сердца.

Конечно, второй такой души нигде не найти, она принадлежит избранным, к которым бегут люди, спасаясь от жизненных невзгод.

Нам повезло с тобой, наше чудо божественное, с красивыми алыми щёчками и доброй неповторимой улыбкой, которая никогда не покидала твоё лицо. Ты принадлежала не только нам, твоим детям, но и всем, кто нуждался в помощи, понимании и внимании. Ты будто сама находила их, и они были всегда с тобой рядом. Очень трудно быть такой. Как заблудшие, мы ищем твои следы в покинутой тобой жизни, в нашем дворике, в созданном тобой огороде и окружавшем тебя Чегеме, в родных пейзажах, в цветущих садах и в косых дождях. Мы стараемся сохранить тот мир, который создала ты, ведь ты смотришь на нас с небес.

Этот намоленный тобой мир ты оставила нам: детям, внукам, родне. У тебя не было врагов, ты ценила всё и всех, радуясь малому и большому. Сколько нужно было иметь в душе сил, чтобы уметь прощать того, кто, по человеческой логике, не заслуживает этого! Мне, одной из твоих дочерей, не всегда хватает мужества смотреть на мир твоими глазами: не замечать недостатков и прощать обиды. Как и отмечала, это достоинство избранных. И такие люди рождаются для особой миссии, чтобы открывать другим основы миропонимания.

Вселенная вмещает в себя разное: и плохое, и хорошее. Любой тяжелой ситуации можно найти оправдание. Всему есть своё объяснение, как и спасение от плохого, и оно, это объяснение, находится рядом: в знаках, людях, предметах. Всё в руках умеющего видеть и понять...

До депортации мамина семья жила в Верхнем Чегеме, они – чегемские Шаваевы, не безенгийские. У чегемских корни идут из Карачая.

После депортации они не вернулись в обетованный Верхний Чегем, решив остаться в Нижнем. Конечно, это село ближе к городу, там проще жить, но Верхний Чегем (древнее название – Эл-Тюбю) всегда был с ними. Это великолепие до сих пор остаётся нашей гордостью, местом лучших воспоминаний, впечатлений, местом силы.

Тот, кто хоть раз побывал там, впитал его величие, уже не сможет обойтись без его уникальной энергетики и прекрасной природы, без того, что оставили наши предки с незапамятных времён до нашествия

Хромого Тимура, когда по этим местам ещё проходили караваны Великого шёлкового пути.

После ссылки мой отец с матерью тоже встретились в Нижнем Чегеме и создали семью. Прекрасное село со своей историей. До войны он был районным центром, куда входило много сёл, начиная с Яникоя, Каменки, Лечинкая и заканчивая селением Булунгу. Выше Чегемских водопадов насчитывалось восемнадцать больших и малых сёл.

Проехав от водопадов до селения Булунгу, можно увидеть руины старых домов, но трудно представить, что там когда-то кипела жизнь.

После Октябрьской революции, коллективизации создавались партийные ячейки и колхозы, и мой дедушка Татчаев Аслангерий, его два брата – Адильгерий и Баттал были руководителями в разных государственных структурах этого района.

Мой дед, Татчаев Аслангерий Дидуевич, был партийным организатором в селениях Верхний Актопрак и Нижний Актопрак и директором маслосырзавода. Потом занимал должность начальника НКВД Нижнечегемского района.

Татчаев Баттал Дидуевич был партийным секретарём и председателем колхоза в Нижнем Чегеме.

Я горжусь ими. Моего деда отправили на фронт, где он погиб в боях за родину на Керченском направлении. Его братьев по ложному доносу расстреляли. Они не видели депортацию, не узнали, что было с их семьями в изгнании.

В семье моего отца росли девять детей. С матерью они попали в Северный Казахстан, и в том же году шестеро детей и мать умерли от голода и холода. Трое из оставшихся выросли в разных детских домах. Участь была жестокая, она касалась не только нашей семьи, но всего безвинного народа.

Семья моей матери попала в южную область Казахстана. Им повезло больше, они выжили. Кроме младшего братика и дедушки, все вернулись на родину.

В Нижнем Чегеме до войны был построен кирпичный завод, который ненадолго был восстановлен, и часть молодёжи работала в колхозе, часть – на заводе. Нижнечегемский и Чегемский районы были объединены в один Чегемский район.

Потеряв большую часть народа на войне и в депортации, поколение наших родителей возвращалось на родину, но из восемнадцати аулов Чегемского ущелья были заселены только Эл-Тюбю и Булунгу. Когда об этом думаю, вспоминаю предсказание кумыкского шейха Леуана-хаджи, который жил два столетия назад в селении Думала. Оно находилось левее Булунгу, по пути в сторону Безенги. Согласно преданию, увидев холм в устье реки Чегем, он показал на один из камней и сказал, что, когда упадёт этот камень, много селений опустеет,

и только спустя годы вернутся сюда жители и заселят только два села. Тогда люди не придали этому значения...

Прошло много лет, и однажды дедушка Мухаммат, выгоняя корову на водопой, увидел тот самый камень, который лежал в обрыве среди крапивы. Это было в первых числах марта 1944 года. Он тогда вспомнил слова кумыкского старца, но не хотел думать о плохом... К сожалению, через пару дней, 8 марта в пять часов утра, жители всех сёл в ущелье убедились в точности того страшного предсказания.

Спустя тринадцать лет люди, прошедшие все невзгоды и испытания, как было выше сказано, вернулись к родным очагам. Те, кто попал в ссылку маленькими детьми, знали о Кавказе, о родном доме по рассказам старших. Но народы, среди которых они выросли, тоже стали для них родными.

Конечно, рассказы старших о далёкой райской земле под названием Кавказ волновали их души. И эта долгожданная встреча с горами, быстрыми реками, чудесной землёй, старыми, некогда покинутыми ими сторожевыми башнями, над которыми всё так же парили длиннокрылые орлы, состоялась. Приезжая, старшие поклонялись земле, которая наконец-то дождалась их, то покрываясь зеленой травой, то багрянцем и золотом листвы, а то и толстым снежным покрывалом. Как и до ссылки, сюда весной прилетали ласточки, а осенью, собравшись в стаи, опять улетали в далёкие тёплые края. В заброшенных огородах весной цвели деревья, росли яблоки, а осенью всё это горело в багрянце. Были и такие случаи, когда чьей-то собаке выпадало счастье дожидаться своих хозяев.

Люди, приехавшие раньше, встречали вновь прибывших родственников или соседей и помогали им обустроиваться. Радовались каждому, кто выжил и добрался до родных мест. Постепенно сёла обживались переселенцами, жизнь налаживалась. Я принадлежу к поколению детей, рождённых в первые годы после возвращения из ссылки.

Моё счастливое детство прошло с родителями, которые после долгой разлуки с родиной возрождали родные очаги. Никогда не забуду, как наша мама с утра до ночи трудилась, стараясь создать свой мир, семью и быт. Она родила четырёх дочерей и одного сына. Своих детей она учила трудолюбию, порядку и ответственности, за что мы ей бесконечно благодарны. Я, как любая девочка-балкарка, умела и в хозяйстве быть нужной, и рукодельничала с удовольствием. Даже в годы учёбы в школе это было моим любимым занятием. В нашей школе, расположенной в отдалённом балкарском селе, работали лучшие учителя и достойные люди. Они учили нас не только основам разных наук, но и быть ответственными, понимать важность выбранного тобой дела. И спустя много лет, когда я сама стала учителем, не раз

задумывалась о том, смогла ли передать детям то, что я получила в своё время от своих замечательных педагогов.

Я люблю свой Чегем, который наполняет меня силой, очаровывает неповторимой красотой и с каждым разом помогает открывать для себя что-то интересное. Эта благословенная земля является родиной множества талантливых людей. С большим удовольствием расскажу об одном из них. Это мой прапрадедушка Шаваев Даут-хаджи, которого по праву считают одним из основоположников балкарской культуры.

Да, это большое счастье – называть его своим дедом, так мне повезло. Написав и издав о великом человеке книгу, я не думаю, что до конца выполнила свой долг. То, что я сделала, – всего лишь малая толика в плане исследования его огромного и многогранного творчества. Хорошо подготовленные филологи всегда смогут сказать новое слово об этом философе, поэте, религиозном деятеле.

Он учился в лучшем университете Востока – «Аль Асхар» в Каире. Прекрасно знал восточную поэзию и философию. Образованнейший человек своего времени, он в своем творчестве использовал поэтическую традицию великого восточного гуру, философа и мудреца Ахмата Ходжи Ясави. Это считалось высшим достижением в поэзии и выражением мысли в высоком поэтико-философском слове.

После университета он вернулся в родной Эл-Тюбю и открыл медресе. Для непросвещённого общества это было большим прогрессом. Обучал он не только читать священный Коран – учил думать, подчиняясь законам логики, принимать решения, писать арабскими буквами балкарские слова. Он способствовал появлению первой интеллигенции, представителей которой впоследствии через свои многочисленные связи устраивал в университеты Востока. После они же руководили в своих сёлах, контролируя всё происходящее.

Мне очень нравится посещать места, где он проживал, село Эл-Тюбю – это его родина и место, где он похоронен. Я там бываю не так часто, как хотелось бы. Весь путь выше, до селения Эл-Тюбю, завораживает. К нему не привыкнешь, что-то новое всегда покажет...

Выше чегемских водопадов можно увидеть руины старых селений, сегодня это сенокосные угодья.

Но самое интересное начинается именно отсюда. Первое поселение – это аул Актопрак (вернее будет сказать, развалины аула). Он начинается, как только проезжаешь водопады. Начиная своё повествование об этих землях, хочу рассказать о своём прадеде, дедушке моей матери, сыне Даута-хаджи, Махае.

Махай Даутович Шаваев был одним из пяти сыновей Даута-хаджи. Всё самое главное, что было у отца, практически передалось ему. Он окончил медресе, созданное своим отцом, и прекрасно владел арабским языком. Помимо этого, он был мастером на все руки,

прекрасным строителем, зодчим, садоводом. Для конца девятнадцатого – начала двадцатого веков иметь знания по таким направлениям было практически невозможно. С этим даром человек должен был родиться. Как рассказывают люди из поколения моих родителей и как пишет его односельчанин, краевед Исхак Газаев, ему не было равных в этом.

Прямо за поворотом в ауле Актопрак до сих пор стоит каменная стена, которую Махай построил задолго до депортации, чтобы не было обвалов на этом участке. Всё, что он строил, делал на совесть и мастерски. После того как снесли старую мечеть, построенную из досок, началось строительство новой мечети из камня. Хотя в селе был эфенди, полностью руководил стройкой Махай, сам же ставил стены. По углам, возле окон и дверей, заставил каменщиков точить особые камни нужной формы, крышу покрыл жостью, которая тогда была в большом дефиците.

Мечеть служила даже после того, как вернулся народ на свою землю. Себе построил двухэтажный дом из камня, из хорошей древесины, с жестяной крышей и застеклёнными окнами. Для того времени такой дом считался большой редкостью.

Махай там жил с отцом и многодетной семьёй единственного сына, Харуна. Как вспоминала мама, он был самым добрым дедушкой для своих внуков. После смерти отца он часто вспоминал его, рассказывал, какой он был в работе, в быту. Мама, хоть и была маленькая, многое запомнила из его рассказов и что-то смогла и нам передать. Он хотел спокойной жизни себе и внукам в этом прекрасном дворце с большими окнами, откуда он мог из местечка Байгорун разглядывать всё село и его достопримечательности. С вечера и до самого утра прямо над его домом со стороны горы Битикле, по одну сторону Млечного пути, сверкали звёзды Большой Медведицы, освещая тот же путь, по которому проходили караваны Великого шёлкового пути в местечке Думала, до самого Ётмюш-Кол и дальше, горами и долами до Дербента, Хазарского моря и его бесконечных степей. Зимой прямо над домом располагалось созвездие Ориона, которое освещало вершины Донгат и Капчагай.

Перед красавицей-горой Капчагай много тысячелетий стоит пик Донгат, влюблённый и большой, со своими таинственными пещерами; он нежно охраняет молебенный камень «Намаз-таш», оставленный нам неизвестными путешественниками и караванами Великого шёлкового пути. Перед вершиной Донгата простирается наиболее ровная часть этой земли. Моя тётушка Канитат рассказывала, что это всё – могильники, и, по словам известного историка и археолога Исмаила Мизиева, здесь находятся как минимум четыре слоя могил. Можно представить, сколько тысячелетий назад были заселены эти места.

«Намаз-таш» удивителен своим расположением. Это прямоуголь-

ный камень, направленный прямо в сторону Кыбыла, то есть на юг. С левой стороны – нерукотворная лунка, всегда наполненная водой для омовения, также небольшие углубления, где располагаются голова и колени во время намаза. Конечно, неисповедимы пути господни, что тут скажешь. Чуть ниже «Намаз-таша» можно увидеть прямоугольный камень с овальными краями, его называют «Къарындашланы-ташы», или «Камень братьев». Действительно, рассказывают историю про двух братьев. Один из них делал черепицу, а другой – бусы. Согласно преданию, желающих приобрести их товар было много, как для украшений, так и для погребений. Чуть выше, на левой стороне, находятся древние могильники. После дождя, когда смывается почва, выходят наружу прекрасные самоцветы-бусинки, когда-то погребённые в землю. Дедушка Махай был очень умным и всегда учил на лучших примерах своих внуков, рассказывал о необычности тех мест, где они живут. Моя мама с его слов помнила (хоть и смутно), что за ледниковой речкой Къардан, берущей начало из самой вершины горы Ак-Кая, находится большая долина Думала. Как и во всех больших и малых селениях Чегема, там проживали представители нескольких фамилий. Одни из них – щедрые, богатые братья Мамашевы, о которых рассказывал дедушка Махай, держали чёрных лис. Они пользовались очень большим спросом. Из разных мест приезжали, чтобы приобрести их шкуры для шапок, барских шуб и воротников для княгинь. Простому смертному, наверное, это было не по карману...

Отец Махая – Дауут-хаджи часто уезжал по делам. После возвращения из очередной поездки на Восток он увидел этот прекрасный дом, которому совсем не обрадовался. Долго он рассматривал его со всех сторон и, позвав сына, сказал: «Дорогой сын, придут такие времена, они не за горами, когда это великолепие принесёт тебе много проблем». Разве об этом хотел бы думать гордый сын в тот момент? Но те самые времена неожиданно наступили. Сын вспомнил слова своего отца-провидца. Когда началась коллективизация, дом забрали в пользу государства и использовали в качестве гостиницы для приезжих представителей тогдашней власти. Семью не нашли куда выселить и оставили в доме как обслугу. Не подчиняться власти не было возможности.

Так они жили, пока не наступило время депортации народа в районы Средней Азии и Казахстана. Вместе с другими жителями села семью дедушки погрузили в грузовые машины и увезли в неизвестность «на вечное поселение», и вскоре от этого дома ничего не осталось. Всё до последнего гвоздя было разворовано и вывезено...

Дедушка Махай считал самым благородным делом строить дороги. В горных районах они часто приходили в негодность. Например, даже в настоящее время в Тызгы, что находится за местечком Актопрак, дорога очень низкая, почти на уровне реки Чегем. Во время сильных

дождей или таяния ледников она разливалась и затопляла дорогу, смывая большие валуны. Тогда он несколько дней подряд приводил эту территорию в порядок, взрывая повреждённые участки и засыпая другой породой, чтобы поднять уровень дороги. Кто считал нужным, помогал, но обычно он всегда строил сам.

Он очень любил садоводство. В то время это было самой неразвитой отраслью сельского хозяйства и природопользования. Он каким-то образом выяснил, что можно взять ростки диких фруктов и окультурить, прививая веточку одного вида к другому. Возможно, отец во время путешествий это видел или сам как-то додумался. Но в итоге он в своей усадьбе посадил большой сад из абрикосов, яблок, слив и груш. Это было новое, до сих пор не знакомое для сельчан явление. По решению князя Балкарукова, который правил селом, он разбил сады в селении Актотрак и селении Жора. Даже сегодня, когда едешь в Эл-Тюбю, проезжая эти места, прямо у дороги можно увидеть старое абрикосовое дерево. Другие растут и в глубине села, старые, необрезанные, но всегда цветущие и плодоносящие. Мелкие плоды абрикосов с розовыми щечками и веснушечками. Достойные оставляют лучшую память о себе.

Дедушка Махай, когда строил, в раствор добавлял известь, которой еще пользовались строители кешене, то есть могильников. Её брали из оврагов у подножия горы Башиллик и там же в больших ямах гасили. Он таким же образом строил мечеть, дома, заборы. Этому ремеслу учил и своих односельчан, а также раздавал им эту известь, чтобы они белили дома и жили в чистоте.

Вот таким человеком был достойный сын своего великого отца! Я по-настоящему горда тем, что они были моими предками. Пусть покоятся в мире!

Конечно, нашему дорогому деду Махаю не суждено было остаться лежать на своей земле. Его не обошла участь ссылки. Он со своим народом, невесткой и внуками попал в Казахстан, там и было его место упокоения, пусть пребывает в раю.

Однажды я разговаривала с эфенди и услышала странную историю. Оказывается, за селением Булунгу, ближе к Кавказскому хребту, есть местечко, где время не подчиняется никаким законам физики. Он это назвал параллельным миром, невидимым простому человеку. Почему-то я в это поверила. Он рассказывал, что это мир духов, высших сил или высшего разума.

И впрямь, не может пребывать в такой величии только простое и понятное! Я слышала легенды о том, что Золотое Руно спрятано в горе Битикле, где находится Греческая лестница, и Чашу Грааля нужно искать не в земле, а именно в горах, дальше Артиш-Кая («Поющей горы»). Возможно, это миф, но очень хочется в это верить.

Эти места полны тайн как природных, так и мистических. Здесь, как в Тибете, время течёт по-своему. Это те места, где много древних рун. Некоторые из них раскрыты, остальные ждут своего часа. Когда поднимаешься по так называемой Греческой лестнице до самого верха или трона, эти руны везде. Уже известно, что в рунах, прочитанных известным учёным Сосланом Байчоровым, говорится о прошлом народа, жившего в этих краях сотни, а может, тысячи лет назад. Параллельные миры тоже указывают на богатое прошлое, на тайные знания, согласно которым жили эти люди. Наука поддерживает мнение о том, что эти миры – хранители знаний. Ведь налицо работа тех, кто строил кешене, и разрушенные крепости.

Их было немало. История строительства их датируется XII–XIV веками. Единственный памятник культуры, Башня Балкаруковых, которая стоит по сей день, датируется XVII веком. Старые крепости, у которых и основания почти не осталось, – это башня Хырждауат-кала, крепость Тотур-кала, башня Личиу-кала, башня Трам-кала, крепость Байрым. Их исследовали учёные-археологи И. М. Чеченов и Исмаил Мизиев. Также хорошо описана история склепов Фардык-кешене того же далёкого средневековья.

Такие феноменальные сооружения, конечно же, не под силу были обычному строителю, как бы он ни хотел этого. Для этого требуются специальные знания, планировка, чертежи. Они и составляют древние, тайные знания, возможно, полученные от внеземных цивилизаций или из тех же параллельных миров. А сколько имён гениальных зодчих и каменотёсов ушло в небытие, оставшись под толщей веков! Живёт мой древний народ среди этого величия, где сильнейшая энергетика вселенной рождает таких гениев, как мой прапрадед Дауут-хажи Шаваев, его не менее гениальный сын, великий зодчий Махай Шаваев, великий поэт Кайсын Кулиев. А сколько ещё было талантливых певцов, поэтов, сказителей, – тех, кто на протяжении веков создавал произведения балкарского фольклора, мы не знаем и вряд ли узнаем когда-либо...

После возвращения из депортации наша семья, как было сказано выше, осталась жить в Нижнем Чегеме. Сын Махая, Харун, погиб на войне. Отец Махай и внук Мухаммат умерли в Казахстане. Остальные вернулись на Кавказ. Они все, потомки достойных людей, продолжили жить, учиться и работать.

Я очень люблю своё село. Мне нравится наблюдать за тем, как оно развивается, люблю слушать интересные истории из жизни сельчан, восхищаться делами хороших людей.

В самом красивом доме, построенном моими родителями, всегда было тепло, уютно, сытно и многолюдно. Всех соседей и родственников, среди которых прошло моё детство, я вспоминаю с теплотой, не

помню, чтобы кто-то из них относился ко мне плохо. Каждая семья имела свою историю, свою судьбу, не похожую ни на чью другую, и тем они были мне интересны и дороги. Кто-то из них тосковал по былому. Кто-то отличался красивым пением, кто-то – красивой душой. Все они остались в моей памяти только светлыми.

Помню старого Бориса, одинокого, немногословного, умеющего молча и внимательно выслушать собеседника. Кто-то рассказывал о его безответных чувствах в молодости и непреходящей душевной боли. Никого он в этом не обвинял, создал семью, вырастил детей и свою боль спрятал глубоко в сердце. Он ушёл с ней туда, где она ещё дольше будет храниться. Никому не любил открываться, не знаю, боялся или не доверял? Это было его болью, к которой он привык. Я ни разу не видела, чтобы он весело с кем-то говорил. Но однажды он тихо сидел под деревом и смотрел на небо. Я впервые с ним разговорилась. Он показал на небо, которое очищалось от облаков, и это было какое-то странное зрелище. Прямо с северной стороны, с самого края от востока до запада, прямой линией небо очищалось весь день. К вечеру не было ни одного облачка. Была ранняя осень, время сенокоса. Долго после такого удивительного прояснения не было дождей. Я тоже целый день наблюдала за этим удивительным природным явлением.

Я люблю осень в её нескучном цвете. Как говорят, бабье лето с паутинками и тишиной, которая наступает после отлёта певчих птиц. От чуждой тоски вечерами до последнего шелеста багряной листвы...

СВОЁ
Рассказ

Памяти моего милого и родного человека
Мамбетовой М. С.

*Веселье, грусть – все бrenно!
Зачем свой жребий клясть?
Лишь времени нетленна
Безвременная власть.
Чувств призрачна безбрежность:
Признаем неизбежность:
Оскудевает нежность и остывает страсть...
А. Ч. Суинберн «Сад Прозерпины»*

Сейчас я даже и не вспомню подробностей нашей первой встречи, ведь мне было лет восемь...

В нашем многоквартирном доме на первом этаже была детская библиотека, и я часто бегала туда за книжками. Ими я буквально захлебывалась. Мама и сейчас вспоминает, как из разных углов нашей квартиры раздавался мой громкий смех, и она радовалась, видя меня с книгой.

– А ну-ка прочти и мне, что тебя так рассмешило? – предлагает она. Я с готовностью соглашаюсь и начинаю зачитывать показавшиеся мне очень смешными отрывки. Мама вежливо улыбается и удаляется обратно на кухню или в ванную. Её сложно увидеть без тазика с постиранным бельем или кастрюли, которую она остервенело трет смесью песка и ещё чего-то непонятного. В домашнюю работу она всегда вкладывает столько страсти, что я спешу удалиться, пока мне не придумали «полезное» занятие. Сейчас я понимаю, что здесь была не столько страсть, сколько скорость – а вдруг за ней сейчас примчится карета скорой помощи?

Стоп, стоп! С мамой все в порядке, она у меня женский врач, и в периоды её рабочих дежурств возле нашего дома частенько появляется «скорая помощь». В такие моменты мама всё бросает, солдатски лихо впрыгивает в платье, один взмах расческой, легкий пшик «Опиумом» и... я уже слышу её торопливые шаги на лестнице, а через минутку звук отъезжающей «скорой». В воздухе ещё долго продолжает витать аромат её духов и пудры. Папа разводит руками и идет к своему четвероногому другу смотреть телевизор. Четвероногий друг – это диван, чтобы вы понимали. Только вот не подумайте сейчас,

что мой папа бездельник! Просто у него работа нормированная – от сих до сих. Вечером он дома и, как любой интеллигентный мужчина в СССР, любит покой, прессу и передачу «В мире животных». Он вообще очень спокойный и уравновешенный, мой папа. С экспрессивной и эмоциональной мамой они дополняют друг друга.

Уезжая обратно на работу, мама оставляет недоделанным разве что варенье в большом эмалированном чане, который папе предлагается через десять минут снять с огня и отставить в сторону. Всё остальное всегда готово: в доме есть горячая еда, везде идеальный порядок. Вот так моя железная леди успевает всё...

Я отвлеклась. Меня всегда «уносит», когда я начинаю говорить о родителях.

Так вот, о библиотеке, где я запасалась. Именно запасалась, потому что никак иначе назвать невозможно: меня не было видно за стопкой книг. Как только я заходила в библиотеку, меня охватывало необычайное чувство жадности. Мне нужно было и то, и другое, и третье. Было много интересного, но на руки разом давали всего 3-4 книжки. Библиотекарь, высокая блондинка со смеющимися серо-зелеными глазами, узнав меня поближе, стала давать больше книг, рекомендуя мне зарубежные классические романы, сейчас я понимаю, что, возможно, немного не по возрасту. Что ж, мне было очень интересно читать, хотя иногда не очень, но я вынуждена была читать всё, что было ею рекомендовано, поскольку знала, что она будет меня экзаменовать на знание сюжета.

Между нами стремительно складывались теплые и доверительные отношения. Как только мы узнали о своих родственных связях, Мадина принялась меня опекать. Делалось ею это очень ненавязчиво, она просто выделяла меня среди дворовых детей. Когда я забегала за книжками, пыталась меня усадить и напоить чаем с чем-то сладеньким. Очень скоро я перезнакомилась со всеми библиотекарями нашего поселка, а также близкими подругами Мадины, которые частенько заходили к ней на работу.

Мадина продолжала меня радовать разными книжками, интересоваться моими соображениями по поводу прочитанного. Я всё же склонна полагать, что настоящую любовь к книгам привила мне именно она. Хотя и дома у нас стоял огромный книжный шкаф с книгами от пола до потолка, а родители постоянно покупали или выписывали какую-то литературу. Кстати говоря, одним из моих любимейших занятий в детстве было бдение за почтальоном, разносившим прессу по подъездам. Как только почтальон выходил из нашего подъезда, я, прыгая через две ступеньки, бежала с ключиком к почтовому ящику. Родители выписывали несколько газет, в том числе местные, но я охотилась за журналами и письмами, которые ждала от подруг.

Сначала о журналах. В нашем почтовом ящике можно было найти

журналы «За рулем» (папе), «Акушерство и гинекология» (маме) – это как раз то, что не особо меня интересовало, но я с удовольствием вдыхала неповторимый аромат свежих изданий. Также родители выписывали журналы «Мурзилка», «Работница», «Ровесник», «Вокруг света», «Крокодил», «Здоровье». Во всяком случае, сейчас я помню только их. Если я доставала из почтового ящика толстый газетный сверток, понимала, что внутри ещё и журналы, и начинала прыгать от радости.

Кроме того, я переписывалась с разными девочками, с которыми знакомилась на олимпиадах, в летних лагерях и так далее. Я активно переписывалась с двоюродной сестрой, но почтальонами здесь были наши папы, которые периодически вопрошали: а почему, собственно, нельзя поговорить по телефону или всласть пообщаться у бабушки, где мы с сестрой неплохо проводим время. Но телефон – было не совсем то, у бабушки вместе мы бывали только в каникулярное время и по выходным, а в школе ежедневно случалось что-то интересненькое, о чем мы торопились поведать друг другу. Ведь новость могла и «не дожить» до воскресенья...

Сейчас я понимаю, что с детства равнодушна к эпистолярному жанру. Иной раз не выразишь в устной беседе всего того, что хочется рассказать. Хотя беседа и имеет свои неоспоримые преимущества, всё поведенное бумаге имеет особую необъяснимую прелесть.

Желание рассказать о Мадине зрело в душе незаметно, оно однажды дало свои первые побеги, когда в моих руках оказалась стопка писем в самодельных конвертах, автором которых была именно она. Дело в том, что мама как-то отдала мне старый портфель со студенческими тетрадами, открытками, дневниками: «Ты вообще-то давно уже живешь не здесь, а это всё твоё, перебери, может, что-то тебе и нужно будет ещё...».

Это была ночь. Я дождалась, пока все уснут, и достала заветный портфель. Я должна быть с ним один на один, здесь моё сокровенное. Полистала старые дневники, посмеялась над своими девичьими глупостями, сфотографировала новогоднюю открытку, на которой детским почерком мне было адресовано поздравление от мальчишка-шестиклассника, в чьем классе я проходила учебную практику, отправила это фото своему нынешнему шефу в виде напоминания о том, как стройно он умел даже в детстве излагать свои мысли...

Потом я, затаив дыхание, достала эту стопку писем.

Есть люди, которые, проходя по этой жизни, раздаривают себя без остатка, собирают вокруг себя людей, искренне радуются чужим успехам, готовы поддержать и помочь в любую минуту; во всё, к чему бы они прикасались, они вкладывают себя целиком.

Я сказала «они»?

Я не помню другого такого человека. За годы своей жизни так больше

и не встретила. Это всё только о Мадине, причем довольно бегло о ней.

Она была большая хохотушка... Хм, при слове «хохотушка» я представляю себе незрелую девчонку. Нет, не о ней. Она была большой любительницей посмеяться, я бы даже сказала, профессионалом. Сложно себе представить более острое, фонтанирующее и избыточное чувство юмора! Смеялась она до слез, прихлопывая затем подушечками пальцев нижние веки. Я очень любила наблюдать за тем, как она веселится, насколько непосредственно и искренне выражает свои эмоции. Собирала уличную детвору, проводила сказочные викторины и конкурсы с призами и подарками. У неё всегда было много интересных идей и придумок. А еще склонность философски относиться ко всему.

Как-то Мадина зашла к нам домой, и я познакомила её с бабушкой, которая у нас в тот период гостила. Она обаяла бабулю своей чуткостью и вниманием, поддержала с ней светскую беседу. Бабуля плохо слышала, и я, предупредив Мадину об этом, с удовольствием внимала тому, как они громко и красочно беседуют. Когда Мадина ушла, бабушка подозвала меня к себе и спросила: «Она замужем?» Я с сожалением покачала головой. «Такая красивая и не замужем», – искренне удивилась бабушка. Когда я рассказала об этом Мадине, та сквозь взрывы смеха сказала что-то о том, что моя бабушка не только плохо слышит, видимо, ещё и плохо видит, раз посчитала её красивой.

Она довольно спокойно относилась к тому, что не выходит замуж, жила интересами своих многочисленных племянников и детей подруг. При этом была очень ранима, тонко чувствовала любые колебания, смену настроения, ощущала в себе зачатки чего-то нездешнего, то есть «не этого мира». Мы часто беседовали с ней и помногу о разных вещах и явлениях, окружающих нас. И по её манере высказывать свое отношение ко всему этому всегда ощущалась некая знаковость. Мне очень льстило, что она беседует со мной, как со взрослой, зрелой дамой, делится многими жизненными нюансами, которые мне, возможно, ещё не пристало знать. «Вот настанет день, ты повзрослеешь и поймешь, о чем я говорю», – вздыхала она нередко. Я повзрослела, а этот день так и не настал... Мадина во многом так и осталась для меня загадкой, хотя раскрывалась мне совершенно с разных сторон, нередко эпатируя своими высказываниями.

Иногда необъяснимая бездна мироздания всего лишь на долю секунды приподнимала свою кисею, и мне удавалось увидеть какой-то предмет её глазами. В такие моменты я очень радовалась, понимая, что могу приобщиться к чему-то недостижимому.

Родители достроили дом, и мы переехали. Это было довольно далеко от того дома, двора, в котором прошли мои школьные годы. Случился переезд в период подготовки к школьному выпускному вечеру и вступительным экзаменам.

Какую же радость я испытала, узнав, что я теперь живу совсем недалеко от дома Мадины.

На выпускной вечер она вызвалась сделать мне макияж. Пришла ко мне с сумочкой, наполненной всяким косметическим добром. Родители были довольно строги ко мне в этих вопросах, поэтому многие предметы, которые она доставала из своей косметички, показались мне волшебными, а весь мой образ, который я лицезрела в зеркале по завершении, говоря современным новомодным языком, мейка, – просто умопомрачительным.

В общем, я была жутко довольна собой и весь свой выпускной вечер под чопорным взглядом мамы проплясала с одним мальчиком для того, чтобы досадить другому. Вот она, юность, легкомыслие, ожидание чего-то необычного где-то за горизонтом... А там занималась заря, просыпался новый день, безвозвратно отделяя нас от школьной жизни.

То раннее утро ознаменовалось и возвращением Байкала – нашей немецкой овчарки, которая за месяц до этого исчезла со двора. Исчезла при очень странных обстоятельствах: цепь была обрублена, никто не услышал ни лая, ни звука. Вызванные кинологи с собакой так ничего и не поняли. На заборе были кусочки шерсти Байкала. «Его усыпили и перенесли через забор, вероятно, увезли на машине, потому что следы за забором теряются», – сказали они. Нам было непонятно, кому понадобился наш размером с теленка Байкал, очень добрый, хоть и внешне устрашающий. Папа долго ездил и искал его, везде, где только можно было увидеть собак, но всё было тщетно.

В мой выпускной вечер дома оставался только старший брат. Он услышал странный стук в дверь и открыл её. Каково же было его удивление, когда Байкал, чуть ли не сбивая его с ног, заскочил в дом и на радостях стал облизывать его лицо! Никто ничего так и не понял. Но была версия, что это был тот первый раз, когда его отвязали на ночь, и он тут же нашел дорогу домой. Это была по меньшей мере странная и темная история. Мадина сказала, что Байкал, возможно, был на привязи совсем недалеко, но мы предпочли всё замять и не думать о том, что нас окружают злопыхатели, и просто радовались, что Байкал вернулся...

До того, как я приступлю к Мадининым письмам, я тороплюсь все свои отрывочные воспоминания «слить» в одно. Соединить все отрывочное и эпизодическое (было ли в наших с ней отношениях что-либо эпизодическое?) в органическое целое... мне это очень нужно.

Под предлогом «за книгами» я частенько вечерком отправлялась к Мадине. Мы садились по-турецки, съедали что-то вкусненькое, приготовленное ею. Затем она подмигивала мне и доставала карты Таро или мешочек с костями (это были камешки, на которых ею были начертаны какие-то знаки). Значение этих начертаний она нередко под-

глядывала в одной объемной книге. Практически всё, что сообщала мне Мадина в процессе этого увлекательнейшего занятия, так или иначе сбывалось. Представляете себе, с каким воодушевлением я шла к ней «за книгами»? Впрочем, стопку книжек я притаскивала домой не для проформы, я действительно охотно их читала. А на занятиях по зарубежной литературе в университете я осознала, что благодаря ей многое из того, что теперь предстоит изучить, для меня уже не ново.

Я очень нуждалась в общении с Мадриной, меня вечерами страшно тянуло к ней. Она же только приветствовала мои визиты, всегда искренне радовалась мне, и у неё всегда было припасено для меня что-то интересненькое. Иногда дарила какие-то девичьи мелочи, и когда я смущенно махала руками, стесняясь принимать подарки, она поражалась. Откуда ты такая, вопрошали ее зеленые, постоянно смеющиеся глаза. Она даже как-то привела мне в пример дочь одной из своих подруг, которая легко принимает подарки со словами «большое спасибо». «А тебе, – ворчала она, – всегда сложно что-то всучить».

Мадина любила слушать мои наивные рассуждения и никогда не перебивала. Говорила, что чувствует себя моей престарелой дуэньей. Я же чувствовала в ней очень тонкую и ранимую натуру с огромной душой, способной вместить в себя целый мир. И сколько бы я ни находилась у неё, домой шла неохотно, понимая, что там мне могут дать взбучку за столь долгое отсутствие.

Как-то раз провожая меня до дома, она рассказывала что-то увлекательное, как вдруг ахнула, резко застыла, схватилась за сердце. Я перепугалась, решив, что ей стало плохо. Спустя мгновение она уже громко смеялась, показывая мне на фантик от мороженого «Жемчужное», валяющийся в траве. «Мне на какую-то долю секунды показалось, что там лежит растерзанный пингвиненок», – проговорила она наконец.

Подойдя ближе, я внимательно рассмотрела надорванный фантик с особым Мадриным прицелом, чуть отошла в сторону и опять посмотрела. И увидела то, что видела она: маленького пингвина с распростертыми лапами. Было жутковато поначалу. Мы обе прекрасно понимали, что это абсурд, это было и весело и печально одновременно. Но в тот момент я поняла, что способна видеть вещи её глазами. Конечно, для этого понадобилась небольшая тренировка, но все-таки...

Она часто рассказывала мне о своих друзьях и подругах. Это было страшно увлекательно, мне никто вот так искренне, по-взрослому не поверял свои тайны. И даже сейчас, спустя более чем двадцать лет, я хорошо помню даже имена тех, о ком она рассказывала, помню её эмоции, поведенные ею истории.

У Мадриной была близкая подруга Жанна. Я тоже знала её с детства, она даже одно время работала с ней в детской библиотеке. Жанна, очень красивая, статная девушка, вынуждена была постоянно отбиваться от

воздыхателей. Они были близки с Мадinou, и даже когда Жанна стала семейной дамой и родила четверых детей, Мадина частенько бывала у неё с ночевкой.

Вся семья очень любила её визиты, потому что Мадина начинала выпекать что-то вкусное на кухне и баловала детей. Она хохотала до слез, рассказывая о том, как однажды позвонила в их квартиру, и муж Жанны открыл входную дверь с громким возгласом: «Боже, как я удачно женился!». «Это же можно двояко понять», – смеялась она, вытирая слезы. Я-то понимала, что Мадина – женщина-праздник – всегда умела порадовать детей и была готова стать опорой на кухне уставшей многодетной матери. Это все понимали. А уж Мадина с её великолепным чувством юмора – и подавно.

Шли годы, я вышла замуж, слегка придавил быт. На чтение книг и общение времени почти не оставалось. Мы довольно долго не виделись. Я знала, что Мадина переехала, так замуж и не вышла, но зато удочерила девочку. Собралась как-то и поехала со своей маленькой дочкой к ней. Пока дети изучали друг друга, мы не могли наговориться. Её малышка брала из вазочки и ела печенье за печеньем. Ей было около полутора лет, моя – чуть младше.

В какой-то момент Мадина поднялась и спрятала вазочку в шкаф. «Знаешь, я уже боюсь за неё, она, видать, когда-то недоедала, и теперь не может остановиться, постоянно ест, приходится иной раз прятать еду, чтобы животик не разболелся», – поделилась она со мной.

Будучи настолько откровенной со мной в былые дни, в этот раз Мадина будто очертила какие-то личные границы и так и не рассказала мне, когда и как решила на удочерение, вообще, она вела себя предельно вежливо, очень тепло общалась со мной, и всё же что-то важное в наших отношениях было утрачено. Эта история так и осталась для меня загадкой, и, хоть по работе у меня была возможность заглянуть «в истоки» этого решения, я не хотела этого делать и не желала с кем-либо обсуждать. Человек имеет право на личное. В крайнем случае, по необходимости о таком личном может быть известно определенным должностным лицам, возможно, близким людям. Я не знала, каков был мой статус на сегодня... Но отношения очень хотелось возобновить.

Не помню, в какую из наших последующих встреч она призналась мне, что просила Жанну не оставлять её дочку, если с ней самой что-то случится. Я фыркнула: мол, о чем ты говоришь? С чего это? Мадина улыбнулась. Вот и Жанна отреагировала так, при этом всё же успокоила её, пообещав исполнить эту просьбу.

Ещё как-то раз мы увиделись с ней мимоходом, и она радостно сообщила мне: «Нам уже исполнилось пять!» Я была рада, что и она испытывает радости материнства, и мы договорились, что с дочкой непременно нанесем им визит. На тот момент шел ноябрь. Мадина ра-

ботала в школьной библиотеке и жила через дорогу от школы. Я жила работой и домой попадала довольно поздно. Там меня ожидала куча обязанностей, как это водится в среднестатистической кавказской семье. Я не могла понять, каким образом моя мать успевала всё по дому и ещё слыла очень хорошим врачом. Так же, как и она в свое время, я всё чаще оказывалась на балконе в три ночи с тазиком постиранных детских вещей, но, боюсь, на этом наши с ней параллели неожиданно обрывались. Я понимала, что объять необъятное не в моих силах, и, вздыхая, отправлялась спать.

Почему человек склонен думать, что жизнь течет безостановочно, что можно откладывать на потом то, что дорого сердцу? Почему уверен, что и завтра будет так же, как вчера и сегодня, что всё можно успеть? У каждого из нас есть какие-то приоритеты: некоторые дела мы торопимся завершить, потому что живем в перманентной власти дурацких сроков и условий. А то, что по зову сердца должно выйти вперед, так и остается зажатым, скомканным и нерешенным... Хотя вот же, рядом! Мы работали с Мадinou фактически в соседних зданиях. Мне казалось, у меня куча времени всё исправить, наладить, вернуть.

Мой день рождения пришелся на выходной, и в понедельник я угощала коллег обедом, как это было у нас заведено. Но так как день случился напряженный, обед был плавно перенесен на ужин. За столом много смеялись, шутили. У нас был довольно веселый, хоть и разновозрастной коллектив.

Я уже собиралась домой, как в кабинет ворвалась растерянная и запыхавшаяся Рита.

– Там авария... на трассе... человека сбили насмерть... женщину, – она с опаской смотрела на меня. – Мадину из школьной библиотеки...

Каменею.

Спустя минуту меня уже аккуратно усаживают на стул.

Вокруг суета, неразбериха.

Мои коллеги жадно передают друг другу последние новости.

Мадина вернулась домой с работы, но что-то забыла и вернулась в школу это что-то забрать. В неё влетел небольшой автомобиль со старичком за рулем. И теперь она лежит распластанная на дороге, чем-то накрытая, и где-то в нескольких метрах от её тела валяется ботинок.

Стоп! Тела???

Я не говорю, не могу дышать. В голове пронесется: она должна быть жива, такого не может же быть, такого быть не должно. Эй, время! Что ты творишь? Я что, не успела???. И моя дорогая дуэнья, радость моего детства, моей юности, моя хохотунья уже недосыгаема? И всё кончилось вот так?

Мрачное и унылое шоссе тянулось вдаль. Оно было свидетелем многих трагедий.

Я не помню, как добралась до дому. Меня подвез какой-то знакомый. Он что-то оживленно рассказывал, я слушала его вполуха и кивала. А сама была очень далеко.

Случилось страшное.

Мадины больше нет.

Её ребенок за свою пятилетнюю жизенку уже дважды теряет свою маму.

Есть ещё кое-что. Я боюсь говорить об этом вслух.

Я её предала.

Тяжкий камень придавил мне сердце, и даже спустя двенадцать лет мне безмерно стыдно и больно. Как быть со страхом? Как подойти к мертвому телу на дороге? К телу безмерно дорогого мне человека.

Не смогла...

Не готова я была видеть это лицо и всегда смеющиеся зеленые глаза безжизненными.

Веселая, смелая, мотивирующая Мадина...

Разве я не должна была найти в себе силы раздвинуть толпу зваек и опуститься перед ней?

Спустя много лет понимаю, что не смогла бы и сейчас...

Я видела издали её брата, сестер, родственников. Все они жили недалеко и быстро появились на месте трагедии.

Я уехала, не подойдя в тот вечер даже к ним.

Весь вечер и всю ночь меня трясло, я пыталась приучить себя к мысли, что теперь мы с Мадриной по разные стороны жизни. Муж очень сочувствовал мне, успокаивал, как мог. Но он же её совсем не знал, не особо осознавал степень моего с ней душевного единства. А я не в состоянии была донести это до него словами. С одной стороны, мне нужен был человек, который знал бы её так же, как и я, с другой... ну, не готова я была говорить о ней с кем-либо.

Странное опустошение в душе.

На следующий день были похороны. Мы долго ждали её из морга. Я благодарила Всевышнего, что он не допустил, чтобы отец и мать Мадрины увидели это горе, забрал их раньше. И да простит он мне, что плакала я на этих похоронах так, как не плакала никогда. Я видела свою маму с красным заплаканным лицом. Она очень жалела Мадину и всегда говорила о её печальной доле.

Подруга Жанна сидела потерянная в соседней комнате. Я будто проглотила ком, не могла вымолвить и слова.

Зайдя к себе на работу после похорон, глянула в зеркало: на меня смотрели две узкие щелочки глаз над красными припухлыми веками. Пустошь...

Дальше завертелось, как во сне.

Жанна не могла забрать дочку Мадрины, потому что не отличалась

здоровьем и не чувствовала в себе сил растить пятого ребенка.

Старшая сестра Мадины также не могла забрать ребенка, потому что у неё в доме был психически нездоровый сын-подросток. Тоже горе.

Брат Мадины не забрал ребенка... просто не забрал. Так бывает. В каждой семье свои сложности. Моя мама долго ворчала на эту тему.

Мало кто из нас способен на подвиг. Всё легко только на словах. Особенно для тех, кто не верит в их силу. Я не вправе никого осуждать. Впрочем, не исключая того, что все они отслеживают судьбу девочки и даже общаются с ней. Её забрала в Москву какая-то дальняя родня. Женщина мне показалась очень приятной и интеллигентной. Они с мужем давно хотели усыновить ребенка, своих за годы брака так и не нажили. Я пыталась успокоить себя тем, что эти люди знали Мадину, ребенок не должен был воспринять их как чужих. И самое главное, ребенка забрали те, кто хотел ребенка. Это перевешивает многое. Я воспользовалась своим служебным положением и помогла этим людям.

Всё правильно с этической стороны, всё – в интересах ребенка. И действующему законодательству здесь оставалось только развести руками.

Иногда я бываю на кладбище. Я прихожу к своему папе. Его не стало восемь лет назад после недолгой, но мучительной болезни. Я здороваюсь с ним, рассказываю ему новости. Затем подхожу и к Мадинину памятнику, он совсем рядом. Подумать только, я совсем недавно поняла, что между нами было девять лет. Вопрос о возрасте как-то никогда не стоял. Были вещи важнее.

...Я совсем забылась. Передо мной пачка писем в смешных самодельных конвертах. Это всё, что мне осталось от Мадины. Нет, ещё подаренная книга со смешной дарственной надписью и подписью «Твоя Мадина, Дадина, Вандина» (так на все лады выговаривала её имя моя маленькая племянница) и маленькая вазочка, врученная много лет назад победительнице сказочной викторины в детской библиотеке.

Письма – это другое. Я уже не раз упомянула о них, но всё оттягиваю момент.

«Здравствуй, Манька!

Живя на этом свете, я старалась усвоить его правила. Не знаю, насколько это у меня получилось, но одно я усвоила твердо: всё на свете иллюзия.

Строим наполеоновские планы, а какой-нибудь псих за рулем перечеркивает их...»

Так начиналось одно из писем, и я похолодела, прочитав эти строки, потому что сразу вспомнила ещё одну историю, рассказанную Мадиной. Где-то в компании друзей её очень обидел неосторожным словом человек, которому она очень симпатизировала. И Мадина горько пошутила: «Вот пойду и брошусь под машину!» На что приятель парировал: «Тогда тебе надо броситься под трактор, обычная

“легковушка” с тобой не справится!»! Эпизод был рассказан мне тогда со смехом, но я кожей почувствовала невыносимую боль и страдание, испытанные в ту пору Мадиной. Я осуждала этого бестактного и циничного повесу.

Вчитываясь в строки письма Мадины, я осознала: милая, ведь ты предчувствовала свою смерть уже тогда...

Странное признание сквозит в её строках. «...Суть в том, что я не могу быть НОРМАЛЬНОЙ (хотя, видит бог, хочу). Иногда меня утешает мысль о том, что иная жизнь (она есть, будет, я её предчувствую) реабилитирует меня».

Во время совместных прогулок у нас с ней не раз возникали беседы об иной жизни, она частенько возвращалась к этой теме, я же говорила с ней так, как будто это может встретиться разве что на страницах романов, никак не примеряя к ней. Мадина усмехалась, и в её чудных смешливых глазах цвета зелени таилось что-то, о чем могла знать только она.

Она иногда говорила, что не может открыть мне всю себя и в какие-то моменты беседы немного замыкалась, будто выставляя перед собой кассовый разделитель, не позволяющий прикоснуться к ней той.

«...Безысходная печаль – это не моя натура, это лишь малая её часть. Но это и не маска. Иногда я заглядываю в такую пустоту, такой всепоглощающий страх меня охватывает, что, продлись это хотя бы несколько часов, я бы не вернулась (в нормальное состояние). Не знаю, бусинка, думала ли ты когда-нибудь о нашей земле как о чем-то (ну пусть шаре), что висит (ничем и ни к чему не прикрепленное) в черном пустом пространстве – бесконечном, бездонном, страшном. Если вдруг земля начнет падать (упасть она не сможет, так как дна нет) – всё рухнет: климат, давление, все погибнет (бред? Да! Антинаучно? Да! Страшно? ДА!!!). Так вот, моя пустота – бездоннее!»

При этом она признавала, что очень любит жизнь. Во всяком случае, всё её поведение, манера общения выдавали в ней человека, горячо влюбленного в жизнь во всех её проявлениях. Она умела радоваться и смеяться как никто, искренне любила людей, обожала шутки и веселые истории. Когда случалась какая-то печалька, умудрялась заставить посмотреть на это с другой стороны, и дурное настроение куда-то улетучивалось.

«Всё, что в нас есть – это жизнь! Как камень в реке из щербатого становится гладким, овальным, так и мы становимся терпимее с годами, наученные жизнью. В десятый раз простив обиду, перестаешь замечать оскорбительность речей, поступков. А высшая степень зрелости, по-моему, это способность прощать себе нехорошие поступки... торопись жить, ибо чем старше мы становимся, тем больше смиряемся с тем, что нас окружает...»

Да, пожалуй, я вошла в эту фазу, и свои редкие нехорошие поступки приучилась находить необходимыми и даже вынужденными мерами реагирования на куда бо́льшие нехорошие поступки окружающих. Но жизнь точит, обтесывает, делает с нашими характерами невероятные вещи. Так веселая и беззаботная девочка, слывущая среди своих ровесниц нестерпимой нахалкой, переходит в стадию терпимой и уравновешенной семейной дамы, понимающей, где можно резко высказаться, а где, сжав зубы, мило улыбнуться и развести руками (*«что уж говорить об отношениях, построенных на эмоциях – всё здесь настолько шатко: слово может разрушить отношения»*). Чистая правда и то, что, много раз прощая обиды, перестаешь их даже замечать, что, на мой взгляд, вообще недопустимо. Замечать и отмечать их надо, и, если хватает сил и мужества, простить (а я, правда, считаю, что на это нужно мужество!), при этом отдавая себе отчет в том, что это ты – в плюсе, ты – на высоте, но никак не обидчик.

По своему сегодняшнему опыту могу сказать, что так чувствуешь себя лучше, но это вовсе не тот лайфхак, который надо взять на вооружение всем и на все случаи жизни. Просто я отношусь к категории тех, кто, находясь в состоянии конфликта с кем бы то ни было, чувствует себя физически из рук вон плохо. Мне легче проявить милосердие к себе любимой.

Вновь и вновь перечитывая письма, я с определенной периодичностью встречала в них чьи-то имена. Разумеется, я не привожу их здесь – это было бы предательством по отношению к Мадине. Она ловила себя на том, что «крадет у жизни кусочек счастья». К сожалению (а может быть, это и неплохо), я не знаю этих людей, но безумно хочется взглянуть на них, пообщаться с ними. Это были люди, к которым она прислушивалась, чьи мнения были для неё дороги. Рассуждая о любви и отношениях, она написала мне: *«Поверь мне, любимый мой кукленок, самые прочные отношения – бытовые, спокойные. Сильные эмоции съедают нас. Почему нам кажется, что жизнь проходит мимо? Ведь мы сами сковали себя условностями. Почему бы не радоваться тому, что есть... Женщина существо вообще дурное (культивирует в себе чувство долга)»*.

Мадина говорила о разных мелочах, которыми можно себя занять, украсить свою жизнь. Мне кажется, я переняла это, и гнетущие чувства долга и вины, присущие, наверное, каждой семейной женщине, нередко вознаграждаются в моем случае некоторыми мелочами, которые незримо окружающим, но имеют для меня какой-то вес, способны придать приятные оттенки миру цвета дохлой крысы. Не буду приводить их здесь, у каждого человека они свои. Но на какое-то время я чувствую прилив сил и энергии, испытываю всеобъемлющее чувство любви и умиления к окружающему миру. В такие моменты я веселая

и шумная, если они застали меня дома, я превращаюсь в ураган, начинаю жонглировать кастрюлей, веником и утюгом, при этом ощущая какую-то космическую силу (даже в эти моменты угнаться за своей мамой в молодости я не в состоянии). Но, вспоминая слова Мадины, я понимаю, что наша жизнь действительно состоит на 99 процентов из того, какой мы ее видим. Почему не на 100? Да потому, что всегда есть обстоятельства, которые нами управляют извне. *Всё зависит от того, как мы им позволяем это делать. Личная жизнь + соблюдение норм человеческого общежития + самосовершенствование – вот слагаемые жизни, считала Мадина.*

А вот очень дорогое мне письмо-признание.

«Это письмо любовное. Я решила написать о том, как сильно я тебя люблю. Я не помню, когда мы начали дружить. Но я точно помню, что сначала испытывала к тебе любопытство (мол, такая имакодявка, а поди ж ты, рассуждает по-взрослому). Затем любопытство переросло в симпатию, мне импонировали твои взгляды, характер, такт. Затем я научилась тебя понимать и видеть твои маленькие недостатки. А теперь (ныне) я люблю тебя: как подруга, как сестра, как матрона. Да, да, как матрона: ибо вижу, что при умении ладить с людьми и трезвом (довольно-таки) уме, ты многого ждешь от жизни, от людей. Я очень боюсь, что в какой-то момент своей жизни ты разочаруешься и почувствуешь холод и пустоту... Не позволяй негативу в жизни победить, люби жизнь и верь в удачу.

Дорогая моя девочка, поверь мне: жизнь такова, какой мы ее видим, какой хотим видеть.

...я бы хотела тебя оберегать от всего на свете, как Цербер. Защитить, заслонить, уберечь! Увы, даже бог не всегда это может (или не хочет?).

Я очень дорожу нашей дружбой и надеюсь, что мои многочисленные недостатки не станут причиной её прекращения!»

Всё, о чем она мне говорила и писала, так или иначе происходило в разные этапы моей жизни. Я пришла к выводу, что кого-то уберечь «от всего на свете» просто невозможно. Пытаясь предостеречь свою дочь от каких-то жизненных коллизий, я встречаю такую чистоту в её глазах, что понимаю: вот он, лист бумаги, на котором появятся какие-то узоры, следы радостей и огорчений, восторга и потрясений, печали, раздумий, жизненных выводов. Мы не в силах на это всё повлиять, только косвенно оказаться причастными к тем или иным событиям в жизни своих детей.

«Надо взять от этой жизни всё, что можно. Не быть нахрапистой, но быть расторопной. Уметь увидеть своё и не упустить момент, когда можно его ухватить (ужасное слово). Хотя иногда пассивность лучшая тактика».

Читая эти строки, я осознаю свою пассивность и начинаю её оправдывать. Как говорят китайцы, сижу и смотрю на реку, ожидая, когда она пронесет мимо труп моего врага. У меня, в общем-то, нет врагов, так я хочу надеяться, что какие-то проблемы решатся сами собой. К сожалению, река по имени Время не щадит никого и однажды может пронести и тех, кто дорог... Тут как раз и может быть осмыслена расторопность, о которой писала мне Мадина. А как же быть с лежащим камнем? Вот непреодолимые стороны мышления и поведения человека. И каждый может выбрать своё.

Она выписала мне в одном из писем строки Олжаса Сулейменова: «И не пытайся измерять / Круг суммой абсолютных чисел, / И не пытайся всё понять, / Иначе всё теряет смысл».

Ниже было приписано: мой случай. Сейчас я думаю, что, живя нарочитой жизнью беззаботной хохотуньи, в минуты уединения Мадина когда-то заглянула в страшную бездну будущего и... обомлела, не найдя в нем себя... Но эти письма, эти мысли, преследовавшие её постоянно, имели место ещё в дни нашего с ней тесного общения. При этом она отчаянно желала почувствовать себя женщиной, матерью, хоть ненадолго... Как иначе объяснить тот факт, что она удочерила годовалую девочку и жила только ею?

В последний раз, когда я встретила Мадину и спросила о дочке, она весело мне ответила: «А мы уже не хотим на горшок! Мы пытаемся освоить туалет!»

Больше я её не видела... живой. Это было в начале ноября. В середине месяца её не стало. В конце того ноября ей было бы сорок четыре, моей Дадине, горячо желавшей быть как все, но неожиданно ушедшей.

За эти годы она ни разу не пришла ко мне во сне. Мне бы очень этого хотелось. Так и осталась Мадина неразгаданной тайной для меня, несмотря на наше сильное душевное и фамильное родство. Я научилась ценить приятные мелочи благодаря моей матроне и дуэнье. Да что там говорить, в моменты встреч мы общались часами, и очень многое из моего настоящего мироощущения – от неё.

Смешно, я тут говорю о книжке, вазочке, письмах. Весь её безграничный мир сейчас со мной. Но всё нуждается в уходе, шлифовке, совершенствовании. Я чувствую застой. Активно прокрастинирую, как бы нелепо это ни звучало. Бывалые оценят. Каждый из нас испытывает такое на определенном жизненном витке. Но я знаю, что с надеждой ждут своего часа тайные ресурсы, рельефно разложенные Мудиной на нижних полочках моей души.

КОГДА ПРИШЛА СИНА¹

Рассказ

В тот день, когда пришла Сина, словно табун скакунов, в небе разбежались облака, искры разлетелись золотыми нитями, плетя тесьму в небесах.

В тот день, когда пришла Сина, ярче засияло солнце, заструилась небесная лазурь, с гор подул освежающий ветерок, утренняя роса жемчужинами засверкала на всех растениях.

Когда пришла Сина, поспели ягоды, фрукты и овощи: кисти красной смородины огнём пылают на кустах, с оливы течет мёд, огуречный запах насыщает воздух, краснощекие яблоки гнут ветви...

К полудню подруга моей мамы со своей дочкой Синой, спустившись с пригорка у края села, приближалась к нам. А когда увидели Сину, всем показалось, что к ним приближается добро всего мира, явление к народу, и в небе, и на земле затрепетали белые флаги, ущелья и горы смотрели на неё. Как только все взглянули на Сину, почувствовали душевное облегчение, а взглянув друг на друга, впервые увидели свои души.

В тот момент, когда к нам подошла Сина, в небо взмыл голубь и, исполняя немислимые кульбиты, начал играть; каменная глыба, услышав свирель чабана, разрыдалась, а все певчие птицы разом защебетали.

Когда Сина зашла в наше село, и стар и млад занялись омовением, тела натерли зелеными листьями, вытерлись душистыми цветами, побрызгались духами, женщины накрасились румянами, нарядились в самые лучшие одежды, подняли руки и поблагодарили Аллаха. Затем в один голос произнесли: «Сина пришла! Сина пришла!» А петух не ко времени закукарекал. Моя мама обняла маму Сины, моя сестра двумя руками слегка приподняла Сину.

А я стою с раскрытым ртом, жду своей очереди. Жду, когда Сина своими мягкими ладонями нежно погладит меня по голове. Я радовался, и стена, которая была между нами, тоже радовалась. Окна и двери нашего дома, заметно приоткрывшись, тоже радовались. А наш пёсик, виляя хвостом, кружил вокруг нас.

Мама Сины принесла живую рыбу в тазике, говоря «не брезгуйте, это речная рыба», поставила на стол. Моя мама поблагодарила её и спросила:

- Гошана, черноморская рыба у вас ещё в запрете?
- Да... в запрете.

---

¹ Сина – женское имя (на адыгском, буквально) – мои глаза.

Я не понял, почему рыба, выловленная в Черном море, в запрете, и не понял, почему они ещё молча, как бы вспоминая о чем-то печальном, долго стояли. Рыбы в тазике, хватая ртом воздух, глазами, которые, казалось, вот-вот выскочат, смотрели на стоящих над ними женщин.

Сина тоже стояла молча, в своем белом с черной окантовкой платье. Она была похожа на высокую ель, которая росла в нашем дворе, и гибкая, как ветка боярышника. Её ровно расчесанные рыжие волосы, словно струящийся мёд, ниспадали на плечи, а её пучок чёлки, как петушиный гребешок, куда поворачивала голову, туда и летал. Я очень волновался... Не знаю, почему, но я очень волновался, боясь, что она едва шагнёт – спотыкнётся, а я не смогу её подхватить. А ещё я больше боялся того, что чья-то рука вдруг опустится и поднимет её в небеса. Я посмотрел по сторонам – и, когда увидел корзину с цветами, у меня появилось желание, схватив охапку, бросать ей под ноги эти благоухающие, как и она, цветы, куда бы она ни ступала. Не дай боже, чтобы она ещё упала!

Но когда она проплыла, как лебедь по воде, и села на скамейку у крыльца нашего дома, моё сердце успокоилось. С опаской подняв голову в небо и не увидев там никаких рук, я вовсе обрадовался: там пели песни на все лады птицы, и с неба струилась с руладами необыкновенная одухотворяющая музыка. И непонятно было, кому огромный грецкий орех аплодировал – то ли птицам, то ли Сине? Но потом, когда орех начал сбрасывать с себя желтые листья под ноги Сины, я понял – он приветствует именно её. Сина засмеялась, когда нежно наступила, словно на коврик, на мягкие листья. Смеялись и моя мама, и моя сестра, и мама Сины. Я услышал и смех нашего садовника, который снимал спелые яблоки в саду, скрытый в листве. Наши соседи, чуть ли не вываливаясь из окон, тоже смеялись. Все адыги, живущие в междуречье, тоже смеялись от души. Смеялся весь мир, переключаясь добрым эхом.

В тот день, когда пришла Сина, роса легла на цветы, которые заметно оживились, старые засохшие деревья и кусты, как в сказке, вновь пошли в рост, и на ветвях появились зелёные листья, на полях пшеница, оповещая пору жатвы, выбросила колос. Все крылатые летают в небе: парят, кружат, кувыркаются... Лесные звери вышли на опушку и выстроились в ряд, перепончатокрылые насекомые, всякие жучки-паучки и даже пресмыкающиеся приостановились – все ждут внимания Сины. А у меня чуть не выскочило сердце, ожидая, когда Сина пройдет мимо меня.

Сина, выйдя со двора и сев на скамейку у наших ворот, начала созерцать все вокруг: с любовью рассмотрев мирную и приветливую улицу, взглянула на солнце. А наше светило от такого нежного взгляда Сины приостановилось и улыбнулось ей, и, кажется, не хочет продолжать свой путь. Это что же за радость? А радость в том, что наш дом стал центром вселенной, потому что Сина гостит у нас. К вечеру

все жители села собрались у наших ворот. И тут же они этот вечер объявили вечером прощения ошибок...

Все собравшиеся поблагодарили бога за то, что Сина в полном здравии прибыла в наше село. В честь дорогого гостя устроили праздничный пир. Зажурчала мирная беседа. Молодые парни до покраснения своих ушей разглядывали Сину. И ничего в этом не было необычного и неприличного, Она же дива, всем женщинам женщина. Женатые мужчины, не обращая внимания на присутствие своих жен, как неженатые парни, позволяли себе вольно шутить. А женщины от ревности, словно у них нет семьи и детей, не уступая своим мужьям, свободно беседовали и тоже шутили. Иной бы раз подобное по адыгскому этикету не должно быть позволительно, однако этот вечер получился не то что вечер всепрощения ошибок, но и отсутствие каких-либо ошибок этических норм. Всё было в рамках приличия. Я радовался со всеми. Моё сердце, мои губы и уши от радости горели, как раскаленные угли. Я даже чувствовал своими ногами, что земля, на которой я стою, смеялась – бурлила от радости.

Мама Сины и моя мама, проводив гостей, вернулись и, как и полагаются мамам, наказали, чтобы мы ложились спать, но на этот раз так мягко, что нам показалось, что можно и не торопиться. Мы сделали вид, что готовимся ко сну, а сами потихоньку вышли на двор и расположились на скамейке. Ночь удалась лунной, и кругом было светло, почти как днём. Я сел рядышком с Синой, и сразу же почувствовал её тепло и прилив крови в моем теле. Я весь горел. Они о чём-то увлеченно начали говорить, а я, не понимая, о чём идёт речь, слушал их заворуженно. Шапсугский язык Сины был настолько мелодичным, что мне казалось – она поёт, и когда останавливалась, с нетерпением ждал, когда продолжит. Моя сестра не такая уж красавица, но когда Сина ей сказала: «Была бы у меня твоя красота», я очень удивился. Моё сердце воспротивилось, я до сих пор считал и считаю, что красота на то и дана, чтобы ею обладала только Она – единственная – Сина. Размышляя об этом, я чувствовал, что от возмущения у меня в душе всё бурлило, и в этот момент я услышал голос мамы, обращенный ко мне: «Тебе пора спать».

«Я не хочу спать! – возмущенно буркнул я. – Я ещё хочу посидеть с Синой». В моих словах не было ничего смешного, но моя сестра и Сина почему-то разразились смехом. Из окна тоже раздался смех моей мамы и мамы Сины. И все в один голос провозгласили здравицу: «Да благословит Господь наш смех! Пусть сбудутся юные мечты!» Пока я смотрел на Сину с недоумением, которой мое возмущение показалось смешным, моя сестра, смеясь надо мной, в приказном тоне сказала: «Иди отсюда! Тебе пора спать, юнец!» Но я не сдвинулся с места. Сина нежно посмотрела на меня и сказала: «Не уходи, посиди со мной, если тебе так хочется... – И вдруг неожиданно добавила: – Ты меня любишь?»

Я чуть ли не свалился со скамейки, от жара прилившей крови ко всему телу, но тут же выпалил: «Да! Очень...» И вдруг опять разразился смех. Но смех Сины не был похож на смех других, он, ублажая слух, нежно звенел, как колокольчик. Сестра издевательским тоном сказала: «Бедненький, как он быстро признался!..» Мать Сины из окна крикнула: «Не смейтесь так над ребенком». А моя мама ласково сказала: «Иди, мой мальчик, не подавай повод этим девицам смеяться над собой... ты у меня герой». Я испугался того, что мамино господство пересилит меня, и ответил ей, что в такой прекрасный вечер не хочу покидать Сину. А Сина, прекратив смеяться, глядя меня по голове своими мягкими пальцами, как бы таинственно прошептала: «Когда ты вырастешь, я выйду за тебя замуж... Ты замечательный парень», – и прижала меня к себе ещё ближе. Моей радости не было предела. А они, как ни в чём не бывало, продолжили тихую беседу о чём-то своем. Да я и не вникал в их разговор, иногда переходящий в шепот, а слушал мелодичный голос Сины, и при этом чувствовал её дыхание, от чего сидел тише воды и ниже травы. Я смотрел то на Сину, то на луну, и не мог разобраться в их глазах, настолько они были похожи. Да и не только глаза: они обе привлекательные, красивые и мягкие, обе далеки, но также и близки.

Эта ночь не стала тёмной и в небе звезды не исчезали, а мне всё снится, снится, снится... Вижу сон: я брею свою бороду. «Это однажды тебе тоже надоест», – подсказало мне сердце, но, когда я сделал вид, что не услышал, мои усы выросли, как вороньи крылья. И самое удивительное, все приснившиеся мне – люди, деревья, камни – имели голос, которые я слушал с благоговением, потому что они ласково, нежно, упоительно произносили только одно имя: «Сина... Сина... Сина». А она смотрела на меня с такой обворожительной улыбкой и такими бездонными глазами, что, казалось, вот-вот я в них утону.

По правде говоря, когда я увидел Сину во сне, с ней уже не сидел, лежал в своей постели. Под журчание речей Сины и теплоты, исходящей от её тела, заснул, и меня сестра отнесла в дом.

Утром солнышко, умывшись росой, вышло румяное, и засияло в хрустальном небе. Этим утром оно совсем не было похоже на себя: так заструилось своими ласковыми лучами, что по всему телу чувствовалась его нежная теплота, и в то же время как бы приятно обнимало тенью... И чем выше оно поднималось, казалось, небо становилось прозрачнее и объемнее. От чего у меня появилось желание в это лазурное небо изо всех сил кричать: «Люди! Сина в нашем доме встретила рассвет! Она сейчас находится в нашем доме!»

В тот день, когда пришла Сина, искорка любви попала в глаза нашему солнцу, и потому оно так ласково засветило нам. А когда Сина, говоря: «Быстрее становись большим», поцеловала меня в лоб, у эпох вскружилась голова, и моё сердце сжалось...

...А Сина, обращаясь к своей маме, сказала: «Не волнуйся, мама, я нашла своего жениха, теперь я не останусь в девках». А когда те, кто это услышал, заулыбались, я тоже заулыбался от радости, без какого-либо смущения: я верил в искренности самой красивой, самой обаятельной, самой нежной на земле моей Сины. Но когда увидел людей, которые пришли провожать Сину, очень сильно расстроился... и я почувствовал, как моё сердце охватывает печаль. Они стояли у дороги, и от души и сердца умоляли бога, чтобы Сина всегда была здоровой и счастливой. И даже когда моя сестра сказала мне, что Сина ещё вернётся, это моё сердце не успокоило, оно всё ныло и ныло... Я чувствовал такую невыносимую боль в груди, какую никогда в жизни ещё не испытывал. Я смотрел ей вслед, и когда она уже была далеко, довольно расстроившись, вдруг захотел превратиться в невидимую песчинку и полететь ей вслед. Но это моё желание, конечно же, было неисполнимо, и я стоял неподвижно, как изваяние. А когда она скрылась из вида за пригорком села, из глаз моих посыпались слёзы, и, хотя я услышал, как далёкое эхо три раза глухо произнесло: «Она не вернется!» – в знак того, что не верю этому, тоже три раза ответил глупому эху: «Вернётся! Вернётся! Вернётся!»

***

...Как-то раз я, увидев похожую на Сину девушку, побежал за ней, но, когда приблизился и взглянул, – конечно же, это была не она. Я извинился перед улыбающейся девушкой и с опущенной головой побрёл обратно. А однажды увидел девушку, как мне показалось, очень похожую на Сину, которая поднималась по университетской лестнице. Я тут же, с криком «Сина!», в три прыжка догнал её, но опять-таки – это была не она, хотя все черты лица и фигура были схожи. Некоторое время я стоял на лестнице отрешенно, и тут вдруг я понял, что с моей головой что-то не в порядке. «Как же так? – сам себе задал я вопрос. – Ты же знаешь, что Сина давно умерла, и вместе со своей мамой и сестрой ты был на похоронах... Почему же ты не хочешь этому верить? Хотя и говорят, что наша жизнь – сон. Но будь мужчиной, прогони этот сон и найди себя... Тогда, когда ты был в неё влюблён, ты был ещё маленьким, почти ребёнком».

Когда Сина пришла к нам, ей было около четырнадцати лет, и месяцу тоже было около четырнадцати, а мне лишь десять. Сейчас моему младшенькому сыну столько же, сколько было тогда Сине. И всё равно, как только полная луна выходит на небо, моя первая любовь, моя незабвенная Сина встает перед моими глазами, и тот день, когда она пришла, всплывает в моей памяти.

*Перевод с арабского Аднана Калмыкова,
перевод с адыгского Петра Хату*

Аскер ДОДУЕВ,
народный поэт КЧР,
главный редактор журнала «Минги-Тау»

МАНАС

«Манас» – героический эпос кыргызского народа, который известен далеко за пределами Кыргызстана. Главным его герой – батыр Манас. Эта эпопея – самая большая среди всех народов всей планеты и по праву входит в книгу рекордов Гиннеса. «Манас» в двадцать раз больше, чем знаменитая «Одиссея». В этом эпосе кыргызского народа повествуется о событиях тысячелетней давности. Он состоит из трёх книг: «Манас», «Семетей», «Сейтек». Семетей – сын Манаса, а Сейтек – его внук. «Манас» – это объединитель кыргызов и их земель, рассказывающий историю народа, передающий лучшие древние традиции от поколения к поколению. Сюжетная линия произведения нигде не разрывается и образы показаны в разноцветии весенних лугов. Эта трилогия – длинная и долгая дорога в Кыргызский каганат, к свободе и независимости, а также к праву быть нацией в наше непростое время.

С. А. Мусукаева

Помню 1994 год – Нальчик, стадион «Спартак», где проходили мероприятия, посвященные 50-летию депортации балкарского народа, когда чтец «Манаса» из Бишкека держал весь стадион в напряжении в течении получаса. С тех пор прошло около тридцати лет и до сих пор у меня в памяти слышится эхо тишины и внимания людей при чтении этого удивительного явления – народного героического эпоса кыргызского народа.

«Манас» впервые напечатан в 1885 году, объем его – более 500 тысяч строк. Он в два раза больше, чем «Махабхарата», «Манас» намного крупнее даже сказаний о царе Тибета Гэсере. Героический кыргызский эпос, можно сказать, является энциклопедией древнего Кыргызстана. В нем красной нитью от начала до конца проходят семь заповедей, семь заветов: во-первых – непоколебимость единства и сплоченность народа; во-вторых – договороспособность, дружба и согласие между народами, в-третьих – служение чести и любовь к отечеству, в-четвертых – стремление, через труд и знания, к расцвету и к лучшей жизни, в-пятых – призыв к гуманизму, прощению и терпению, в-шестых – слияние с природой, и в седьмых – призыв крепить государственность и обороноспособность Кыргызии.

Крылья именитых кыргызских писателей растут именно от «Манаса», здесь никаких сомнений быть не должно, это аксиома. Если спросите – почему, отвечаю: этот эпос духовное наследство народа, поэтому не только писатели Кыргызстана, но и простые люди черпают в нем вдохновение и душевный подъем.

Всемирно известный легендарный Чингиз Айтматов набирал свои силы в бесконечных раздольях дум и суждений «Манаса». Он в нем по-своему, по-айтматовски видел и понимал каждое предание и легенду, обогащал и развивал в своих глубоких и ёмких повестях и романах. Например, возьмём роман «И дольше века длится день». Даже тот, кто хотя бы чуть-чуть знаком с эпосом, поймёт, что этот роман исходит из междустрочия «Манаса».

Мишенью или целью каждой мудрой и крепкой мысли, рожденной в различные времена, различными мужами, является сегодняшний день, сегодняшняя жизнь. Ибо только сегодня возможно изменить наше завтра, как бы манкуртизм, о чём говорится в романе Айтматова, ни грыз изнутри нашу душу, как бы ни хватал за наше горло. «И дольше века длится день» – это наше сегодня, это наш последний звонок... От того, слышим ли мы этот сигнал, зависит «быть нам или не быть». В этом году балкарский государственный театр по мотивам романа Чингиза поставил спектакль. Автор пьесы Султан Раев, она опубликована в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Минги-Тау».

Этот вопрос, как никогда, стоит остро. Не зря сказал Кайсын Кулиев в своей поэме «Харун»: «Инша Аллах, не забудет память людская». Есть и русская поговорка, остерегающая от того, чтобы становиться «не помнящими родства». Во все времена шла неслыханная борьба за память, потому что память – основа всего вечного и человеческого, разумной и осмысленной жизни, мечта всякого врага – лишить рассудка, памяти, оторвать от лучших традиций, истории, языка народа, а главное от близких и родных людей. Это и есть самая короткая дорога в рабство и кабалу. Зеркало прошлого и летопись Кыргызстана, мост в его будущее, героический эпос «Манас» переведен и издан на русском, китайском, немецком, французском, японском языках, а также его электронный вариант на четырехстах страницах можно найти в интернете, на английском языке в переводах Акылай Бауматовой, которая довольно близко передала дух

произведения, его размер, мелодию и смысл. Точно такие слова могу сказать и о «Манасе» в переводе Сакинат Мусукаевой на карачаево-балкарский язык. Более того, Сакинат Азноровна ловко и удачно применила все достижения карачаево-балкарского стихосложения. Сохраняя форму, ритм «Манаса», она нигде не отклонилась ни от содержания, ни от сюжетной линии. При всем этом, краски образов мало где потеряли блеск. А это огромная удача переводчика.

Хочу подчеркнуть, что «Манас» издан на турецком языке в 2017 году усилиями двух государств (Кыргызстана и Турции), а Сакинат Мусукаева – своими усилиями, с незначительной помощью журнала «Минги-Тау». В начале следующего года ожидаем саму книгу, а отрывки «Манаса» вышли в вышеупомянутом журнале (2023, № 5) и благосклонно приняты читателями.

Приведу несколько строк из перевода, где взыскательный читатель без особых усилий увидит богатейшие рифмы, связь между строками и сам необычайный стиль стиха:

Э-эй!

Эски таурух, кыйыр деп жокъ, чекле,

Тёлюледен тёлюлеге кёче,

Алай келип турады эрттеден,

Къыргъыз халкъыды бу кюйню этген.

Бу атадан келеди жашына,

Керти да, ётюрюк да бар мында,

Ала чырмашдыла да бир бирге,

Ауузлада жюрюйдю ёмюрге.

В простонародье говорят, что это талант. Которого не отнять у известной балкарской поэтессы Сакинат Азноровны Мусукаевой.

Фольклор, устное народное творчество кыргызов по праву считается одним из богатейших, а «Манас» является вершиной этого. Как и карачаево-балкарский нартский эпос, он создан в стихотворной форме, поэтому легко передавался из поколения в поколение, имея различные варианты, где некоторые слова обретали другой оттенок, а иногда – иной смысл, но все это не умаляет ни значения, ни предназначения эпоса. Здесь, как и во всяком эпосе, история и

легенда идут в одной упряжке, ни в чем не уступая друг другу. Народное творчество тем и интересно, что в нем каждый человек находит свою правду и свое предание, свое вдохновение и свой порыв.

П о з д р а в л я ю
карачаево-балкарских
читателей с выходом
в свет на их языке

звездного эпоса «Манас», который очень богато, более чем доходчиво и высокодуховно перевела Сакинат Мусукаева.

Меня терзал один вопрос: откуда этот дух? Ладно, мастерство и опыт приходят вместе с годами, талант тоже можно приращивать невероятным каждодневным трудом... А дух? Дух связан лишь с родной землей, а живет он в человеке, в его душе и в биении сердца. А может быть, это связано и с «Манасом», с книгой, единственной, которую семья Мусукаевых привезла из депортации в 1957 году. Действительно, Сакинат Азноровна Мусукаева родилась в Кыргызстане – Фрунзенская область, Ивановский район, село Сырташ. Вот почему в карачаево-балкарском переводе «Манаса» сплошь и рядом витает дух и сила кыргызов.

***

Кто б ты ни был – ты мне друг сердечный,
Коли стал мои стихи читать.
Может, в этот час с мешком заплечным
Где-то рядом буду я шагать?

А быть может, нет меня в помине,
Только строки к сердцу добрались.
Ты в раздумье взглядом даль окинешь
И мечтами устремись ввысь.

Тихая печаль тебя коснётся,
В строчках ты почувствуешь, поймёшь,
Что и для меня лучилось солнце,
И плясал на крыше летний дождь.

Проливалась с неба синь рассвета,
И закат малиновый горел,
О благом шептались листья летом,
И о счастье хор небесный пел,

Слали звёзды дождь метеоритный,
Красил листопад земную даль...
И неспешно в стихотворном ритме
Перейдёт в тебя моя печаль.

Перейдут мои благие мысли,
Стаи серебристых облаков...
А быть может, над тобой повисли
Тучи, начинённые тоской,

Над твоей душою одинокой
И собой затмили краски дня?
И тебя волнуют ненароком,
Так же, как когда-то – и меня?

Улыбнётся жизнь тебе, как прежде,
Боль от хмурых помыслов пройдёт,
Только лишь гонец весны – подснежник,
К солнышку пробившись, подмигнёт

И напомним – обновление близко,
Снова встретим мы весну с тобой,
А её приход есть верный признак,
Что вернётся радость и любовь...

Так читай чужие откровенья,
В них найдёт твоя душа покой,
Люди ведь похожи в настроеньях,
Кто б ты ни был – мы друзья с тобой!

***

Примечает моя душа
Высоту, но не ту, что рядом,
Не холмы, что вокруг лежат,
А сокрытое беглым взглядам.

Не срываю я голос свой
Декламациями с трибуны,
Не стремлюсь овладеть толпой,
Чтобы вызвать в ней отклик шумный.

Мне отрадной слова плести
В золотую тесьму без спешки,
С Музой общий язык найти,
До глубин пронырнуть успешно.

Словом боль и тоску излить
И до сути во всём добраться,
Чтобы мог сам собою быть,
Над мирской суетой подняться.

***

Когда глубинам космоса внимаю,
Становится мне грустно в этот час,
Мне кажется – Вселенная живая
И в ней давно всё решено за нас.

Щемит в груди от горьких ощущений
Предначертанья собственной судьбы –
Моих свершений и моих падений,
Преодолений вечных и борьбы...

Мне не понять задуманное свыше,
Коль в самом деле всё предрешено...
То будто бы я голос сердца слышу,
То глухо в нём, пугающе темно...

Не потому ль слывёт молва людская,
Что для загадок наша жизнь дана?
Внимая небу, всё же понимаю,
Что жизнь неповторима ни одна...

***

В состоянии невесомости
Погружаюсь неспешно в сон,
Гаснут тихо мечты и новости –
Мозг от токов дня отключён.

Но и всё-таки притягателен
Утра завтрашнего мираж,
Что увижу я обязательно,
Как придуманный мной коллаж,

Нарисованный всеми красками
И моей голубой мечтой,
Всех реальных картин прекраснее,
Вдохновляющий, неземной...

И, как водится, не замечу я,
Или сделаю только вид,
Этот злобный, расчеловеченный
Мир, где алчность сейчас царит.

Мир корысти и разобщённости,
Мир, который любви лишён...
В состоянии невесомости
Погружаюсь неспешно в сон.

***

Хочется всё чаще мне покоя,
А его как не было, так нет...
Всё витаю в атмосферном слое
С юности далёкой много лет.

Может, это глупо и наивно,
Но крылатым твердь не по душе.
Мысли о грядущей перспективе
Острой болью мучают уже.

Солнце то и дело ослепляет.
В небе, словно льдины, облака
Всё теснее душу обступают,
Нет простора, стала даль узка...

Может, завершаются полёты?
Твердь земная тянет всё сильней
Отыскать оставленное что-то
С детских лет на родине моей.

Ту тропу, что в горы поднималась,
Те мосты, что за собой сжигал...
Может, там хоть ниточка осталась,
Чтоб себя к земле я привязал;

Чтобы сел хотя бы на минуту,
Отдышаться на скале крутой,
Чтобы мог немного отдохнуть я
И подумать о стезе земной,

Взвесить всё небесное, земное,
Отыскать гармонии рецепт...
Хочется всё чаще мне покоя,
А его как не было, так нет.

***

Вгрызаются в мысли и в души
Карьера, стяжательство, зависть,
Земную гармонию рушат...
Уз братства почти не осталось.

Бездарность дорвалась к трибунам,
Бог весть себя кем возомнила,
Бахвалится славой бездумно,
Решить всё пытается силой.

Не может ад сделаться раем,
Стать Вечностью сиюминутность.
Душа моя ложь отвергает –
Я чувствую правду подспудно.

Затменье мой мозг не разжижит.
Лишь Вечность достойна вниманья.
«Вернётся гармония жизни», –
Так мне говорит подсознание!

ОСЕННИЙ ЛЕС

Осенний лес печален в забытии.
Листва о чём-то жалуется небу,
Теряя краски пёстрые свои...
Ветшает на глазах наряд волшебный.

О, как он сердце радовал моё,
От суеты и горьких дум спасая...
Теперь же увядает с каждым днём
И с шорохом на землю опадает.

Висят росинки капли на ветвях
И солнечными бликами играют,
Но осенью в лесу не видно птах,
Что горло этой влагой промывают.

Давно не слышно трелей певчих птиц –
Перед ненастьем к югу улетели
Ватагами кочующих станиц.
Скучает лес. В нём сонно дремлют ели.

А мне желанна эта тишина.
Ковёр их пёстрых листьев вдохновляет,
И благостью душа упоена,
Каскады дум и образов являя.

***

Пробиваясь сквозь тьму, к свету солнца стремясь,
Рвёт оковы былинка любая,

Ощущая корнями вселенскую связь,
И росток над землёй поднимая.

Потихоньку всё выше и выше встаёт,
Мир вокруг для себя открывает,
И от жизни чего-то хорошего ждёт,
Хоть зачем он родился не знает.

А когда на груди своей нянчит росу,
То от счастья под солнцем искрится
И считает, что все ему рады в лесу –
Разнотравье, деревья и птицы...

Точно так же и я появился на свет –
Жизнь мне счастье и радость дарила...
Но борьба с вечным злом по прошествии лет
До смертельной тоски утомила...

***

Пусть ветер времени погасит свет души,
Сердечный пыл остудит осень злая,
Истлеют все мечты, которыми я жил,
Как снег весной, любовь моя растает.

За пульсом времени слежу я день за днём,
Уносятся года, как птичьи стаи...
Но мысль отрадная в сознании моём –
Что добрый след я на земле оставил.

***

Белый снег над землёю кружится –
Свежий, чистый, как детские души,
Мириадами блёсток искрится...
Время грязью искринки потушит.

Вот и мы на земле появились,
Словно снег, прегрешений не зная,
Только как бы богам ни молились,
Души жизнь всё равно запятнает.

*Юрий ТХАГАЗИТОВ,
доктор филологических наук
Зита КАСКУЛОВА,
заместитель директора по УВР
МОУ СОШ № 3 с. Исламей*

**ЭВОЛЮЦИЯ ТВОРЧЕСТВА АЛИМА КЕШОКОВА
В ЖАНРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БАЛЛАДЫ**

К 110-летию А. П. Кешокова

Многие исследователи поэтического творчества А. Кешокова отмечали приверженность автора к изображению факта, события, отдельного эпизода за которыми приоткрываются философские, этнонациональные закономерности бытия.

На сюжетность, как на жанрово-стилевой признак лирики А. Кешокова, обратил особое внимание кабардинский критик и литературовед З. М. Налоев: «Одним из излюбленных жанров послевоенной кешоковской поэзии стала новелла-миниатюра с начатками объективного сюжета, с персонажем, играющим подчиненную роль, и – уже в отличие от старой лирики – с подробными образными деталями, сквозь которые сильно проступает авторское субъективное мироощущение и мировосприятие, как, например, в «Новом доме», «Девушке-шофере», «Плакате» и других стихах. Поэт работал в этом жанре и в ранний период своего творчества, достиг больших успехов в годы Великой Отечественной войны. Однако сейчас мы имеем дело с большим видовым разнообразием данного жанра, чем прежде: строгая реалистическая зарисовка – этюд, юмористический рассказ, развернутая аллегорическая баллада».

Таким образом, З. М. Налоев первым сделал попытку дать жанровое определение сюжетным стихотворениям А. Кешокова, применив термин «аллегорическая баллада».

Баллада как художественное явление исторически восходит к французскому Средневековью и первоначально представляет собой «танцевальную песню» от провансальского «ballar» – плясать. Наибольшее распространение баллада получила в англо-шотландской поэзии в XIV-XVI вв., оформившись в лиро-эпический жанр со своими особыми художественными законами, определяющими сюжетность и внутренний психологизм произведения.

Западноевропейские и русские романтики, в том числе В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, проявили большой интерес к художественным возможностям баллады, позволяющим

увидеть за двоемирием, повседневным фактом универсальную основу.

По наблюдению многих исследователей литературы, всплеск жанра баллады приходится на драматические отрезки истории, требующие пересмотра или художественного уточнения важных основ бытия.

В. К. Чумаченко, специально исследовавший генезис жанра баллады, обозначает три направления, по которым шло его развитие. Помимо рассмотренной нами общеевропейской традиции, ученый отмечает в качестве другого источника «славянскую обрядовую поэзию, о чем свидетельствуют содержащиеся в ней перипетии синкретизма: нерасчлененность эпического, лирического и драматического начал». Третий творческий импульс, определивший жанровые особенности баллады, по мнению В. К. Чумаченко, «следует искать примерно в середине XIX столетия, когда поэзия нового времени впервые ощутила на себе последствия мощного взаимодействия с прозой, ставшего впоследствии периодическим».

Далее, перечисляя основные признаки современного балладного типа стиха, В. К. Чумаченко называет «повествовательный лирический сюжет, особую сжатость, концентрированность действия, стремительность, динамичность развертывания событий, сосредоточенность на отдельных, чаще всего, наиболее напряженных моментах сюжетного действия».

Поддерживая концепцию В. К. Чумаченко о том, что современный тип русского балладного стиха в своих генетических основаниях содержит не только западноевропейский первоисточник, но и русский фольклор, подчеркнем, что сходная ситуация наблюдается и в кабардинских балладных стихотворениях, также испытавших влияние родного фольклора. Во многих балладных стихах кабардинских авторов угадывается художественная форма коротких сюжетных рассказов «хыбар», «таурых», широко распространенных в фольклоре кабардинцев. «Хыбар» отличается поэтизацией какого-то одного, чаще экстраординарного случая, завершающегося авторским назиданием, которое может быть выражено прямолинейно или в подтексте повествования.

Особенно ярко специфика кабардинского балладного стиха, испытавшего на себе воздействие фольклорного источника, проявилась в поэтическом творчестве А. Кешокова, тяготеющего к фабульной организации лиро-эпического художественного текста. К такого рода «фабулярным стихотворениям» (определение Б. В. Томашевского) относятся стихи «Дикая яблоня», «Зария», «Легенда», «Доктор», «Мама», «Колокольчик», «Случай с гармонисткой» и др. Критерием классификации здесь служит не тематический принцип, а наличие сюжетной коллизии, драматизм действия, отсутствие предыстории и описания внешности героев. Своеобразными знаками балладного стиха могут служить слова «случай», «однажды», «как-то раз», выво-

дящие из бытия какое-то событие, заслуживающее авторского и читательского внимания.

Все эти черты отчетливо проступают в произведении А. Кешокова «Случай с гармонисткой».

Стихотворное произведение А. Кешокова наделено целым рядом характерных черт балладного произведения: острым сюжетом, «говорящими» деталями, использованием элементов диалогической речи, тонкой иронией, неожиданной развязкой конфликта. Стоит особо остановиться на специфике кешоковской иронии в стихотворениях балладного типа. В них нередко сталкиваются два мировоззрения: представителей старого уходящего мира и нового поколения миру. Пока «старость спит», молодежь успевает прожить целую жизнь, полную драматических неожиданностей.

Переплетенность сюжетной линии с элементами пейзажной лирики, художественный параллелизм подчеркивает в «Случае с гармонисткой» взаимосвязь внутреннего состояния главной героини с окружающим ландшафтом. Музыка национальной гармонии оживляет не только сердца юношей, но и спящие объекты природы. Так, пейзажная зарисовка «с крупных вершин спускается туман» характеризует пространство, в котором музыка еще не звучит. Когда же по горным окрестностям разливается мелодия, то «звезды зажигаются» и «вершины гор ведут хоровод». Однако надо заметить, что такого рода пейзажное обрамление все же занимает второстепенное место в динамике стиха, не заслоня основной сюжетной линии. Динамика действия в анализируемом стихотворении усилена композиционным приемом повтора: слово «гармонь» повторяется четыре раза, усиливая и озвучивая повествовательное направление.

Сходная композиционная структура с оппозиционным ядром «старость-молодость» встречается в стихотворении «Доктор». С заметным ироническим оттенком автор описывает отношение старых и молодых работников «к докторше в белом халате». Старые старались выглядеть молодцевато и доказывали, что, несмотря на седые виски, они совершенно здоровы.

*А хьыджэбзыр зэралъагъуу
Щалэ псори кьытехуац.
Хэт и нитЫр кьолыдык!ыр,
Хэт техьэгъуэ кьытехьац.
«Дохутыр»*

*Но зато оказались больны,
Хоть недавно здоровыми были,*

*Молодые в горах чабаны
И к врачу на прием поспешили*

«Доктор». Пер. В. Цыбина

Молодые же, наоборот, притворяются больными, чтобы получить дополнительное внимание от симпатичной докторши. Но им не везет: результат обследования показывает, что у них нет «ни ушиба», «ни прострела», «ни единой болезни». Для творческой манеры А. Кешокова характерно умелое вплетение в острозанимательный сюжет диалогов, благодаря которым читатель слышит живые голоса стариков, врача и молодого человека.

Другой примечательной чертой балладного типа стиха кабардинского поэта можно назвать принципиальную открытость концовки. Автор не навязывает читателю свои вариант финала, придерживаясь поэтики незавершенности художественного контекста. Нередким в его художественном мире является финал «дорожной» концовки, когда главный герой после разрешения художественного конфликта оказывается на дороге. Концепт дороги в данном случае символизирует перипетии человеческих судеб, превратность жизненных путей, а также целеустремленность героя, смело ринувшегося навстречу:

*Ар хъыджэбзым кыгуругуэ:
– Уз цыкырытыр икзукгэ пэжци...
Щалэр и шым мэшэсыжри
Кзуршым йольэдэж.
«Дохутыр»*

*Улыбается доктор тепло:
– Не грусти и не выгляди хмурым... –
Лихо прыгает парень в седло
И летит сумасшедшим аллюром.*

«Доктор». Пер Я. Козловского

Здесь, как мы видим, поэт прибегает к своему излюбленному образу скачущего всадника, закладывая в его психологическую основу идею о борьбе, за которой в обязательном порядке последуют удача и счастье.

Как было выше сказано, всплеск интереса к балладной форме стиха в литературной жизни наблюдается в поворотные этапы истории.

К классическому варианту подобного произведения можно отнести стихотворение А. Кешокова «На астрономической станции» (1962).

Космическая баллада А. Кешокова отличается многоперсонаж-

ностью, что, впрочем, является примечательной чертой почти всех балладных стихов поэта. Когда на животноводческой ферме разошлась весть о том, что в небе – «наш звездолет», почти весь рабочий коллектив отправился на астрономическую станцию, расположенную недалеко в горах. Представители разных профессий подходят к телескопу, смотрят на Луну, но каждый на ее поверхности видит то, что близко ему самому по жизни, по специальности.

Сюжет стихотворения основан на последовательности «звездных» комментариев, его героев. Вот к телескопу прильнул чабан, который в очертаниях Луны увидел своего собрата, чабана с волкодавом. Его видение поддержал «мастер по шашлыкам», посмотревший на небесное светило с точки зрения повара.

«Молодая, стройная доярка», вглядываясь в загадочные рисунки на Луне, первым делом разыскивает там женщин, чтобы самой тоже от мужа на «луну сбежать».

К примеру, А. Кешоков в балладном стихотворении «На астрономической станции» проявилась утонченная речевая характеристика героев: речи героев, индивидуализированных народным юмором, национальным колоритом.

Спор о том, какие же объекты на самом деле располагаются на Луне, так и остается неразрешенным. Автор в этот спор «не вмешивается», предоставляя каждому герою увидеть там то, что ему близко. В спор не вмешивается и молодой ученый-астроном, который сделал для себя главное заключение: «Не решен спор. Это нелегко. // Но в одном сомненья нет, поверьте, // До Луны теперь недалеко». Рельефность, четкая очерченность сюжетной линии, выразительный диалог, афористическая концовка – вот совокупность признаков, характеризующих кешоковское стихотворение балладного типа «На астрономической станции».

Тематическое сходство с данным произведением обнаруживает стихотворение «У меня в гостях», также построенное на принципе двоемирия. Судя по космической тематике, оно, как и предыдущее, навеяно полетом человека в космос. В основу стиха положена инверсированная фабула: не человек летит в космос, а, наоборот, космический пришелец спускается с небес и посещает рабочий кабинет поэта.

Так, в авторской интерпретации решается проблема сближения небесного и земного начал.

В поэтическом творчестве А. Кешокова обнаруживаются и произведения, написанные в полном соответствии с классическими канонами западноевропейской баллады, в частности, шотландской. К ним в первую очередь относятся «Баллада о златокудрой» и «Баллада о дереве», жанровое определение которых принадлежит самому автору. Считается, что авторские жанровые определения не всегда отвечают

должным нормативным требованиям, однако в данном случае А. Кешоков осуществляет стилизацию канонической европейской баллады.

К примеру, «Баллада о златокудрой», в которой все составляющие художественного текста, включая фабулу сюжетно-композиционной особенной системы рифмовки и идеи, напоминают балладный строй эпохи романтизма. Стихотворение состоит из девяти строф (3+3+3), композиционно подчеркивающих идею цельности действия. Каждая строфа рифмующихся по схеме *аабввб*, придающей стиху особый ритмический рисунок, воспроизводящий перепад в рефлексии балладного героя.

Движущей силой сюжетной линии в произведении является история любви между молодым кавказцем и златокудрой польской красавицей Леонтиной.

К отличительным чертам хронотопа следует отнести историческую ретроспективу, в соответствии с которой уже поэт, прибыв в Польшу, увидел «полячек юной красоты». Мать молодого человека строила радужные мечты относительно свадьбы сына, но неожиданно грянула война и «он ушел сражаться». Солдатские пути-дороги привели воина в маленький польский хуторок на реке Висла, где он повстречал прекрасную Леонтину:

*Была средь девушек одна
Золотокудра и стройна,
А я был офицером.
И Леонтина до зари
Мои считала газыри.
Ах, был я кавалером!*

Пер. Я. Козловского

Специфический стихотворный размер (трехстопный ямб, пиррихий), порядок рифмовки, междометие «ах» создают особый романтический контекст. Семантическую переплетенность культурных реалий восточного (кавказского) и европейского (польского) миров подчеркивает экзотичность атмосферы возвышенной любви между героями, как представляется, типологичной творчеству западноевропейских романтиков первой половины XIX века.

Художественный конфликт в «Балладе о златокудрой» проявляется в смысловой оппозиции «война и любовь». Эти два понятия концептуально противопоставляются на самых разных уровнях: лексическом, синтаксическом, семантическом и идейно-смысловом. Порой столкновение этих противопоставленных категорий приобретает неожиданные художественные формы, как, например, в третьей строфе стихотворения:

*Легли два мира на весы,
И я подкручивал усы,
Вдевая ногу в стремя.
И снова брали мы рубеж,
Где вряд ли свадебный кортеж
Проехал бы в то время.*

«Баллада о златокудрой». Пер. Я. Козловского

Парой рифмующихся слов «рубеж-кортеж» автор стягивает воедино линию войны и линию любви, окрашенных к тому же легким налетом «черного юмора», что убеждает нас в том, что А. Кешоков в тонкостях освоил поэтику западноевропейской баллады. Опираясь на художественный опыт романтиков, кабардинский поэт создал новую форму балладного стиха, содержащего в своей основе элементы классической баллады (строфика, рифмовка и т.д.) и компоненты традиционного кабардинского стихосложения.

В жанрово-стилевой палитре современных баллад В. К. Чумаченко выделяет подтип, который назван им «осколочным», в том смысле, что текст может представлять собой «фрагмент как жанр малой лирической формы». Такого рода «осколочных» стихов балладного типа можно в большом количестве обнаружить в поэтическом творчестве А. Кешокова, который по природе своего дарования всегда тяготел к ярко выраженному сюжетному повествованию.

С полным на то основанием к «осколочным» стихам балладного типа можно отнести кешоковское стихотворение «Заклинание неверной жены», написанное в 1973 г. Своей содержательно-тематической стороной данное стихотворение также тяготеет к классической европейской балладе (Р. Бернс). Стихотворение написано от имени неверной жены, которая своего престарелого богатого мужа отправила за долгами, а сама встречается с «милым дружкой». Решение художественного конфликта между любовью и долгом, предложенное здесь автором, находится в русле традиции западноевропейской эстетики романтизма:

*Будь, безлунная ночь, потемней.
Окажи, молодой мне, услугу:
Я свидание милому другу
Вновь назначила в спальне своей.*

Пер. Я. Козловского

Это стихотворение показывает, что А. Кешоков творчески преломлял в собственном творчестве романтическую поэтику, привнося в на-

циональную поэтику новые темы, неожиданные для нее изобразительно-выразительные средства.

Интересный художественный опыт представляет собой «Баллада о дереве», в которой традиционная жанрово-стилевая балладная поэтика умело сочетается автором с кабардинской национальной образной системой. По своему смысловому содержанию «Баллада о дереве» генетически восходит к фольклорным образцам. В этом плане особенно сильна идейно-стилевая перекличка кешоковской баллады со старинной кабардинской народной поэмой «Песня дерева». По аналогии с фольклорным образцом А. Кешоков создает тип аллегорической баллады, в которой дерево (мировое дерево) выступает как иносказательный, символический знак судьбы человека в религиозно-этической интерпретации.

Баллада представляет собой историю о чинаре, которой суждено было родиться над обрывом. Однажды со скального выступа кто-то столкнул «морщинистый камень». Тот повлек за собой тысячи других камней, которые обрушились со всей силой на «тело» чинары.

Текст баллады завершается нравоучительной концовкой:

*Жьыбгъэ кIуапIэм кьыщыкIами,
Къурушым жыгыр ягу пымыкI.
Хэт и лейри кьылъысами.
Зытет нэпкъми пхутемыкI*

«Бжеи жыгым и балладэ»

*Вещая о славном уделе,
Над бездной чинара стоит,
Виднеются шрамы на теле,
А корни уходят в гранит.*

Пер. Я. Козловского

Сочетание «шрамов на теле» и «корней, уходящих в гранит», олицетворяют полноту человеческого бытия, состоящего из боли и радостей, жизненных разочарований и новых поворотов в личной и исторической судьбе.

Специфической особенностью многих балладных стихотворений А. Кешокова является наличие в них такого структурного элемента, как зачин. Под ним подразумевается особая поэтическая формула, которая, казалось бы, не имеет прямого отношения к сюжету и представляет собой традиционное обращение к слушателю.

Такой балладный зачин мы встречаем в произведении А. Кешокова «Руки друга»:

*Сымыпсэлъэфу Iур гъуцIами.
Мыр сымъйуатэу сэ схуэхъынкъым.
Сэ куэд е мацIтэ къэзгъэцIами,
Мы си гурылгыр гум ихункъым.*

«Ныбжъэгъу»

*Как бы в горле ни пересыхало,
Как бы ни мешала боль словам.
Должен я во что бы то ни стало
Рассказать об этой боли вам.*

После зачина автор ведет рассказ о том, как он в День Победы встретил своего старого фронтового товарища, с которым «И разлук, и встреч рукопожатья // Были всюду крепки и сильны». Лирический герой устремился навстречу другу, чтобы крепко его обнять. Но прикоснувшись к нему, он испытал огромное потрясение, потому что вместо рук ему попались пустые рукава. Возникшая неловкость молчания прерывается монологом бойца:

*Сэлам уэсхыну сыплъыхъуэнут,
Iэ симыIэжми, щIалэ пакъэ,
Зауаем щIэкъур слъагъу мыхъуну.
ЗауэлI игу быдэ къысхуэнакъэл.*

*«Ничего, – сказал он мне спокойно, –
Нету больше рук, чтоб воевать,
Но осталось сердце, чтобы войны
Рук других не смели отрывать».*

Такого рода развязка, как правило, содержащая в своей основе дидактическое умозаключение, весьма характерна для балладных стихотворений А. Кешокова. Также следует сказать о том, что типологически такие концовки генетически восходят к общеадыгским фольклорным жанровым образованиям «хыбар», «таурых», в которых итоговым результатом повествования почти всегда выступает прямое назидание, обращенное к сознанию читателя. В кешоковской же художественной версии герой сам расставляет приоритеты, ставя на первое место сердце и подвиг во имя счастья других людей.

А. Кешоков является признанным мастером психологического ри-

сунка, создаваемого повторами, перифразами, сквозными метафорами. В тексте многократно варьируется заголовок «Руки друга», приобретая разные речевые формы: «шагаем рука об руку», «рукопожатье», «протянуть руку», «сжать общими руками», «верные руки», «задрожали руки», «пустые рукава», «нету рук, чтобы воевать», «отрывать руки». Девятикратное повторение одного слова в разных сочетаниях создает особую художественную парадигму, из которой в кульминационный момент высекается наиважнейший для автора идейно-художественный смысл.

При исследовании балладных стихотворений А. Кешокова бросается в глаза дата «1945 г.» – год, ставший плодотворным для создания произведений указанного жанра. Мы полагаем, данный факт связан с тем, что балладный жанр является наиболее подходящим для отображения высот народного духа и нравственных подвигов, которые приобретают особую отчетливость в годы военного лихолетья. Балкарский поэт К. Кулиев в своих воспоминаниях о А. Кешокове пишет: «Так получилось, что в трудные дни войны мы были вместе долгие месяцы, не раз над нами пролетали свистящие пули, нередко приходилось спать, укрывшись одной плащ-палаткой, есть из одного солдатского котелка, читать друг другу в завьюженных окопах торопливо написанные строки стихов. Мы в дыму войны шли вместе через заснеженные волжские и донские степи, были среди освободителей Донбасса, лежали в воронках Перекопа, переходили через Сиваш, сражались в Крыму. Тогда мы с Алимом делили кусок хлеба и щепотку солдатской махорки, делились своими думами и стихами. Это было большой наградой и утешением. Сквозь дым боев одинаково мерещились нам горы и отцовские дворники с желтеющим подсолнухом. Мы были молоды. Горячо мечтали о книгах, которые думали писать после войны. Как говорится, человек познается в беде, а я был рядом с Алимом в труднейшие дни. Я знаю его лучше многих. Одно стихотворение Алима, прочитанное им где-то в донских степях, запомнилось мне навсегда. О чем оно? Солдат тащил товарища, который говорил: "Оставь меня, сам можешь погибнуть! Оставь меня. Счастье между нами поровну никто не делил. Оставь меня!" Но солдат не оставил друга. Он полз под огнем противника, грыз землю, но товарища вынес».

Стихотворение, о котором упоминает К. Кулиев, носит название «Братья». Оно написано в балладной форме с использованием рельефной сюжетной линии, диалоговых вставок и характерной нравоучительной концовки. По сюжету раненого летчика из-под артиллерийского огня спасает и, подвергая себя риску, долгие часы несет на себе кавказский горец. Когда настало время проститься, раненый интересуется национальной принадлежностью своего спасителя, на что тот

отвечает: «Пусть у тебя своя семья, / А я возвращен другой семьею, / Но воспитала нас с тобою / Большая русская земля».

Такая концовка, в которой поэтизируется диалог «своей» и «чужой» культуры является достаточно характерной для балладных стихотворений многих других авторов советского периода. Идея интернациональной дружбы, воспеваемая всеми художниками советской эпохи, в годы войны приобретает особую значимость и неоднократно находит отображение в стихотворениях балладного типа. В предельных ситуациях, когда физическая жизнь человека решается на уровне «быть или не быть», как показывают авторы-балларики, человек проявляет величие духа.

«Поэтика остановленного времени» – так можно назвать художественную модель балладных стихотворений А. Кешокова военного периода. В каждом из них запечатлен победный миг человеческой души над собственной слабостью, малодушием, трусостью. Поэт словно задался целью показать, как из таких крохотных, миниатюрных побед в итоге складывалась общенародная победа. Национальный танец как апофеоз победного.

Интересным художественным опытом кабардинского поэта-балларика является стихотворение «Белая птица надежды», написанная автором на Кубе в 1974 г. Надо сказать, что поэт очень чутко реагировал на встречу с иноземной культурой, отзываясь на нее произведениями, стилизованными под новую для него художественную действительность. На самом деле, баллада А. Кешокова «Белая птица надежды» по замыслу, по тематике, по арсеналу художественных средств типологически очень близка балладным стихотворениям кубинских поэтов Н. Гильена, Л. Наварро, П. Родригеса. Романтическая приподнятость, интонационный строй сближают его также и со стихотворениями испанца Ф. Г. Лорки.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что балладный тип стиха занимает одно из первостепенных мест в жанровой системе поэзии А. Кешокова. В качестве его основных жанрово-стилевых признаков часто выступают выраженная сюжетность, диалогизм, психологический драматизм, назидательная концовка. Все балладные типы стихов А. Кешокова могут быть подразделены на три основные группы: аллегорические баллады, «осколочные баллады» (выражение В. К. Чумаченко) и канонические баллады, нарочито стилизованные под образец английской (шотландской) баллады. Вслед за А. Шогенцуковым сплавлены традиции устной народной поэзии кабардинцев, эстетические принципы западноевропейского романтизма и опыт русской поэтической культуры, художественный опыт этих традиций в своей дальнейшей эволюции становится основой восприятия национального духовно-культурного пространства А. Кешокова – лирика и прозаика.

*Исмаил ШАБАЕВ,
кандидат философских наук*

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ПОЭЗИИ К. КУЛИЕВА

В последние десятилетия особенно обострился интерес к проблеме человека. Нарастающая критика естественнонаучного подхода к изучению мира человеческого познания, его ограниченность привела к переориентированию философии с науки на культуру в целом. Поиск иного, отличного от классической философии языка философствования, привел, как известно, М. Хайдеггера к рассмотрению поэтического языка и живописи в качестве наиболее адекватных способов осмысления бытия. А французские экзистенциалисты не только признали искусство подлинным языком философствований, но и реализовали этот принцип в своем художественном творчестве. А. Камю считал, что искусство посредством совершенных художественных творений призвано внести предельную ясность в понимание человеком смысла своего существования. Наверное, К. Кулиев был знаком с некоторыми работами А. Камю, Ж. П. Сартра и др., ибо его поэзия во многом перекликается со многими работами экзистенциалистов по проблемам человеческого бытия. К слову, экзистенциалисты считают, что сущность экзистенциального начала личности обнаруживает себя не в опыте повседневной жизни, когда мы попадаем в плен обыденной окружающей среды, а в пограничных ситуациях – ситуациях болезни, катастрофы, смерти. Именно в пограничных ситуациях сознание обнаруживает себя как страдающее, чувствующее, смертное, озабоченное, и как свободное сознание, а не безличное существование.

Вся поэзия К. Кулиева посвящена вопросам человеческого бытия, но особенно остро они стоят в творчестве военных лет и в стихах, написанных во время его болезни. Эти тексты подтверждают правильность экзистенциалистского тезиса. В стихотворение «Весна на фронте» поэт писал:

*В траву влюбленный, мог все дни подряд
На ней лежать я раннею весной.
Но никогда траве я не был рад.
Как здесь, в полях, растерзанных войной.*

А вот четверостишие из стихотворения, написанного во время болезни:

*На боль судьба щедрее, чем на милость,
Порой судьба ко многим людям зла
Но если вдруг с тобой беда случилась,
То кажется: тебе на грудь свалилась
Вся боль, что есть на свете и была,
И напрягаешь ты остаток сил,
Недавние времена вспоминая,
Когда ты был здоров и счастлив был,
Того, что счастлив ты, не понимая.*

Есть общечеловеческие проблемы философии антропологии, но, кроме них, у каждого народа есть специфические особенности, обусловленные их средой обитания, то есть национальная философия антропологии, в которой зафиксированы уникальные этнические подходы, в одних случаях – в национальной философии, а в других – в психологии народа, в его обычаях и традициях. Эти особенности отражаются в его литературе, поэзии и в других жанрах искусства. Так, например, психология горца зафиксирована, практически, во всех произведениях К. Кулиева, иногда приобретая форму программных заявлений: «И если скажут мне: “Живи Кайсын без гор. Тебе построят золотой дворец”, – Я рассмеюсь в душе: “К чему мне царский двор? Что золото погонщику овец?”».

Составляя стержень национального самосознания, национальная философия открывает такие истины, вырабатывает такие ценности, которые невозможно понять и принять, не соучаствуя в жизни и в делах своих сограждан и соотечественников. Такие императивы и ценности не усваиваются и не передаются подобно иной информации. Простой «экспорт» философских, мировоззренческих идей из одной страны (культуры) в другую с иным менталитетом и иной психологией невозможен. Такие идеи не прививаются, не резонируют с духом народа-реципиента. В стихотворении «Какого ни прошел бы я учения» Кулиев писал:

*Хоть я научен городским манерам,
Хоть и ношу я тонкое сукно.
Любовь к траве, к земле и к скалам серым
Во мне неистребимы все равно.*

Психология человека и его менталитет формируются средой его обитания, и это происходит в течение многих веков, а потому человек является как бы центром вселенной, вокруг которого развиваются

общественно-нравственное пространство и время, это его духовная родина. Ее образ проявляется в мыслях и чувствах, переживаемых и выражаемых поэтом, сознающим их историческое происхождение, как бы доставшихся ему в наследство, которое он должен, преумножить, передать дальше.

*«...Давно все эти люди стали дымом,
И хоть с тех пор летел за годом год,
И ныне мука их неугасимым
Горит онем и нашу совесть жжет», – пишет поэт.*

Быть настоящим человеком не было легко никогда, и задачи поэзии и литературы – учить человека любить жизнь во всех ее проявлениях. Жизненный путь К. Кулиева служил ярчайшим примером того, как надо жить и преодолевать те жизненные коллизии, которые выпали на его долю и долю его народа.

*Я все испытал. Все испытать
Долг живущего на земле,
Которую то сжигает пожар,
То ласкает солнечный свет.
Я с вами бок о бок шел,
И падал, вставал и жалобных слов
Старался не говорить.*

Ч. Айтматов вспоминал: «Кайсын был человеком высоких нравственных принципов, правил, от которых не отступал никогда. Ему органически был чужд конформизм. Для него не было и не могло найтись причины, побудившей бы его к компромиссу. К сделке с совестью».

Таким должен быть каждый человек на своем месте, если он относит себя к классу людей, ибо человек – творец собственного отношения к миру и к себе. В этом его необходимый долг.

«Милые и неподкупные кудесники, – писал поэт, обращаясь к своим предшественникам, – вы высоко несли знамя души своего народа, ни разу не уронив его, и оно поныне развевается над нами». В этих строчках Кайсын выразил свое понимание предназначения человека на этой земле.

В XX столетии и особенно в период глобализации, значение поэта, по мнению Кайсына, расширилось до общечеловеческих горизонтов, ибо ответ приходится держать за судьбу всего человечества. Как писал Ч. Айтматов: «Кайсын Кулиев не сомневался, что мы живем в такое время, когда вся мировая культура, вся история, которую он полагал как необратимое поступательное движение к гуманизму,

должны восстать против бесчеловечности, в какой бы форме та ни заявляла о себе».

«Я убежден, – писал Кайсын, – что поэт в трудные для родной земли дни обязан находиться на переднем крае. Трусость и малодушие так же неприемлемы для поэта, как отсутствие воображения или чувства стихии родного языка». Следует отметить, что эти слова относятся не только к поэту, но к любому гражданину, эта позиция поэта является определяющей для понимания сути и предназначения человеческого бытия.

Красной нитью через все творчество Кулиева проходит мысль о том, что среда обитания формирует, делает человека тем, кем он является, то есть формирует его менталитет, психологию, физический облик и т.д. И эта среда обитания называется Родиной. Без нее человек бездомен, он вечный неприкаянный скиталец и не более. Для личности нет приюта в чужом мире и на чужой земле. Нужно быть уверенным, что тебе есть куда вернуться, что есть дом и есть люди, живые или мертвые, которые ждут тебя. Поэт писал:

*Как на Итаку корабль Одиссея,
Время к Чегему вернуло меня.
Но не нашел и доселе нигде я
Чище воды и добрее огня.*

Первой предпосылкой становления устойчивого культурного пространства является человек. Овладевая существующими в обществе нормами, обычаями, приемами и способами деятельности, человек осваивает культуру. Степень его приобщения к культуре определяет меру его общественного развития. Особое место в мире культуры занимает мораль, ибо она регулирует жизни людей в обществе. Благодаря наличию морали, традиции, обычаям существует и развивается общество. К. Кулиев чётко осознавал это:

*Обличья стран менялись и законы,
В огне сгорали крепости дотла,
Шатались троны, падали короны,
А совесть в людях, все-таки, жила.*

Перемены, происшедшие в последние годы, изменения в обществе формируют совершенно новый тип человека. И этот новый человек и будет творцом новой культуры. Вглядываемся и приходим в смятение. Первое впечатление – необычайная резкость происшедших трансформаций. Кажется, что перед нами совершенно новое человеческое сообщество. Видишь, что люди стали совершенно другими за очень короткое время. Мы привыкли к людям душевным,

отзывчивым, дружелюбным, и не находим таковых в новом социуме, и вместе с тем целый ряд новых качеств, черт, наличие которых мы осуждали и отвергали, стали как бы нормой жизни в новых условиях. Эти условия сделали людей жадными, безжалостными, стремящими только к обладанию богатством и роскоши. Ф. М. Достоевский считал, что человек, непрерывно потребляющий материальные блага и удовлетворяющий исключительно собственные потребности, физически обращается либо в животное, либо в машину. Л. Н. Толстой предсказывал, что люди в будущем обществе будут «наслаждающимися комками нервов».

Как уже говорилось выше, образовался новый тип человека, чья нравственность определяется лишь критериями практической полезности, для которого высший признак статуса личности – материальный успех. В той глубокой трансформации, которой подверглась социальная жизнь, становится все заметней эта новая утилитарная мораль. Все добродетели, имеющие прямое отношение к материальному благополучию общества, преувеличиваются в своей значимости до абсурда. В то же время, другие положительные черты, обладающие чисто эстетической ценностью, как, скажем, любовь между родителями и детьми, близкими родственниками, или же сексуальная верность, утрачивают свою важность, ибо они не приносят ощутимого материального блага. На смену эпохе, считавшей наличие крепких семейных уз решающим для всеобщего благополучия, приходит век совершенно новых ценностей и параметров. Ныне традиционные отношения брата к брату, сына к отцу, не являются социально значимыми. Зачастую они лишь ведут себя в пределах общей благопристойности, предписанной обществом для его членов. В результате отец все больше и больше утрачивает свой авторитет, а сын постепенно теряет уважение к отцу, то же самое происходит между другими родственниками. Их взаимный пиетет постепенно сходит на нет, и размывается само понятие семейного родства и связанных с этим обязанностей и привилегий. Параллельно с этим происходит и деградация сексуальной морали. Супружеская верность и то, что называется порядочностью, становятся понятиями прошлого, потому что они были мотивированы, главным образом, этическими соображениями, не имеющими непосредственного влияния на материальное благополучие общества. Поэтому целомудренность в сексуальных отношениях, столь ценимая в прошлом, вытесняется «новой» нормой, провозглашающей неограниченную свободу человеческого тела и его желаний. В будущем, наверное, единственными ограничителями в сексуальном поведении будет лишь то, что связано с соображениями демографии. Под мощным прессингом всей совокупности новых факторов у людей атрофируются привязанность к земле предков, любовь к Родине, чувство патриотизма.

К. Кулиев, обращаясь к потомкам, и предвидя, что в будущем люди в поисках лучшей доли будут уезжать в иные страны, пишет:

*И так же, как мы, на чужбину уехав,
Стремиться вы будете к отчему дому.*

Тот, кто интеллектуальным и этическим нормам предпочитает материальную сферу с ее иллюзиями чувств и ложными амбициями, пифагорейцами считался мертвым для сферы реальности.

В наше время человек, осознающий бесконечные возможности самоусовершенствования, одновременно вводится в заблуждение ложными жизненными стандартами, витальными ценностями, как результат – он отворачивается от данной ему способности к пониманию окружающего и, не осознавая последствий подобной духовной перестройки, кидается в погоню за иллюзорными предпочтениями материального плана. Свои самые продуктивные годы человек посвящает тщетным усилиям утвердить себя в мире мимолётных, эфемерных и преходящих ориентиров, забывая, что «ни один человек не был доволен тем, что у него есть, покидая этот мир», как утверждал мудрый кабардинец – Ботоко Алчагиров.

В современном мире, соображения материальной пользы доминируют всё более и более, довлея над всеми проявлениями человеческой деятельности, в сфере этики и морали. Обнадёживает лишь одно: подобные катаклизмы в жизни человеческого общества случались не один раз, духовные катастрофы, вероятней всего, цикличны и имеют тенденцию в возврату, но на всех переломных этапах, в зонах, так сказать, ментальной бифуркации, находились личности, подобные Кайсыну Кулиеву, индивидуумы, основу существования которых составляло стремление к воссозданию представлений об окружающем, основанных на канонах, далёких от понятий и категорий меркантильности, базовым стимулом деятельности которых было сотворение прекрасного. В этом смысле роль и место Кайсына Кулиева в общем эволюционном движении этнического, регионального и всего мирового сообщества обусловлено не только тем, что он также творил красоту своей поэзией, пробуждая в людях добрые чувства и любовь к Родине, к человеку и природе. Главное – он явился одним из тех редких деятелей, чья жизнь и труд могут считаться прецедентными фактами, доказывающими возможность духовного бытия в самых суровых и агрессивных условиях. Эстетическое совершенство его текстов в этом плане – ещё одно доказательство истинности резюмирующих высказываний великих мыслителей человечества, в наиболее прозрачном виде выраженных в знаменитом «красота спасёт мир» Ф. М. Достоевского.

Тамара БИТТИРОВА,
доктор филологических наук

ЭТНОГРАФ И ПИСАТЕЛЬ

Б. М.-Г. Харсиев

Борис Магомет-Гиреевич Харсиев (литературный псевдоним Борис Барс) – ученый и писатель, заведующий отделом этнологии ИнГНИИ гуманитарных наук им. Чаха Ахриева родился 21 апреля 1953 года пятым ребенком из шести в семье Магомет-Гирея Харсиева и Калимат Бековой в Казахстане, в городе Караганда, в период депортации ингушского народа. Похоронив главу семейства, мать с детьми вернулась в город Орджоникидзе, откуда были выселены родственники Бориса Харсиева, но через год они были вынуждены перебраться в г. Малгобек. После школы Борис окончил кооперативный техникум. Позже учился на историческом факультете Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л. Н. Толстого. Аспирантуру Борис Харсиев проходил под научным руководством известного ученого Ю. А. Жданова в Ростове-на-Дону, в Северо-Кавказском научном центре высшей школы. В 2003 году защитил кандидатскую диссертацию по философии на тему «Ингушские адаты как феномен правовой культуры». Борис Харсиев – многогранная личность, он внес большой вклад в развитие науки, культуры, литературы ингушского народа, был в числе инициаторов воссоздания Республики Ингушетия.

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия он стал активным участником национального движения по восстановлению Ингушской государственности, был членом Чечено-Ингушского Народного фронта, делегатом исторического Второго съезда ингушского народа. На Третьем съезде ингушского народа был избран членом Народного Совета Ингушетии. Через много лет Борис Харсиев напишет о той драматической эпохе, в которую вошли долгожданная, но половинчатая реабилитация народа, становление государственности, трагедия осени 1992 года и самое главное – стойкость лучших сыновей народа:

*Не кляню потраченное время!
Слабость сердца жалость лишь хранит.
Выбрал путь, не ведая сомненья –
В вечный бой, и кровь моя кипит.*

*Если силы против зла потратил,
А взамен лишь раны получил –
Знаю, в жизни не свернул, не струсил,
Совести своей не изменил.*

В 1997 году благодаря Борису Харсиеву в Малгобеке открылось представительство Московского Современного гуманитарного университета, позже переименованного в Современную гуманитарную академию. Филиал СГА просуществовал в Малгобеке до 2016 года, и все это время Борис Магомед-Гиреевич работал в нем сначала в должности заместителя директора, а потом и директора.

Борисом Харсиевым опубликовано свыше 150 статей и сообщений в различных научных изданиях. Среди его наиболее заметных работ – монографии «Этнокультурные процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX века» (Ростов-на-Дону, 2002) «Адаты ингушей как феномен правовой культуры» (Назрань, 2010, Москва, 2017), «Имущественные отношения народов Северного Кавказа. Конец XIX – начало XX вв.» (Магас, 2010), «Кавказский излом» (Назрань, 2011), «Семья и семейный быт ингушей» (Майкоп, 2015), «Этногенез ингушей и циркумкавказская провинция» (Майкоп, 2015). «Об Ингушетии и ингушах. Сборник документов и материалов об Ингушетии и ингушах (XIX – начало XXI вв.)» (Ростов-на-Дону, 2020).

Книга «Об Ингушетии и ингушах. «Сборник документов и материалов об Ингушетии и ингушах (XIX – начало XXI вв.)» – большой труд, имеющий огромную научную ценность и актуальность, вводит в научный оборот корпус документов XIX – начала XXI вв. по истории ингушей. Документы сборника отражают важные переломные вехи истории ингушского народа, этапы становления его государственности, взаимодействия с народами Кавказа. В них нашли отражение разнообразные сведения по политической, социальной и этнокультурной истории ингушей и других народов северокавказского региона. Высокую оценку данной работе дали ведущие ученые страны.

Б. Харсиев – участник множества российских научных конференций, он также он выступал на зарубежных научных форумах Грузии, Казахстана, Азербайджана и Турции.

В 2012 году большие достижения Б. М.-Г. Харсиева в области науки получили высокую государственную оценку – он был удостоен звания «Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия».

Б. Харсиев является членом Союза писателей Республики Ингушетия.

Литературная деятельность Б. М.-Г. Харсиева также многогранна. Он опубликовал несколько сборников стихов и прозы, вызвавших живой отклик у читателей и критиков. Свой путь в литературу Б. Харсиев начинал со студенческой скамьи. Первая публикация – стихотворение

«Радость жизни спряталась во сне» (журнал «Ингушетия» – 2009 г.), после нее автор активно публикуется. Его стихи и рассказы появлялись в различных газетах и журналах, в данное время наряду с печатными изданиями публикуются на литературных веб-сайтах.

В 2011 году вышла в свет первая книга «Кавказ седой – судьбы награда» – сборник стихов, поэм, повестей и рассказов, и с этой книги имя Бориса Харсиева как писателя становится широко известным. Следом издаются книги «Осенние мотивы» (2012), «Мадина» (2014), «Страна отцов» (2015).

Название книги «Кавказ седой – судьбы награда» предполагало увлекательное путешествие в седую старину Кавказа, и, в самом деле, это по сути не метафора, а отражение глубоких раздумий автора, его искренних чувств, его боли и надежды... И самое главное – взгляд в славное прошлое ингушей, оценка трагических событий осени 1992 года, где Б. Харсиев находился в самом их эпицентре, как житель Пригородного района, и стержневое в этой первой книге – светлые и тревожные думы автора о будущем Родины.

Книга состоит из двух поэм, нескольких повестей, рассказов и пейзажной лирики. И каждая ее часть подчинена общей идее автора – сохранению своего небольшого этноса в условиях ожесточенного за последние десятилетия мира. Необъявленная мировая война, под снисходительным определением «вызовы», идет по всем континентам: будь она техногенная, этническая, финансовая, унося неисчислимые жертвы. Но главная жертва, по мнению автора, – потеря доброты, сострадания, понимания между людьми, выработанных человечеством на протяжении тысячелетий. Жизненное кредо автора воплощается через призму развития ингушского общества, начиная с античности до сегодняшних дней. Герой его первого прозаического произведения Зовр из «Созвездия Стрельца» выверяет свою судьбу и готовность на подвиг во имя народа, с судьбой Пхарамата, соотносимого с греческим Прометеем. Для него, как и для всех положительных героев автора, ориентиром в жизни становятся слова Пхарамата, переданные через много поколений: «Знай хорошо, я бы не променял своих скорбей на рабское служение. Лучше быть прикованным к скале, чем потерять свободу». Герои идут на подвиги, на защиту своей родины, не только ориентируясь на прошлое, их воспитывают отцы и деды, духовные лидеры, как своим поведением, так и мудрыми наставлениями: «Для победы, – повторял Тор, – необходимо использовать все возможности, вплоть до оружия и тактики самого противника, но главное оружие воина – это его мужество, поддерживаемое умением, мастерством, стойкостью».

Каждое движение сюжета и каждый герой раскрывают свою идеологическую сущность, проецируясь на ингушский традиционный опыт выживания в суровых исторических коллизиях. Автор – знаток

древнего сакрального мира ингушей – ненавязчиво знакомит читателя с системой взаимоотношений в родном обществе и его ценностями, которые могли бы служить эталоном для современного социума. «Своими произведениями Харсиев показывает читателю формирование героической личности ингуша, вскрывает причины, приведшие народ к победе», – пишет А. Евлоева.

Повесть носит и познавательный характер. И здесь удачно сочетаются писатель и ученый, когда фундаментальные знания об образе жизни народа и его истории сопровождают каждый шаг героя, любое движение его души. Читатель встречается не только с эпическими героями, но и топонимическими легендами, с институтом вайнахского рыцарства и т.д. В этой небольшой повести Б. Харсиев знакомит читателя с удивительным ингушским Олимпом, где боги всех природных стихий, социальных положений соотносятся с греческими не только номинациями, но и функциями. Данный культурологический феномен требует более тщательного исследования учеными разных научных направлений. Но он очевиден и пока еще не нашел убедительного объяснения в науке.

«Плененных монголов ожидала участь рабов, которых продадут или отдадут за выкуп своим же соотечественникам с равнины, а вырученные деньги раздадут семьям погибших воинов», – пишет автор в конце повествования, и такое положение звучит как акт справедливости, когда зло наказывается, а семьи павших героев получают возможность выжить без кормильца.

«Вторая ошибка капитана Татре» – повесть, следующая за «Созвездием Стрельца», окунает нас в современность и ее проблемы. Молодой ингуш Татре, как и многие, живет «в ожидании перемен к лучшему», как подчеркивает автор. Тотальная безработица, последовавшая за развалом СССР, кардинально изменила жизнь Северного Кавказа. Люди начали искать разные формы поддержания благосостояния семьи, выживания в условиях кризиса, возродилось отходничество. Молодой и сильный Татре готов на любую трудную работу, но приходит к пониманию, что без поддержки влиятельного родственника Аслана ему ни карьеру не сделать, ни заработка достойного не найти. Он начинает жить, полностью подчиняясь рекомендациям двоюродного дяди, и, наконец, достигает определенных социальных приоритетов. Но стоило один раз самостоятельно, без его совета создать семью, причем по одобрению и настоянию родителей, все рушится в одно мгновение, и Татре вынужден оставить Москву, где он начал успешно двигаться по социальной лестнице, и вернуться на родину: «Помыкавшись еще некоторое время в поисках случайной удачи, которая, как прежде, не хотела ему улыбаться, Татре купил билеты на поезд и выехал на Кавказ. Он был раздавлен и взбешен, но не хватало сил к внешнему проявлению бурлившего в душе негодования, злость мутным пеплом оседала на сердце».

После долгих, безуспешных попыток найти работу по своей профессии, они с отцом вновь вынуждены обратиться к влиятельному родственнику, и Аслан опять идет им навстречу. На новой работе Татре проявляет себя честным, но жестким сотрудником фискальных органов. И на просьбы войти в положение, ориентируясь на национальные традиции уважительного отношения к соплеменникам, он заявляет: «Я соблюдаю другие обычаи, а ваши меня не кормят!» Но жизнь заставляет его задуматься над настоящими приоритетами, и он приходит к выводу, что нельзя пренебрегать выработанным веками образом жизни, когда во главу угла ставилось чувство родства и понимание боли другого человека.

В судьбе героя повести «Вторая ошибка капитана Татре» сконцентрировались все проблемы современного общества. В повести каждая деталь (как, к примеру, замена имени Аслан на Алексей Мусаевич – уловка, чтобы удержаться на ответственных должностях) не имеет случайного характера, составляя портрет времени.

Те же нравственные проблемы поставлены и в других произведениях сборника, но на другом пространстве – Тимур из повести «Под солнцем», перенесший множество страданий на родине и не нашедший его в Америке, в Америке же оказываются в поисках счастья Джабраил (Джон – опять-таки примета времени) и его двоюродный брат Аслан из рассказа «Священный долг».

С большой авторской симпатией выписан образ Тимура, молодого ингуша, который бежал из своего дома в Пригородном районе. Похоронив отца, он уезжает с женой и сыновьями в Грозный, где попадает под обстрелы и опять вынужден бежать, отправив семью, становится заложником у федералов. Его, раненого, спасает девушка Джейн из миротворческой бригады. В конце концов они с женой оказываются в желанной Америке. Но здесь новый удар судьбы – жену не устраивает то, что Тимур не может и не хочет интегрироваться в американское общество, настаивает на разводе и забирает детей. Этот, из череды ударов судьбы, заставляет впервые его заплакать. Но повесть, несмотря ни на что оптимистична, ибо родная земля, верит Тимур, возродит душу.

Небольшой рассказ «Встреча» занимает очень важное место в творчестве писателя, так как в нем поставлены вопросы, ждущие решения многие десятилетия – обустройство жизни Ингушетии, которая стала фактически территорией беженцев, потоки которых хлынули в молодую республику из Пригородного района и Чечни в период военных действий. Отсутствие инфраструктуры, способной наладить жизнь беженцев, сотни тысяч безработных из-за разрушенного перестройкой хозяйственного уклада, размытость административных границ республики и другие проблемы делают жизнь ингушского народа нестабильной и неудобной для проживания. Но, как неоднократно пишет Б. Харсиев, люди живут в ожидании

перемен к лучшему и не теряют надежды, поскольку искренне верят, что Всевышний их не оставит.

Герои названных повестей – сильные мужчины, поставленные в невероятно тяжелые обстоятельства, хотят оставаться в ойкумене национальной стихии, но жизнь, насылая испытания, пробует их на прочность и не каждый может справиться с ними. «Приспособиться к зу – значит, стать его частью» – жизненное кредо Тимура, но не каждый из героев Б. Харсиева так считает. В этом художественном решении – показе слабых сторон сильных мужчин – и заключается настоящий реализм и мастерство писателя.

Ключом к раскрытию характеров героев произведений Б. Харсиева, возможно, является внутренний монолог Тимура: «Улицы Москвы, как всегда, были многолюдны. Из окна автомобиля он смотрел на оживленные улицы. Ему всегда хотелось смешаться с беспечной, беззаботной толпой, с толпой, которая по каким-то неведомым причинам не позволяла ему смешаться с ней, не принимала его. Какое-то противоречивое чувство преследовало его. Он не знал, хватит ли ему сил для поддержания своей измученной души. Но издалека, словно из глубины сознания, приходило чувство готовности принять истинный смысл бытия. Чувство возможного постижения того глубокого смысла, ради которого оправдана жизнь человечества на земле».

Герой Б. Харсиева из другой, «казахстанской», повести «Три пуда» – Идрис смыслом бытия считает дорогу к Творцу, только придя к такому мнению, он находит в себе силы выжить в невероятных условия. В этом небольшом произведении нашло место одно печальное обстоятельство из жизни подвергшихся депортации балкарцев, ингушей, карачаевцев и чеченцев, которое привело к потери значительной части культурного наследия высланных народов. Как известно, у кавказских народов особое отношение было к оружию мужчин и украшениям женщин. Их покупали очень дорого, передавали по наследству, и они составляли предмет особой гордости и в то же время придавали чувство стабильности и устойчивости при достаточно нестабильной жизни горцев. Горцы старались приумножить свой семейный «банк», в редких случаях эти предметы дарились, но они были неприкосновенным запасом во все времена. Только чрезвычайные обстоятельства заставляли с чем-то из них расстаться.

Однако в условиях депортации большинству переселенцев пришлось распрощаться с фамильными реликвиями: их обменивали на еду, чтобы сохранить жизнь, сотни тысяч изделий, сохраненных веками и представляющих большую культурную ценность, были потеряны навсегда наказанными Сталиным народами. Идрис с матерью, оставшись без крошки хлеба, решили пойти на крайнюю меру – обменять все семейные реликвии на три пуда пшеницы, найдя для этого посредника из

числа высланных поляков. Это было фантастическое везение, несмотря на то что обменом такой акт никак нельзя было назвать. Услужливый старлей, восседавший в кабинете, где была собрана мебель из разных дорогих комплектов (опять деталь-характеристика), предлагает Идрису обменять на хлеб и медаль «За отвагу», полученную героем во время финской войны. Герой непонятной Идрису войны был вне себя от такого предложения. Операция едва не сорвалась, но Идрис, взяв волю в свои руки и помня о голодной матери, сдержал себя. И потом был долгий путь истощенного Идриса домой – 17 километров пути. . . Но он спас и себя, и маму от голодной смерти, с колоссальным трудом пройдя эти километры.

Тема депортации занимает особое место и в поэзии Бориса Харсиева. Он посвятил земле, приютившей ингушей в годы изгнания, Казахстану, много признательных строк, ибо:

*...Память в нас о тебе навсегда,
Не забудем твои мы просторы.
Зарубцованных ран пустота,
Иль КарЛага статей приговоры.*

*Нам домбры двухструнной печаль
Ближе к сердцу, чем хрип саксофона.
Конский хrap, убегающий вдаль,
Вальс трофейного граммофона.*

*Мы с тобой навсегда, Казахстан,
Край земли, где разбросаны кости,
Страшных лет выселенья, обман,
Веру во власть зарывали в курган,
На песчаном твоём, на погосте.*

Ахмет Газдиев, рецензируя книгу «Страна отцов», выявляет главные особенности творчества Бориса Харсиева: «Воссоздавая художественными образами жизнь и историю ингушей (а это главное содержание представленных в книге повестей и рассказов), Борис Харсиев символизирует человека, безмерно влюбленного в отчий край. Главным смыслом бытия, тем, ради чего стоит жить, для писателя становятся два неразрывно связанных между собой понятия – родина и свобода. Поэтому совсем не случайно он вводит в произведение новеллу о Пхармате (Прометее), который говорит: «Лучше быть прикованным к скале, чем потерять свободу».

Быть внутренне свободным, уважать прошлое своего народа, беречь опыт многих поколений наших предшественников на этой благословенной земле, хранить истоки национального духа, честно жить

и трудиться во благо своего народа, любить питающую нас силами землю – к этому призывает Борис Харсиев своих современников, таков рефрен его литературного творчества» [Газдиев Ахмет].

Каждая повесть, каждый рассказ Б. Харсиева, разные по тематике, с непохожими судьбами героев запоминается надолго, оставляя после прочтения чувство причастности к обстоятельствам, в них раскрытым. Он пишет о трагической судьбе своего народа и вместе с тем о том, что она преодолима, благодаря героям, стремящимся к истине, к справедливости, к познанию Творца. Он пишет о настоящих мужчинах, способных преодолеть трудности жестокого века и сумевших отстоять право своего народа на жизнь, право творить добро, иметь продолжение в завтрашнем дне.

***

Поэзию Бориса Харсиева отличает великолепное знание языка, на котором он творит. Автор широко использует весь арсенал изобразительно-выразительных средств русского языка. Неожиданные сравнения, яркие метафоры, метонимии, литоты, присущие его пейзажной лирике, ирония и перифраз – гражданской, свидетельствуют о мастерстве и большом таланте автора. При этом чувствуется, что он привносит в стихию русского языка образную систему родного.

У Харсиева-поэта две основные темы – красота родной земли и прекрасный облик любимой женщины и, без преувеличения надо сказать, что его стихи – образцы высокой поэзии.

Стихи, составившие сборник «Мадина», большей частью написаны в формате «альбомной поэзии». В таком же стиле создано большинство стихотворений, которыми автор делится на своей странице сайта «Стихи. Ру» [<https://stihi.ru/avtor/bars421>]. При всей спорности этого жанра в проекции высокой поэзии, автор сумел вложить в них душу и показать, насколько прекрасен объект его посвящения, раскрыть не только собственные чувства, но и то, что роднит его с читателями:

*Закончился жестокий наш роман,
Но не пройдут душевной боли муки.
И ты уйдешь, как утренний туман,
Оставив след от боли и разлуки.*

*К чему тебе моих страданий бред?
Ты молода, полна любви и страсти.
А мне б уже понять, что на закате лет,
Пора бы перестать обманываться счастьем.*

*Что ж, не судьба, к чему её корить
Ведь слишком поздно или рано,*

*Тебя обязан я благословить,
Разбитым сердцем, без обмана.*

И даже в этом давно устоявшемся жанре поэт находит новые грани, новые лики современности:

*Ты сегодня не вышла в Инет,
Красной точкой твой mail догорает.
Не пришла, не явилась на свет,
Что с тобою меня соединяет.*

*Может, бродишь ты где-то одна
Мне навстречу идти не желая.
И серебряным светом луна
Обнимает, пощады не зная.*

*Что ж мы сами не можем найти,
То, что ищем в судьбе одиноко.
В электронную дверь не войти
Хоть и бейся в неё ты жестоко.*

*Я не знаю тепла твоих рук,
Глаз твоих не понять мне желанье.
Паутины Инетовский круг,
Чувств далеких, одно ожиданье.*

В творчестве Б. Харсиева заметное место занимает тема личной веры. Как человек глубоко верующий, он много размышляет о ней и делится с читателем своими мыслями. Анализируя стихи автора, посвященные данной теме, А. Хадзиева пишет: «Размышления на тему веры для автора – это путь к самопознанию. Он далёк от стремления наставлять, но стремится посредством философских размышлений приблизиться к постижению духовных истин». Она находит параллели произведениям Б. Харсиева в творчестве А. Пушкина, которые видят в Коране основу вечных нравственных ценностей: «Интерпретация времени как бесконечного в жизни Вселенной и конечного в жизни человека сродни пушкинским размышлениям о связи человека и природы, о смирении человека перед неумолимым бегом времени».

Пейзажная лирика Б. Харсиева – это красота родной земли, восхищение ее горами и реками, рукотворными великолепными башнями. В то же время в пейзажной лирике автора мы чувствуем оттенки его настроения, следы раздумий о вечности бытия и быстротечности времени. Так, стихотворение «Усталая осень», несмотря на внешние

признаки увядания природы, увядания чувств заряжено оптимизмом, ибо осознание, что следом за осенней непогодой, усталостью душевных порывов обязательно придет возрождающее чувство весеннего настроения:

*Осенние хмурые дали...
Давно заколочена дверь,
Того, что уже потеряли.
Того, что теряем теперь.*

*Какая-то серая жалость
Слетает с последней листвой.
Свой след оставляет усталость,
Морщинистый след, роковой.*

*Но чувство весеннего вальса –
Все будет, в дорогу зовет.
Хоть ветер в лицо – не сдавайся,
Удача лишь сильного ждет.*

*И пусть в нас осталось немного
Стремления в звездную даль.
Ведь нас не страшила дорога,
Ведь нас не сразила печаль.*

*И сердце забилось в тревоге,
И жизнь нам диктует: вперед!
И вновь по усталой дороге
Усталая осень идет.*

Как пишет А. Болатова: «Исключительная роль поэта-творца заключается в том, чтобы стать выразителем вселенских законов и чувств людских, носителем лучших черт, быть голосом земли и природы, когда приходит это осознание, поэтические строки насыщаются весомым содержанием. Все происходящее в мире – результат выбора человека, его осознанных действий, в зависимости от того, на стороне добра или зла он действует». Творчество Харсиева-поэта точно соответствует такой характеристике, ибо он выбирает добро в различных его проявлениях.

Как в прозе, так и поэзии Борис Харсиев пишет о ранах своей малой родины – Ингушетии. Для него она не малая, через нее он видит всю Вселенную. Главные герои его произведений – простые ингуши со сложной судьбой, в которых он ценит чистоту и свет души, мужество и решимость, ум и честь, без которых невозможно обществу идти вперед, преодолевая немислимые препятствия и вызовы времени.

*Мурзабек КОШЕВ,
доктор исторических наук, профессор*

ТВОРЧЕСТВО ПЕДАГОГА-НОВАТОРА

Примечательная особенность феномена Т. М. Кошевой состоит в том, что она вышла из обычной кабардинской семьи, из народа, получившего национальную письменность, по меркам истории, только вчера; смогла выучить русский язык, овладеть секретами английского, глубоко понять культуру и психологию англичан. Проникла во внутренний мир языка Шекспира и Байрона так, что сумела создать совершенно новые, инновационные учебно-методические пособия: «Говори по-английски, изучая свой край»; «Родной край в мире английского языка»; «Динамические материалы по обучению учащихся и студентов английскому языку», «Английский язык в динамике. Учи, развивай и используй», которые вышли в городах Майкопе, Нальчике и Новопавловске. Они стали достоянием самой широкой ученической и педагогической аудитории республик, краев и областей Северного Кавказа, России, США и Израиля.

Ученый-педагог в своих работах показывает, как на основе истории, культуры, флоры и фауны народов Кавказа, родного края, можно эффективно изучать английский язык, обучать его основам учащихся, студентов, всех, как в наиболее полной мере овладеть миром иностранного языка. Осознавая общность мира народов земли, педагог еще раз убеждается в верности идей великого немецкого философа и историка И. Гердера о языковом и генетическом единстве всех жителей нашей планеты. Через историю, культуру, мир родного края легче понять мир другого народа, основы и тайны его языка.

Фундаментальный педагогический труд «Динамические материалы для обучения учащихся и студентов английскому языку» (Нальчик-Новопавловск, 1999 г.) и «Английский язык в динамике» являются уникальными учебно-методическими пособиями, необходимыми для изучения английского языка от начальных классов до выпускных включительно, для взрослых, всех желающих. Студенты используют его на всех курсах обучения. А для учителей английского языка пособие стало настольной книгой для работы в школе и дома. Их новизна состоит в том, что они служат универсальным учебно-методическим пособием для всех классов средней школы, вузов, являются необходимыми

дополнениями ко всем учебникам школьного курса английского языка, то есть актуальность носит постоянный характер. Материалы пособия подаются учащимся в динамике – от простого к сложному на основе единой учебно-методической концепции. Данные учебно-методические работы не имеют аналогов в России.

Работы Т. М. Кошевой составили новое направление в методике преподавания английского языка в России. Потому что они «вышли» из практики педагогической работы, большой, разнообразной, творческой, эффективной и поучительной во многом. Это и участие в республиканских и Всероссийских олимпиадах по иностранным языкам, фестивале исследовательских и творческих работ учащихся «Портфолио», организация и проведение городских и республиканских семинаров для преподавателей английского языка школ КБР, открытых инновационных уроков, доклады и выступления по республиканскому телевидению, на республиканских конференциях и вечерах по обмену опытом. Руководя многие годы кафедрой иностранных языков в гимназии № 29 г. Нальчика, она щедро делилась знаниями, опытом со своими коллегами, работниками народного образования Кабардино-Балкарии, умело руководила педагогической практикой студентов педагогического колледжа, факультета иностранных языков КБГУ.

Во главе республиканской делегации учащихся – победителей олимпиады по английскому языку, приняла активное участие во Всероссийской олимпиаде по иностранным языкам в Нижнем Новгороде, которая была проведена в 2007 году. Ее ученики вошли в число лучших знатоков английского языка.

Критерием оценки качества педагогической работы Т. М. Кошевой может служить поступление ее воспитанников в самые престижные вузы России и за ее пределами. Так, студентами в разные годы стали: Кокова Диана (г. Москва, МГИМО), Блянихов Артур (г. Москва, МГУ, филологический факультет), Шагербиева Алина (г. Москва, РУДЭН), Уметова Дина (г. Москва, РУДЭН), Мальбахова Диса (г. Москва, РУДЭН), Барсукова Дарья (г. Москва, Военная академия (переводчик), Самойлова Елена (г. Пятигорск, лингвистический университет), Давиденко Елена (г. Пятигорск, лингвистический университет) и многие другие. В зарубежных вузах учились и окончили их: Дигилова Анна (США), Шухов Замир (США), Ширитова Заира (ОАЭ, филиал американского университета). Многие выпускники прошли и проходят практику и стажировку в заграничных университетах и фирмах.

Воспитательную работу ученый-педагог всегда сочетает с образовательной, ибо нет образования без воспитания. Они неотделимы, как стороны одной медали. Подтверждением тому,

в определенной степени, служит то, что только в одном выпуске одного года, где она работала классным руководителем, более половины выпускников имели медали за особые успехи в учебе. Воспитывает не только учащихся, но и молодых учителей, в деле их профессионального становления и трудовой адаптации в коллективе. Оказывает молодым педагогам всестороннюю помощь в подготовке и организации уроков, помогает осваивать передовые методики преподавания иностранных языков, постигать секреты педагогического мастерства, обучает разработке планов уроков и освоению новых учебников по иностранным языкам. Способствует профессиональному росту советами и пожеланиями. По ее учебным и учебно-методическим пособиям осуществляют углубленное изучение учащимися иностранных языков.

И все-таки главным в ремесле педагога-новатора был и будет урок – основное содержание учебного и воспитательного творчества, неиссякаемый источник новых мыслей и педагогических размышлений. Именно так мы думаем о педагогическом творчестве Т. М. Кошевой, когда смотрим на инновационный проект-урок «Пять чувств», проведенный в 2004, 2005 гг. в 9-10-х классах с углубленным изучением английского языка в гимназии № 29 г. Нальчика. В присутствии учителей английского языка республики она с большим успехом достигла поставленных на уроке целей. Показала роль человеческих чувств в познании окружающего мира, вызвала у детей положительные эмоции, способствовала воспитанию бережного отношения к людям, природе. Эффективными и разнообразными педагогическими приемами, наглядными средствами обучения решала задачи по ознакомлению учащихся с неограниченными возможностями таких органов чувств, как зрение, слух, запах, вкус, прикосновение. На практике ученики увидели роль каждого из органов чувств в отдельности и вместе. Выявлена связь человеческих отношений с биологическими, физическими, психологическими особенностями человека. Все это на английском языке от начала и до конца. Каждый элемент урока был пропитан творчеством и воображением педагога.

Идеи мира, дружбы народов, защиты нашей земли, ее красот и очарований были не раз в центре уроков педагога-новатора. Так, в 2004/2005 учебном году в 9 «г» классе с углубленным изучением английского языка был проведен открытый урок по теме: «Берегите Землю» (Keep The Earth Safe) с привлечением широкого круга наглядных средств обучения и воспитания учащихся. Цели урока: объяснить учащимся значение и условия сохранения мира, причины и сущность войны, взаимосвязь между миром и экологическим состоянием земли. Воспитывать патриотические чувства, гуманизм

и ответственность человека во имя сохранения планеты и здоровья будущих поколений. Стремясь достигнуть поставленных целей, педагог успешно, по мнению учителей, которые были на уроке, решила задачи по заслушиванию и обсуждению в форме конференции высказываний учащихся по поставленной проблеме. Происходил живой обмен мнениями и выработка определенных выводов в правильном осознании значения мира, сохранения здоровой окружающей среды.

На уроке учили и воспитывали учащихся красочные плакаты, лозунги о мире, государственные флаги стран и визитки их представителей, глобус и политическая карта мира, записи на магнитофоне (песни), аудиокассеты. На конференции ученики представляли четырнадцать государств, самые разные слои общества. Она прошла на английском языке и оставила лучшие впечатления у всех ее участников. Так каждый урок, каждый день, каждый учебный год в педагогическом творчестве педагога-новатора пронизаны мыслями, думами, стремлением сделать лучше, чем вчера, открыть новое, более эффективное средство обучения и воспитания подрастающего поколения. В этом суть педагогического мастерства Отличника народного просвещения России, облик патриота своего Отечества, родной земли.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

В последние десятилетия стремительно утрачиваются национальные картины мира так называемых малых народов. В этом смысле не стали исключением и кабардинцы, о чем постоянно напоминал классик кабардинской литературы Адам Шогенцуков. Тем большую ценность представляют собой его произведения – исторически и художественно полноценные изображения подлинной жизни его родного народа в XX веке, которые, несомненно, будут иметь огромное значение для будущих поколений кабардинцев.

Мастер слова рисует панорамный облик адыгского села, правдиво, реалистично воссоздает национальный колорит, эстетические и этические представления этноса. Автор не ограничивается рельефным показом жизни своих сородичей, а стремится укрепить их национальное самосознание. Проникнув в самую суть адыгской действительности, прочувствовав особенности характера своих соплеменников, он создал убедительные, этнически маркированные картины жизни своего народа, сумел описать национальный образ мира в системе онтологических кодовых знаков адыгов. Древнейшие матрицы художественного сознания кабардинцев, их архетипы и концепты успешно проецируются писателем на современность. Автор блестяще описал саму стихию народной жизни, бытийное измерение мира адыгов, которые особенно ярко проявляются на селе.

Весьма волновали Адама Шогенцукова фемининный социокультурный статус кабардинок, проблема их новой гендерной идентичности, изменившей складывавшийся веками архетипический образ горянки. Главная тема произведений писателя – личные и социальные взаимоотношения между мужчиной и женщиной, причем для него не характерна безальтернативность мужского мировидения.

Трансформация онтологических нормативов адыгов убедительно отражена в двух его замечательных повестях: «Весна Софият» и «Назову твоим именем». Кардинальные изменения в психологии кабардинок, начавшиеся еще в 20-30-х годах прошлого века в результате радикальной ломки обычаев и традиций коренных народов, когда на смену древним архетипам приходят «новые, продвинутые» горянки – активистки, «рекордистки», производственницы, не могли пройти для автора незамеченными. Естественно, меняется стилистика их поведения и общественный статус. К примеру, в повести «Весна Софият» А. Шогенцуковым представлена вполне реалистичная

модель кабардинского общества, сформировавшаяся к 60-м годам XX века. Адам Огурлиевич очень тонко чувствует изменения, которые произошли в жизни кабардинцев и отразились не только на семейном укладе, но и общественном положении «новой» кабардинки, которая отныне выступает не только в роли матери и домашней хозяйки, но и предстает как участница производства, общественница. И случилось это не в одночасье: ей пришлось пройти через множество испытаний, связанных с так называемым «раскрепощением» горянок, нередко носившим насильственный характер, о чем свидетельствуют документы 20-30-х годов прошлого века. Именно в это время начала складываться новая гендерная идентичность, резко изменившая гендерное поведение женщин.

К 60-м годам, о которых пишет Адам Шогенцуков, гендерное сознание и поведение горянок заметно трансформировались под давлением социальных преобразований общества. Женщин уже успели привлечь к общественному труду, причем они нередко выполняли и тяжелую мужскую работу, как, к примеру, героиня повести «Весна Софият» – трактористка Софият. Многие представительницы прекрасного пола восприняли новую модель жизни как закономерную, вполне искренне стремясь вписаться в современные нормы жизни. Перед нами уже не те, зависимые от мужчин женщины, а сильные, самодостаточные передовики производства. Такой стала и Софият.

Надо отметить, что и писатель, и художники-иллюстраторы его повестей стремятся правдиво запечатлеть советскую эпоху, отразить специфику, национальный колорит жизни сельских жителей Кабарды, вполне оптимистически оценивая сложившуюся ситуацию. Изображая кабардинскую действительность, А. Шогенцуков стремился не к внешнему правдоподобию, а проникнув в самую суть жизни, создавал убедительные образы своих современников. И даже идеологические установки, на которые опирался писатель, можно даже сказать, откровенная пропаганда им нового образа жизни не сказались сколь-нибудь негативно на художественном уровне его произведений.

Книги Адама Шогенцукова, богатые по содержанию и своеобразные по форме, не случайно стали притягательными для книжных графиков, которые вербальным образам стремились придать зримые формы. Пытаясь запечатлеть своеобразие мира писателя, они в то же время не забывали продемонстрировать и собственную оригинальность, что является непростой задачей. Случилось так, что его повести иллюстрировали, так сказать, инонациональные художники, как местные, так и столичные. Вполне естественно, что им не дано было воспринять ценности другой

культуры так же, как представителям коренных народов. Поскольку онтологический уровень познания мира Адамом Огурлиевичем всегда этнически маркирован, иллюстраторам его литературных текстов удается уловить и воплотить в рисунках эту национальную специфику в разной степени приближения к оригиналу.

Выполняя рисунки к повести «Весна Софият» книжные графики Э. И. Левандовская и В. И. Сапкин вряд ли столь же глубоко, как ее автор, задумывались над ее проблематикой, ограничиваясь лишь иллюстрированием сюжетных ходов повести. Так что художественные координаты писателя и графиков весьма разнятся друг с другом. Изобразительная часть повести «Весна Софият», оформленной Э. И. Левандовской, весьма аскетична. В ней запечатлены два важных момента из жизни героини: начало ее трудовой биографии и первая любовь. В заставке на спусковой странице, тесно связанной с полосой набора текста, читатель-зритель видит широкое поле и маленький трактор, с которым Софият как бы срослась, став его придатком. Даже уловка художницы изобразить поле не целиком, а лишь неширокую пахотную полосу, не меняет сути рисунка: поле как бы поглощает и обезличивает девушку.

У Адама Шогенцукова образ «продвинутой» женщины, современного сельского труженика, неразрывно связанного с коллективом, складывается в облик эпохи, обретает характерные черты времени. Она – человек новой социальной формации, с новой гендерной психологией. Одна из важных в понимании писателя тема эгалитарности находит отражение в социальной жизни героев повести, в процессе их труда. Софият, которая трудится, как и мужчины-трактористы, без всяких «скидок» на слабый пол, изображена писателем как ударник труда, «рекордистка», но, главное, как хозяйка своей судьбы. Этот образ, конечно, пропагандистский, но в то же время вполне реалистичный, поскольку действительно в стране советов было немало подобных женщин. Э. Левандовская же входит в некоторое противоречие с автором, снижая в своем рисунке-заставке социальную роль девушки. Здесь ясно видно несовпадение трактовки образа Софият у писателя и художницы. Зато иллюстратору в полной мере удалось запечатлеть радость, торжество счастья и любви героини А. Шогенцукова в концовке книги. Рисунок, на котором мы видим женский силуэт на фоне светлого неба у еще нераспустившегося деревца, носит оптимистичный характер и несет ощущение свободы и духовного обновления, что звучит в унисон повествованию писателя.

Нельзя не заметить, что Левандовская, как и другие ее русские коллеги, с этноимперативной закономерностью использует в своих рисунках тональность русской картины мира, их стилистика

безошибочно определяется как русская. Способность мыслить категориями своего народа передается человеку на генетическом уровне. Еще В. Г. Белинский говорил о том, что «истинный художник чувствует национальность в самом себе и потому невольно накладывает ее печать на свои произведения». Ему вторит и Н. В. Гоголь: «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа».

На мажорной ноте заканчивается и художественное оформление повести «Весна Софият», выполненное художником-иллюстратором В. И. Сапкиным, который, пожалуй, создал более убедительные, чем у Э. Левандовской, образы литературных героев. Раскадрировав сюжетную канву повести на множество мелкомасштабных рисунков-буквиц, содержание которых читатель-зритель легко считывает, книжный график сумел не только глубоко вникнуть в замысел писателя, но и одновременно передал в рисунках и собственное восприятие повести. Композиционное построение текстового набора, декор обложки, рисованные шрифтовые элементы, выполненные В. Сапкиным, способствуют раскрытию сути литературного текста.

«Весна Софият» также привлекла внимание художников В. И. Бекетова (Нальчик, 1972 г.) и Н. Д. Коробейникова (Москва, 1956 г.). Поскольку повесть имеет в своей основе увлекательную фабулу, она легко поддается пластической интерпретации и, преломленная фантазией художников, обретает зримые формы, заметно усиливая на читателя эмоциональное воздействие литературного произведения. Однако онтологические откровения писателя, архетипические привычки, специфические черты адыгской ментальности находят далеко не полное отражение в рисунках русских художников, что свидетельствует об этнической смещенности русской картины мира относительно адыгской. Приходится признать, что художникам, проиллюстрировавшим «Весну Софият», не удалось достичь философской глубины повести, найти изобразительный язык, в достаточной мере адекватный вербальному языку А. Шогенцукова.

Знакомясь с творчеством Адама Шогенцукова, сразу замечаешь, что тема города у него практически отсутствует. Ему гораздо ближе село, в котором он видит хранителя высокой нравственности народа, его национальной идентичности. Однако и здесь он нередко разочаровывается, видя, как быстро рушатся традиционные моральные устои аульчан. К жизни села писатель обращался не только для того, чтобы выявить причины негативных социальных явлений, но и искал возможности остановить процесс деградации

сельских жителей, способствовать укреплению национального самосознания кабардинцев.

Работая над «деревенской прозой», писатель нередко замечает в кабардинском селе не признаки идиллии, а начало негативных изменений, которые пугают его тем, что непонятен вектор их развития. Только на первый взгляд кажется, что с точки зрения древних адатов все правила жизни сельчан соблюдены, в реальности же происходят необратимые процессы. Позиция Адама Шогенцукова по этой проблематике особенно остро отразилась в его прозе, в частности, в повести «Назову твоим именем», которая вызвала широкий резонанс у общественности и была неоднократно переиздана в местных и столичных издательствах. История жизни девушки, попавшей в сложную жизненную ситуацию, когда ее умыкнул нелюбимый человек, не была простой выдумкой. Ей пришлось выбирать между личным счастьем и «честью и достоинством» близких ей людей, которые из корыстных побуждений практически продали ее.

Актуальный и высокохудожественный образец кабардинской словесности, убедительные образы современников, созданные А. Шогенцуковым, не могли не привлечь внимание художников-книжников. Для усиления эмоционального воздействия повести на читателей они дополнили ее иллюстрациями, носившими, в основном, просветительский характер и помогавшими понять литературный текст глубже, а главное читателям из других регионов страны адекватно воспринять своеобразный кавказский антураж, с которым они не были знакомы. Ведь написанные увлекательно и захватывающе произведения мастера слова были востребованы во всех уголках Советского Союза.

Замечательная проза Адама Шогенцукова, которая уже давно вошла в культурный код кабардинцев, давала книжникам прекрасную возможность для демонстрации своих способностей. Каждый из них по-своему маркирует то или иное состояние персонажа, его психологический облик. Манера исполнения рисунков у каждого из них дифференцируется в соответствии со спецификой таланта автора и особенностями прочтения текста. Потому визуальные образы, созданные иллюстраторами, сильно разнятся.

Одним из первых серию рисунков к повести «Назову твоим именем» выполнил столичный график Б. А. Месропян (М., 1970, издательство «Советский писатель»). Художник пересказывает фабулу произведения изобразительными средствами, раскадрировав ее на тематические рисунки. Подобный сюжетный ход позволяет ему проникнуть в глубинный смысл тех или иных событий, описанных в произведении, и высветить главные конфликты повести посредством раскрытия характеров, психологии персонажей. Минимальными

художественными средствами Б. Месропян выстраивает мизансцены, умело передает в рисунках динамику событий, внешний облик и внутреннее состояние персонажей.

Эмоциональный тон повествованию задает заставка на спусковой странице с мчащимся по сельской улице автомобилем, увозящим Залину навстречу тяжелым испытаниям судьбы. Этому событию, перевернувшему ее жизнь, предшествует счастливая юность девушки, которую художник тоже не забыл отразить в своих рисунках. В одном из них мы видим ее, полную радости и умиротворения, стоящую у окна с букетом цветов, оставленным ее возлюбленным Мусаби. Другое настроение присуще заставке ко второй части повести, где изображен дедушка Залины, сидящий в глубоком раздумье под деревом. Третью часть открывает иллюстрация, на которой мы видим Мусаби, который отправился на ферму, чтобы «поставить точку» в затянувшейся драматической истории с умыканием его возлюбленной, справедливо полагая, что его судьбу решит окончательный выбор Залины между ним и похитившим ее Хапачей.

Конечно, мастерское владение пером писателя помогает читателю живо и зримо представить героев и события повести. Тем не менее, иллюстрации к книге не стали лишними, поскольку, служа своего рода подсказкой, подготавливают потенциального читателя к чтению повести, при этом нисколько не ограничивая его фантазию, позволяя ему по-своему представить события и персонажей. Возникают два параллельных мира – писателя и художника, соответственно две картины мира, позволяющие вести этноментальные сопоставления. Если в литературном источнике отразились национальные особенности жизни адыгов, изображены специфические атрибуты их быта, то у графика мы их не увидим. Иллюстратор акцентирует внимание на драматизме ситуации и психологическом состоянии героев, подчеркнув их игрой светотени.

Цикл рисунков-буквиц, выполненных художником В. И. Сапкиным, (Повести. М., 1986, издательство «Советская Россия») разворачивает перед читателем последовательный рассказ о судьбах героев повести «Назову твоим именем», о драматических событиях в их жизни. Мелкие, легко и свободно набросанные рисованные шрифтовые элементы – буквицы – играют двоякую роль: нарративную и украшательскую. Жанровый подход к иллюстрированию потребовал от художника тщательного выбора жестов, поз, мимики лиц. Несмотря на небольшие размеры рисунков, в них хорошо выявлены все основные моменты сюжета.

Хорошее решение мизансцен, реалистичность типажей, бытовых подробностей при использовании минимальных художественно-

выразительных средств и приемов – таким предстает издание повести А. Шогенцукова «Назову твоим именем» на кабардинском языке (ЩоджэнцІыкІу Іэдем. Уи цІэр фІэ сшыңц. Нальчик, 1973, издательство «Эльбрус»). Выступая в роли комментатора, книжный график В. И. Сиротинцев дает оценку поступкам литературных героев, пользуясь изобразительными средствами. Пройдя сквозь магический кристалл его воображения словесный текст превращается в цикл иллюстраций, которые автор стремится подчинить стилю повести. В результате сложного процесса перевода вербального языка в изобразительный каждый штрих, каждое пятно или линия, контраст белого и черного или созвучие их оттенков помогают метафорически осмыслить описанную автором ситуацию.

Еще одно издание повести «Назову твоим именем» проиллюстрировано графиком В. И. Бекетовым очень скупой. Сюжетная канва литературного текста нашла у него отражение в динамических кадрах – иллюстрациях. Рисунки носят повествовательный характер, особенности быта сельских жителей Кабарды легко узнаются через отдельные предметы интерьера.

Нельзя не отметить, что художник акцентирует свое внимание не на светлых сторонах жизни главных героев, коих немало в повести, а темных, драматических событиях, считая их решающими, определяющими судьбу персонажей. Своеобразное соотношение в рисунках темного и светлого помогает автору передать сложные взаимоотношения героев повести. Ограниченность в иллюстративном материале заставила графика более внимательно отнестись к отбору деталей композиции, структуре пластической формы.

Своеобразный способ иллюстрирования повести «Назову твоим именем» избирает для себя художник В. И. Левинсон. Перипетии судьбы героев он передал через их углубленные психологические портреты, которые он набрасывает быстрым и острым штрихом. Лица главных героев даны крупным планом, причем индивидуализированы и легко узнаваемы, а игра светотени помогает выявить чувства, глубоко скрытые и тяжело переживаемые героями повести. Несмотря на внешнюю статичность образов, автор добивается внутренней экспрессии образов. В каждом конкретном случае ему удается найти нужный модус для передачи психологической напряженности персонажей, онтологической дистанции между ними. Как бы случайно набросанные штрихи, вылепившие образ антигероя Хапачи, человека, мыслящего устаревшими моральными категориями, свидетельствуют о его неуправляемости, эгоизме. Упрощенный рисунок, спутанные линии созвучны бессвязности мыслей и нелогичности поступков персонажа и усиливают драматизм ситуации. Скорбно склоненная

голова, остановившийся взгляд подчеркивают моральные страдания Залины.

При всей выразительности облика героев сложная бытийная проблематика, поднимаемая Адамом Шогенцуковым, не смогла найти адекватного отражения в немногочисленных полосных иллюстрациях с социальными портретами главных героев повести, каждый из которых по воле художника пребывает в состоянии эмоциональной изолированности, в отличие от литературного текста, где их судьбы тесно переплетаются.

Повесть Адама Шогенцукова «Назову твоим именем» выдержала шесть изданий на кабардинском и русском языках и вышла огромным даже для советского времени тиражом чуть ли не полмиллиона экземпляров. Ни раньше, ни позже о таких цифрах говорить не приходилось. Все это свидетельствует о высоких художественных достоинствах произведений Адама Шогенцукова. Каждая вновь изданная книга, связанная с именем классика кабардинской литературы, сразу оказывалась в центре внимания широкого круга любителей и ценителей его творчества. Это требует от художника-оформителя и иллюстратора очень ответственного отношения к своей работе.

РОМАН «ИДИОТ». К ЧЕМУ ПРИЛОЖИЛ РУКУ
ИГУМЕН ПАФНУТИЙ?

*Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренны.
«Борис Годунов»*

*А не то иной чита-
Разберется, в чем тут де-,
И подумает с улыб-:
«Что же ты меня моро-?»
«Дон Кихот»*

Для того чтобы правильно ответить на вопрос (сформулированный ранее) **получилось или нет написать роман о «положительно прекрасном человеке»**, необходимо вернуться к вопросу, как сам Достоевский относился к Мышкину?

Посмотрим, о каких **фактических талантах** Мышкина свидетельствует Достоевский. В этом плане любопытен эпизод, когда Аглая стала играть с князем в шахматы, и выяснилось, **«что в шахматы князь и ступить не умеет»**. А далее происходит нечто вызывающее умиление.

«Потом предложила играть в карты, **в дураки**. Но тут вышло совсем наоборот: **князь оказался в дураки такой силы, как... как профессор; играл мастерски**; уж Аглая и плутовала, и карты подменяла, и в глазах у него же взятки воровала, а всё-таки он каждый раз оставлял её в дурах; раз пять сряду...» (8. 423).

То есть способность мастерски играть в дураки, да ещё как профессор, подтверждено непосредственно в авторской речи и является бесспорной. Факт очень интересный. Невозможно себе представить, что Достоевский, великолепно знавший Гоголя, наделяя Мышкина таким талантом, не вспомнил комедию «Игроки» и не отдавал себе отчёта, наградив среднюю из сестёр Епанчиных именем (не слишком распространённым) и отчеством, которые абсолютно совпадают с названием ихаревской краплёной колоды.

«Вот она, заповедная колодишка – просто перл! За то ж ей и имя дано, да: **Аделаида Ивановна**. Послужи-ка ты мне, душенька, так, как послужила **сестрица твоя...**»¹

Как мы помним из подготовительных материалов, Достоевский неоднократно рассматривал вариант соединить Мышкина именно с Аделаидой:

«Тайное за Аделаиду желание» вписано; проба пера «*Аделаида, Князь Лев*» (9. 244);

«Аделаида помогает Князю втайне, сообщает об Аглае (хочет женить их. Ссорятся с Князем, когда тот объявляет, что не любит)»; «**(Князь любит Аделаиду.)** <с. 93>» (9. 251);

«У Епанчиных в нем нуждаются (Аглая, Аделаида, Генеральша)». Аделаида вписано (9. 256) «Рыцарь бедный. Поцеловал Аделаиду» (9. 269).

Последняя заметка нашла отражение в романе, и в очень интересном контексте.

« – Все говорили, все до одного, все три дня! **Я никогда, никогда не выйду за него замуж!** Прокричав это, Аглая залилась горькими слезами, закрыла лицо платком и упала на стул.

– Да он тебя еще и не прос...

– **Я вас не просил, Аглая Ивановна**, – вырвалось вдруг у князя.

– Что-о? – в удивлении, в негодовании, в ужасе протянула вдруг Лизавета Прокофьевна, – что та-а-кое?

Она ушам своим не хотела верить.

– Я хотел сказать... я хотел сказать, – затрепетал князь, – я хотел только изъяснить Аглае Ивановне... иметь такую честь объяснить, что **я вовсе не имел намерения... иметь честь просить ее руки... даже когда-нибудь...** Я тут ни в чем не виноват, ей-богу, не виноват, Аглая Ивановна! Я никогда не хотел, и никогда у меня в уме не было, **никогда не захочу**, вы сами увидите: будьте уверены! Тут какой-нибудь злой человек меня оклеветал пред вами! Будьте спокойны!»

Как мы помним, наивное признание князя окончилось всеобщим смехом. Попробуем приподнять завесу смеха и несерьезности над этой сценой и всмотримся в суть происходящего. Пусть и нелепо, но Мышкин формально отказал Аглае. А далее следует продолжение с любопытной реакцией Аделаиды Ивановны.

«К тому же я непременно, непременно должна его поцеловать и обнять за... за его объяснение сейчас с Аглаей. Мaman, милая, позвольте мне поцеловать его? Аглая! позволь мне поцеловать твоего князя! – крикнула шалунья и действительно подскочила к князю и поцеловала

---

¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 5. С. 76.

его в лоб. Тот схватил её руки, крепко сжал, так что Аделаида чуть не вскрикнула, с бесконечною радостью поглядел на неё и вдруг быстро поднёс её руки к губам **и поцеловал три раза**» (8. 284-285).

Как видим, фраза из подготовительных материалов *«Рыцарь бедный. Поцеловал Аделаиду.»* (9. 269), воплотилась в романе. Но более всего удивительно, что умилённая *невинностью* князя, Аделаида Ивановна целует его, по существу, за формальный отказ от младшей сестры. Тогда особое значение может иметь несколько странное заявление старшей сестры Александры уже в пятой главе четвёртой части, когда выбор в пользу Аглаи был единственно возможным: «Александра Ивановна сначала была осторожна и заметила только, что ей кажется довольно верною идея папаша о том, что, в глазах света, может показаться очень удовлетворительным выбор князя Мышкина в мужа для **одной** из Епанчиных» (8. 422).

Не ясно, зачем понадобилось автору выводить зыбкую линию взаимоотношений Мышкина и Аделаиды Ивановны такими едва заметными штрихами. Для нас важен сам факт, что, работая над романом, Достоевский имел в планах возможное увлечение князя средней сестрой. Не исключено, что в процессе разработки сюжета он предполагал просто поменять имена сестёр, и вместо Аглаи младшая звалась бы *«Аделаида Ивановна»*. Однако такой демарш был бы слишком очевиден для читателей, хорошо знающих Гоголя, и явился бы прямым авторским подтверждением фальшивости предмета восхищений князя. Но, одарив именем краплёной колоды пребывающую в тени среднюю сестру, Достоевский, на мой взгляд, намекает на фальшивость всего семейства Епанчиных (процветающим за счёт тёмных делишек генерала), а самой Аглае соответствует концовка фразы Ихарева: *«как послужила сестрица твоя...»*. В этом случае такое совпадение имён в сочетании с **картёжным мастерством** Мышкина не просто ироническое.

Теперь посмотрим, каким ещё **неоспоримым талантом** Ф. М. награждает Мышкина. Я имею в виду **талант каллиграфии** (так умиляющий читателя), который объявился у князя в самом начале романа в первом разговоре с генералом Епанчиным в его кабинете. Предлагаю по этому факту вести исследование по двум направлениям. Сначала рассмотрим сам эпизод из романа «Идиот» (1868 г.).

«— Ого! да в какие вы тонкости заходите, — смеялся генерал, — **да вы, батюшка, не просто каллиграф**, вы артист, а? Ганя? — Удивительно, — сказал Ганя, — и даже с сознанием **своего назначения**, — прибавил он, смеясь насмешливо.

— Смейся, смейся, а ведь тут карьера, — сказал генерал, — Вы знаете, князь, **к какому лицу мы теперь вам бумаги писать дадим?** Да вам прямо можно тридцать пять рублей в месяц положить, с первого шагу» (8. 30).

А теперь обратим внимание на любопытную текстологическую схожесть фрагментов этого разговора с фрагментами разговора Юсова с Белогубовым из комедии А. Н. Островского «Доходное место» (1857 г.):

«Юсов. Вот, братец ты мой, возьми домой, **перепиши это почище**. Приказали.

Белогубов. Мне приказали переписать-с?

Юсов (садясь). Тебе. У него, сказали, почерк хорош.

Белогубов. Мне очень приятно слышать-с.

Юсов. Так ты слушай, братец: ты не торопись. Главное, чтобы было почище. **Видишь, куда посылать...**

Белогубов. Я ведь, Аким Акимыч, понимаю-с. **Каллиграфически напишу-с, всю ночь просижу**».²

Схожесть выражений поразительная. Достоевский как будто намекает, что не случись солидного наследства, судьба Мышкина благодаря таланту каллиграфии и протекции генерала, была бы точно такой, как у Белогубова, если бы, конечно, князь не соблазнился, казалось бы, совершенно несовместной с его сущностью карьерой гоголевского *игрока*.

Но параллель с Островским может показаться невинной шуткой в сравнении с темой, разработанной самим Достоевским в произведениях «Двойник» и «Записки из подполья» (истоки которых находятся опять-таки в гоголевских «Записках сумасшедшего»). Неужели это намёк на то, что Мышкин мог бы продолжить судьбу Голядкина и Подпольного, на предложение читателю мысленно воспроизвести **мрачный мир чиновничьего подполья?** Даже на короткий миг (длившийся на протяжении почти всей первой части до объявления наследства) их тени, промелькнувшие за спиной Князя, окрасили текст романа невероятными, фантастическими красками...

Из «Двойника»:

«Рассудим так: является человек, – является человек с достаточной рекомендацией, дескать, способный чиновник, хорошего поведения, только беден и потерпел разные неприятности, – передраги там этикие, – ну, да ведь **бедность не порок**; стало быть, я в стороне» (1. 172).

Однако наибольший интерес в исследуемом эпизоде романа представляет сама фраза, написанная князем и его комментарий к ней (над которыми ломало голову не одно поколение достоевистов).

«– Ого! – вскричал генерал, смотря на **образчик каллиграфии**, представленный князем, – да ведь это пропись! Да и пропись-то редкая! Посмотри-ка, Ганя, каков **талант!**»

На толстом веленовом листе князь написал средневековым русским шрифтом фразу: «Смирренный игумен Пафнутий руку приложил».

² Островский А. Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1974. Т. 2. С. 42.

– Вот это, – разъяснял князь с чрезвычайным удовольствием и одушевлением, – это собственная подпись игумена Пафнутия, **со снимка четырнадцатого столетия**. Они превосходно подписывались, все эти наши старые **игумены и митрополиты**, и с каким иногда вкусом, с каким старанием! Неужели у вас нет хоть **погодинского издания**, генерал?» (8. 29).

Вот что говорится в комментариях к академическому изданию:

«Стр. 29. Они превосходно подписывались, все эти наши старые **игумены и митрополиты**, и с каким иногда вкусом, с каким старанием! Неужели у вас нет хоть **погодинского издания**, генерал? – Имеется в виду изданный М. П. Погодиным альбом “Образцы славяно-русского древнеписания”, тетради 1-2 (М., 1840-1841). В нем представлены 44 образца рукописных шрифтов (с IX по XVIII в.), снятые и литографированные К. Я. Тромониным. В этом издании Достоевскому запомнился 18-й образец из второй тетради (единственный в альбоме пример подписанного документа); которому М. П. Погодин дал в предисловии следующее описание: “...Употребляя труд...”. Из духовного завещания святителя Митрофана (с его подписью по листам, здесь собранного), представившегося в 1723 году”» (9. 431).

Комментарий не совсем ясный. В нём не говорится о наличии подписи *игумена Пафнутия*. И почему рассматривалась подпись Митрофана (не употребившему *«руку приложил»*), жившего не в XIV, а в XVII-XVIII веке, не связанного ни с каким Пафнутием?

Более углублённо эта фраза рассмотрена в комментариях к изданию В. Н. Захарова (2009 г.).

«В “погодинском” издании (“Образцы славяно-русского древнеписания”, издаваемые профессором Погодиным. Тетрадь II. М. 1841) воспроизведен лишь один подписанный текст (№ 18) “Епископ Митрофан Воронежский **своей рукою подписал**”. В другом издании, которое часто переплеталось с “погодинским”, – “Достопамятности Москвы. Издание Корнелия Тромонина. М., 1845” – опубликовано 16 образцов подписей **патриархов**, 8 из них начинаются словом “смиранный” (“Смиранный Ермоген патриарх” и т.п.)»³

То есть, исходя из комментариев, можно заключить, что ни в *погодинском* факсимильном издании, ни в другом, близком к нему, нет упоминания *игумена Пафнутия* и выражения *«руку приложил»*.

Далее, уже в гостинной Епанчиных, в присутствии всего семейства, Мышкин делает такое пояснение:

«– Игумен Пафнутий, четырнадцатого столетия, – начал князь, – он правил пустынью на **Волге**, в нынешней нашей Костромской губернии.

---

³ Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск, 2009. Т. 8. С. 739-740.

Известен был святою жизнью, ездил в Орду, помогал устраивать тогдашние дела и подписался под одною грамотой, а **снимок с этой подписи я видел.**» (8. 46).

Вот что по этому поводу написано в комментариях к академическому изданию:

«Стр. 29. ...игумен Пафнутий... – Речь идет об **основателе** Авраимовой Чухломской верхней пустыни на реке Виге (XIV в.) (см. П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей русской церкви. СПб., 1877, стр. 869)» (9. 431).

В комментариях присутствует неточность. Упомянутый Пафнутий был не *основателем* пустыни, а учеником Авраамия Городецкого, основателя четырёх монастырей. Был поставлен на игуменство своим учителем в третьем из них, Верхнем Собора Пресвятой Богородицы монастыре (конец 14 века) на реке **Виге** (ныне Костромская обл., Чухломский р-н, село Коровье). Заметим, что и Мышкин совершает ошибку в своих пояснениях: *«он правил пустыню на Волге»*. Река Вига, в верховьях которой располагался вышеупомянутый монастырь, является правым притоком Унжи, которая, в свою очередь, впадает в Волгу. Протяжённость пути от монастыря до Волги, по мелководной Виге, а далее по Унже, около пятисот километров. Сведущий читатель должен был сразу заметить эти неточности и насторожиться. Сами объяснения Льва Николаевича хоть и убедительны, но несколько парадоксальны (причём дважды). А как мы помним, парадоксальность у Достоевского – это сигнал повышенного внимания. Автор наделяет Мышкина знанием, которого у того, по логике, быть не могло. С самого младенчества и до отъезда на лечение, состояние князя было столь болезненное (как это видно из текста), что не позволяло ему увлечься **погодинским изданием**.

«Я знаю, что я... обижен природой. Я был двадцать четыре года болен, **до двадцатичетырехлетнего** возраста от рождения» (8. 282). (То есть здоровым был всего два года и уже за границей.)

Вряд ли оно имелось у Шнейдера в маленькой швейцарской деревушке, хотя Мышкин сам говорит, что учился *«все четыре года <...> по особой его системе, и при этом очень много русских книг удалось прочесть»* (8. 25). Как мы помним, Достоевский в Дрездене (1870 г.) не смог найти даже пушкинского издания и писал эпитафию к «Бесам» по памяти: *«Равно попрошу покорно сверить мой эпитафию из Пушкина с изданием Пушкина. Я припоминал наизусть»* (29/1. 140)». Фраза: *«Неужели у вас нет **хоть** погодинского издания, генерал?»* говорит о том, что Мышкин знаком не только с ним, но и с какими-то другими работами на тему каллиграфии. И, как мы выяснили, в *погодинском издании* нет такой подписи. Да и упоминается оно как бы попутно. Лев Николаевич не говорит точно, где мог видеть *«снимок с этой подписи»*.

Если бы Мышкин сказал, что видел подпись на самой грамоте, то найти такую или утвердительно сказать, что это фантазия автора, было бы крайне затруднительно. Но речь идёт о литографированном снимке из какого-то издания, а значит, если бы он действительно существовал, то его легко было бы обнаружить. Однако никому из учёных, несмотря на все усилия, не удалось найти даже упоминания о существовании такого **снимка** и тем более оригинала. Два таких несоответствия должны были привлечь внимание думающего читателя (и уж тем более учёных-исследователей). Получается, Достоевский пускает нас по ложному следу, в конце которого мы должны обнаружить именно то, что он ложный (серьёзная подсказка Волга – Вига). Этот ход говорит об информации невероятной важности, скрытой автором в такой мягкой и мелодичной по звучанию, даже с налётом патриотичности, строке «*Смиранный игумен Пафнутий руку приложил*». Осталось выяснить, кто же на самом деле этот *игумен Пафнутий* и к чему он *приложил руку*. За все годы исследований выдвигались всего две версии. Первая это версия самого Мышкина. Действительно, в Верхней пустыни на реке Виге в Костромской губернии (XIV в.) был игумен по имени Пафнутий. Но его автограф нигде не зафиксирован и нет информации о какой-либо таинственной истории (соответствующей тайне самой подписи в романе).

Выдвигалась и другая версия. Из комментария к изданию В. Н. Захарова:

«А. Л. Брем называет другого Пафнутия, Преподобного Боровского. “Пафнутий – игумен (Боровский, в мире Парфений ум. 1478)” (словарь личных имён у Достоевского 1 – 81)».⁴

Но этот игумен жил в XV веке, а Боровск находится в Калужской губернии. Подпись Боровского Пафнутия также нигде не зафиксирована. Больше игуменов, по имени Пафнутий, обнаружено не было. Обе версии не получили стратегического развития и, на мой взгляд, не соответствуют масштабу замысла Достоевского в отношении каллиграфической «подписи». О том, что мышкинское объяснение недостаточно, автор намекает через генеральшу Епанчину, выслушавшую рассказ князя: «*Впрочем, я думала, будет интереснее*». Настоящая история с игуменом должна быть очень *интересной* и содержать реальную тайну, способную потрясти воображение. Недаром имя *Пафнутий* в романе употребляется в двух сценах одиннадцать раз. Заметим, как настойчиво Елизавета Прокофьевна несколько раз повторяют свой вопрос, акцентируя внимание на личности *Пафнутия*.

« – **Пафнутий?** Игумен? Да постойте, постойте, куда вы и **какой там Пафнутий?** – с настойчивою досадой и чуть не в тревоге прокричала генеральша убежавшему супругу. <...>

⁴ Там же С. 739.

Ах да: ну, какой там игумен? <...>

Ну, какой там игумен?

– Игумен Пафнутий, – отвечал князь внимательно и серьезно.

– Пафнутий? Это интересно; ну, что же он? <...>

– Аглая, – сказала генеральша, – **запомни: Пафнутий**, или лучше запиши, а то я всегда забываю. **Впрочем, я думала, будет интереснее.**

Где же эта подпись?

– Осталась, кажется, в кабинете у генерала, на столе.

– Сейчас же послать и принести.» (8. 46).

Потрясающий вопрос: «Где же эта подпись?». Читатель, знакомый с факсимильным *погодинским* изданием и изданием Тромонина, в отличие от участников сцены, должен был задать себе этот же вопрос о фотоснимке, которого нет в этих изданиях.

С. А. Фомичёв, проявивший интерес к моему исследованию, обратился к заведующему Древлехранилища Пушкинского Дома В. П. Бударагину, с просьбой подготовить список всех изданий, где Достоевский мог увидеть подобный снимок. Вот список, любезно предоставленный Владимиром Павловичем:

«У М. П. Погодина выходил также «**Русский исторический альбом**» (М., 1853).

Были ещё издания:

К. Ф. Кайдалович и П. М. Строев, *Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Фёдора Андреевича Толстого, спалеграфическими таблицами почерков с XI по XIII век* (М., 1825);

Ф. И. Буслаев: *Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских .... С приложением 22 снимков, литографировано Ионой Шелковниковым* (М., 1855);

П. И. Иванов: *Описание Государственного Разрядного архива с присовокуплением снимков со многих хранящихся в оном любопытных документов* (М., 1842);

П. И. Иванов: *Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени, изданный для воспитанников межевого ведомства* (М., 1844);

И. П. Сахаров: *Образцы древней письменности, снимки с судебного письма русского, литовско-русского и малорусского XII-XVIII вв.* (СПБ, 1841 и 1852);

И. И. Срезневский: *Древние памятники русского письма и языка X-XIV* (СПБ, 1863). Издание снимков вышло в 1866 г.».

Однако и в этих изданиях снимка с подписи, упоминаемой Мышкиным, не нашлось. Более того, В. П. Бударагин сказал, что в дошедших до нас рукописях (и снимках) XIV-XV веков не фигурирует форма подписи «*руку приложил*». Она обнаруживается в документах

лишь с XVI века. Учитывая уровень квалификации Владимира Павловича, способного по характеру почерка и форме автографа определить, к какому веку принадлежит рукопись, сомневаться в предоставленной информации не приходится. Из этого следует, что «подпись, <...> со снимка четырнадцатого столетия», которую якобы видел Мышкин, не исторический документ, а художественный вымысел Достоевского (как минимум в датировке). Попробуем расширить не только временной диапазон наших поисков, но и рассмотреть любые возможные варианты относительно личности *игумена* (помимо уже упомянутых двух). Ну должен, должен быть третий *Пафнутий*, причём с какой-то по-особенному интересной судьбой. Предлагаю исследовать сам ложный след, который подбрасывает нам Достоевский. Он заключается в территориально-временной дезориентации читателя, заметив которую, необходимо сосредоточить внимание на самой фразе, неоднократно обыгранной в двух сценах, и *каллиграфическом таланте* Мышкина, который через призму Островского представлен очень любопытно. Попробуем применить уже проверенный приём, подсказанный Достоевским, – если не знаешь, где искать, смотри у Пушкина или Карамзина. Возьмём тему, общую для обоих авторов, которая заинтересовала и Достоевского. Ещё в ранней юности он написал пьесу под названием «Борис Годунов» (не дошедшую до нас). Известно, что Ф. М. читал отрывки из этой пьесы на вечере 18 февраля 1841 г. Подробно этот вопрос рассмотрен в статье М. В. Загидулиной «Борис Годунов»⁵. А вот что пишет об этом в своей статье В. Н. Захаров:

«XVI в. был интересен Достоевскому следствиями злодеяний грозного правителя. XVII в. – трагедией царя Бориса, ставшей одним из архетипов русской истории. В соперничестве с великим Пушкиным юный поэт даже написал драму в стихах «**Борис Годунов**». Достоевский помнил и в своих повестях и романах напоминал читателю, что именно в эти бунташные и мирные времена в России и появились **самозванцы** и возник раскол».⁶

То есть Достоевский написал вслед Пушкину драму с идентичным названием! Что ж, если у нас нет возможности прочесть «Бориса Годунова» Достоевского, присмотримся внимательнее к произведению Пушкина. В сцене пятой {«Ночь, келья в Чудовом монастыре (1603 года)»}, при описании отцом Пименом маскарада Иоана Васильевича, мы встречаем знакомое словосочетание (часть искомой подписи):

---

⁵ Загидулина М. В. *Борис Годунов* // Достоевский Ф. М.: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб, 2008. С. 283-284.

⁶ Захаров В. Н. *Самозванство и двойничество в изображении Достоевского: историко-культурные аспекты* // А. М. Панченко и русская культура / Отв. ред. С. А. Кибадьник и А. А. Панченко. СПб: Изд-во ПД, 2008. С. 173.

*Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь **игуменом смиренным**.*⁷

А далее, в сцене пятой, возникает очень интересный **игумен без имени**.

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ (1598 года. 20 февраля)

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА

ПАТРИАРХ, **ИГУМЕН** ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

Патриарх. И он убежал, отец игумен?

Игумен. Убежал, святой владыко. Вот уж тому третий день.

Патриарх. Пострел, окаянный! Да какого он роду?

Игумен. Из роду Отрепьевых, **галицких боярских детей**. Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей **чудовской** братии, а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и **смиренному**; и был он **весьма грамотен: читал наши летописи**, сочинял каноны святым; но, знать, **грамота далася ему не от господа бога...**

Патриарх. Уж эти мне **грамотеи!** что еще выдумал! *буду царем на Москве!* Ах он, **сосуд дьявольский!** Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву; эдака ересь! *буду царем на Москве!*.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен. Ересь, святой владыко, сущая ересь».⁸

У образованного человека, хорошо знающего русскую историю, при чтении пушкинских строк должно было уйти не более нескольких секунд на то, чтобы вспомнить при прочтении этой сцены исторические имена: Патриарх **Иов** и **игумен Пафнутий**. Исходя из текста драмы, видно, что по версии Пушкина именно *игумен* Пафнутий приютил Отрепьева в своей обители. Правда А. С. слегка изменил его сан. Настоящий Пафнутий был **архимандритом** Чудова монастыря. Вот что пишет Р. Г. Скрынников:

«Как свидетельствует посольская справка 1606 года, “**архимандрит Пафнотий** для бедности и сиротства взял его (Григория) в Чудов монастырь”».

Отрепьев недолго прожил под надзором своего деда. Архимандрит вскоре отличил его и **перевёл в свою келью**. Там чернец, по его собственным словам занялся литературным трудом. <...>. Пафнотий заметил инока, не достигшего двадцати лет, и дал ему чин дьякона. “... По произволению тоя честныя лавры архимандрита Пафнотия,

⁸ Там же. С. 24.

писали летописцы, – (Отрепьев) поставлен бысть во дьяконы рукоположением святейшего Иова патриарха...”

История последующего взлёта Отрепьева описана одинаково в самых различных источниках. Патриарх Иов в своих грамотах писал, будто взял Отрепьева на патриарший двор “для книжного письма”. На самом деле Иов приблизил способного инока не только из-за его **хорошего почерка**⁹.

Полученная информация не только совпадает с пушкинской версией о знакомстве, но и свидетельствует о том, что интересующий нас Пафнутий и будущий Самозванец **жили в одной келье!**

И так большая часть подписи «**Смиранный игумен Пафнутий ...**» найдена в тексте «Бориса Годунова» (остальную часть подписи мы найдем в строке пушкинского стихотворении «Моя родословная»: «*Мы к оной руку приложили*», но несколько позднее). Теперь осталось узнать, к чему именно «*игумен*» приложил руку. Посмотрим, что об этом пишет в своей «*Истории*» (упоминаемой в начале романа) Карамзин. Очень интересна его оценка **таланта** Григория Отрепьева.

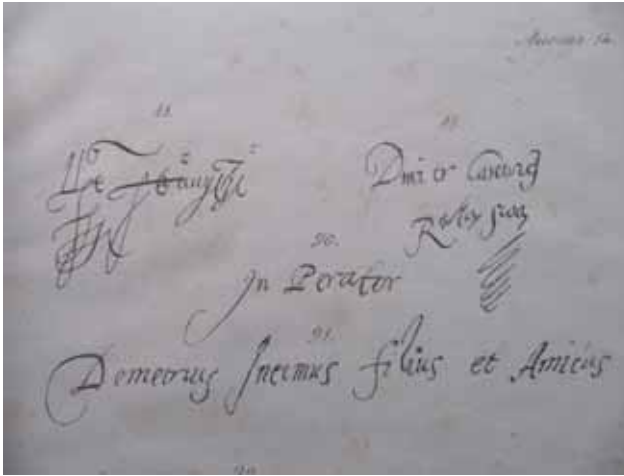
«Постриженный Вятским Игуменом Трифоном и названный Григорием, сей юный Чернец скитался из места в место; жил несколько времени в Суздале, в обители Св. Евфимия, в Галицкой Иоанна Предтечи и в других; наконец в **Чудове** монастыре, в келии у деда, под началом. Там **Патриарх Иов** узнал его, посвятил в Дьяконы и взял к себе для книжного дела: ибо Григорий умел не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны Святым лучше многих старых книжников того времени».¹⁰

Последуем подсказке Достоевского о *Погодинском издании*. В. П. Бударрагин в своём списке указал, что *погодинских изданий было два* (1841 г. и 1853 г.). Как видно, из упоминаемых выше комментариев, предыдущие исследователи занимались первым (“Образцы славяно-русского древнеписания”, Тетрадь П. М. 1841). Мы же сконцентрируем внимание на другом, ранее не упоминавшемся («Русский исторический альбом» М. П. Погодина, М. 1853). В этом издании представлены литографированные снимки подписей в количестве 261. Всего три относятся к XIV веку, но они, как и все остальные, не содержат имени *Пафнутий*. Однако мы попробуем ещё более расширить предмет наших поисков и выясним, нет ли среди опубликованных автографов, подписей **близких знакомых** интересующего нас **пушкинского «Игумена»**? Обратим внимание на лист № 14, где есть очень любопытный снимок. Это **каллиграфическая** подпись *самозванца*

⁹ *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, «Наука», 1990. С. 31-32.

¹⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб, 1835. Т.11. С. 114-115.

Григория, выполненная на трёх языках: русском, польском и латинском.

А теперь рассмотрим лист № 18, где фигурируют герой пушкинского «Годунова» Патриарх Иов и два других (*смиренных*) патриарха, упоминаемые Карамзиным в 11 и 12 томе «Истории государства Российского» (знакомых нашего «Игумена», с успехом послужившего под началом всех троих).

116 Иова, первого Патриарха Всероссийского, друга царю Борису Годунову 1589-1605 («Смиренный, божьей милостью патриарх московский и всея Руси»)

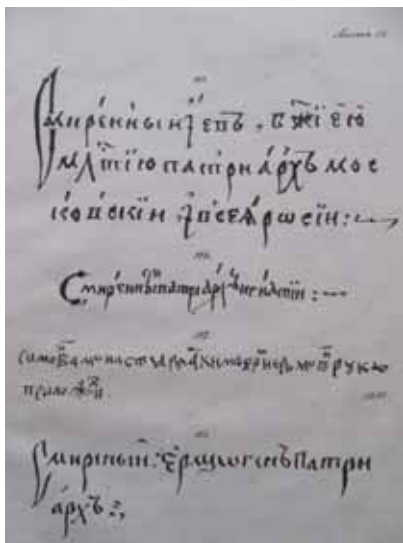
117 Самозванцева Лжепатриарха Игнатия («Смиренный патриарх игнатий») <ставленника Лжедмитрия>

118 и 119 Симонова монастыря Архимандрита Гермогена, бывшего патриархом во время междоусобия 1606-1612 («Симонова монастыря Архимандрит Ерьмоген *руку приложил* 1580» и «Смиренный Ермоген Патриарх») <ставленника Василия Шуйского>.

На этом листе все три патриарха в своих подписях употребили слово «Смиренный», а третий (в бытность **архимандритом**) ещё и «*руку приложил*». Думаю, что Достоевский, методом контаминации, создал из пушкинских строк и этих автографов (из *погодинского* издания) **каллиграфическую** подпись, в которой отобразил пушкинского «Игумена», так тесно связанного с **каллиграфом Григорием**. Осталось выяснить, к чему именно он *приложил руку*?

Возвращаясь к Карамзину, заметим, как в эпизоде уже после воцарения Лжедмитрия, Николай Михайлович, единственный раз во всей «Истории», упоминает имя **Пафнутий** и с очень интересными подробностями.

«Пытали, казнили, душили в темницах, лишали имения, ссылали

за слово о расстриге. По таким ли доносам, или единственно опасаясь нескромности своих старых приятелей, Лжедмитрий велел удалить многих Чудовских Иноков в другие, пустынные Обители, хотя (что достойно замечания) оставил в покое Крутицкого **Митрополита Пафнутия** <(занимавшего эту должность первого патриаршего наместника с 1605-1611 г., то есть со времени прихода Самозванца, курсив Г. К.)>, который с первого взгляда узнал в нем Диакона Григория, быв в его время **Архимандритом** сего монастыря, но, как вероятно, лицемерным или

бессовестным изъявлением усердия к Самозванцу спас себя от гонения. Молчали и другие в боязни, так что столица казалась тихою».¹¹

То есть **смиранный игумен**-архимандрит Чудовский, он же впоследствии митрополит Крутицкий и Коломенский (подсказка Достоевского: «все эти наши старые **игумены и митрополиты**») **Пафнутий, руку приложил** к истории с Самозванцем, за что и был помилован и возвышен, при восшествии того на престол, за **смирение**, в отличие от выступившего против Лжедмитрия, патриарха Иова, арестованного во время богослужения и отправленного в ссылку. Самозванный царевич очень ценил преданность и щедро вознаграждал за неё. Скорее всего, прекрасно знающий эти подробности, Достоевский полагал, что образованный читатель ещё в первой сцене (до ориентировки Мышкиным на Костромскую губернию в эпизоде с семейством Епанчиных), при упоминании **игумена Пафнутия**, сразу вспомнит пушкинскую драму, сразу поймёт, куда клонит автор романа «Идиот». А далее, при желании, следуя Карамзину и второму *погодинскому изданию* (где есть подписи героев «Бориса Годунова»), разберётся в авторской задумке во всех тонкостях. (Очень жаль, что не сохранилась драма «Борис Годунов» самого Достоевского, из которой можно было бы узнать его собственную версию интересующих нас событий.) Своеобразным территориальным подтверждением темы самозванства в романе может служить рассказ генерала Иволгина о том, как тот был камер-пажом у Наполеона. В нем опосредованно фигурирует **Чудов монастырь**.

«Пусть, когда засыплют мне глаза землей, пусть тогда появятся

¹¹ Там же. С. 217-218

и, без сомнения, переведутся и на другие языки, не по литературному их достоинству, нет, но по важности громадных фактов, которых я был очевидным свидетелем, хотя и ребенком; но тем паче: как ребенок, я проникнул в самую интимную, так сказать, **спальню «великого человека»!**» (8. 414).

«Всего чаще находился при нем **Даву**, как теперь помню: огромный, полный, хладнокровный человек в очках, с странным взглядом. С ним чаще всего советовался император» (8. 415).

Именно в Чудовом монастыре располагался штаб Наполеона, а спальней Даву был алтарь, куда поместили походную кровать маршала (в «спальню «великого человека»!). Не исключено, что, взяв «великого человека» в кавычки, Достоевский намекает на маршала, а не на императора. История со спальней в алтаре настолько известна, что сведущий читатель должен был отреагировать на рассказ генерала и вспомнить, что большинство описываемых Иволгиным событий происходило на территории Чудова монастыря. В дальнейшем художник Василий Верещагин в цикле работ о войне 1812 г. изобразил маршала Даву в Кремле, для которого в Чудовом монастыре, в алтаре была установлена походная кровать, прямо на месте выброшенного престола.

Верещагин В. В. Маршал Даву в Чудовом монастыре. [Изоматериал]: [открытка]. – СПб: Ришар, [1909]:

(Имя Даву в романе упоминается 11 раз, как и имя Пафнутий.)

В связи с этим любопытна фамилия Евгения Павловича Радомского (упомянутая в тексте 6 раз), с которым Мышкин сошёлся особенно близко уже к концу романа. Вот две цитаты из «Истории» Карамзина:

«Удальцы Донские сели на коней, чтобы присоединиться к толпам Самозванца. Между тем усердный слуга его Пан Михайло **Ратомский**, Остерский Староста, волновал нашу Украину чрез своих лазутчиков и двух Монахов Русских. <...>

Кто бежал в Галицию к Самозванцу, кто в Киев, где **Ратомский** также выставил знамя для собрания вольницы: он поднял и Козаков Запорожских, прельщенных мыслию вести бывшего ученика своего на Царство Московское»¹².

Как мы видим, в их фамилиях расхождение всего в одну букву. Случайно ли? Вспомним ещё раз, что Достоевский, написавший своего «Бориса Годунова», должен был знать всё, что касалось *смутного времени* в «Истории» Карамзина, если не наизусть, то близко к тексту. Такие «совпадения» концентрируя наше внимание должны лишний раз обращать его на строку о *смирном Пафнутии*.

Теперь рассмотрим само слово **самозванец** (*самозванство*) в творчестве Достоевского.

---

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб, 1835. Т.11. С. 131

Впервые появляется в повести «Двойник». *Самозванец* (*самозванство*) фигурирует 8 раз, *Гришка Отрепьев* 1 раз.

«Дядюшкин сон» 1 раз.

«Бесы» *самозванец* 3 раза и 2 раза *Гришка Отрепьев*. «Братья Карамазовы» 1 раз.

Во всех художественных произведениях всего тринадцать раз. Имя Отрепьева (как синоним самозванства) только трижды. Повесть «Двойник», видимо, занимает особое место.

«А **самозванством** и бесстыдством, милостивый государь, в наш век не берут. **Самозванство** и бесстыдство, милостивый мой государь, не к добру приводит, а до петли доводит. **Гришка Отрепьев только один, сударь вы мой, взял самозванством, обманув слепой народ, да и то ненадолго**» (1. 167-168).

О *двойничестве* и *самозванстве* в повести «Двойник» писали Г. А. Федоров, Д. С. Лихачев, В. Н. Топоров, А. М. Панченко, В. Н. Захаров. Но в ней Достоевский открыто поднимает тему самозванства и употребляет само слово. Другое дело роман «Идиот».

Слово *самозванец* в тексте романа открыто не прозвучало. Однако присутствует в завуалированной форме его французский перевод. Аглая обращается к Лебедеву, на даче которого происходит этот разговор.

« – Послушайте, господин Лебедев, правду про вас говорят, что вы Апокалипсис толкуете? – спросила Аглая.

– **Истинная правда... пятнадцатый год.**

– Я о вас слышала. О вас и в газетах печатали, кажется?

– Нет, **это о другом толкователе**, о другом-с, и **тот номер**, а я за него остался, – вне себя от радости проговорил Лебедев.

– Сделайте одолжение, растолкуйте мне когда-нибудь на днях, по соседству. **Я ничего не понимаю в Апокалипсисе.**

– Не могу не предупредить вас, Аглая Ивановна, **что всё это с его стороны одно шарлатанство**, поверьте, – быстро ввернул вдруг генерал Иволгин, ждавший точно на иголочках и желавший изо всех сил как-нибудь начать разговор; он уселся рядом с Аглаей Ивановной, – конечно, дача имеет свои права, – продолжал он, – и свои удовольствия, **и приём такого необычайного интруса** для толкования Апокалипсиса есть затея, **как и другая**, и даже затея замечательная по уму, но я... Вы, кажется, смотрите на меня с удивлением? Генерал Иволгин, имею честь рекомендоваться. Я вас на руках носил, Аглая Ивановна» (8. 203).

Интрус – самозванец (франц. intrus).

Как мы не раз убеждались, Достоевский использует «россказни» генерала Иволгина для передачи информации стратегического значения, разделяя их смысл на шутивно-поверхностный и скрыто-глубинный (о котором сам генерал, чаще всего даже не подозревает). То есть в одной фразе одна информация идёт от персонажа, а другая

от самого Достоевского. {Подобный приём, в отношении дважды не упоминаемого открыто Остермана-Толстого, разбиралась В. А. Викторovichем (рассказ генерала Иволгина о похороненной ноге Лебедева)¹³ и мною, в статье «Разговор с Толстым» {беседа Мышкина и Ипполита о Степане Глебова (*Кративин Г. Н.* Штрихи к портрету главного героя (Разговор с Толстым). // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные доклады и тезисы. / Под общей редакцией И. Л. Волгина. – М.: Фонд Достоевского, 2012-2014. С. 391-394.}). Заметим, что здесь французское слово «*интрус*» написано кириллицей (без сноски и перевода). Даже человек, хорошо владеющий французским, может не обратить внимания на значение такого важного слова, а не владеющий без посторонней помощи никогда не поймёт, что речь идёт о самозванце! Какими же знаниями в разных областях и какой реакцией нужно обладать, чтобы не то что понять, а хотя бы заметить такую тонкую игру? Для каких читателей она затевалась? Если разделить смысл фразы генерала, то не совсем понятно, чья дача, которая имеет «*свои права <...> и свои удовольствия*», имеется в виду. Речь может идти как о Даче Епанчиных, так и о даче Лебедева (а возможно и об обеих). В дальнейшем, при разговоре о *Капитоне Еропегове* (8. 395-396), Достоевский опять использовал подобный приём, но на этот раз в авторской речи сделал открытое пояснение: «*Генерал кричал в азарте, но так, что можно было подумать, что дело шло об одном, а крик шёл о другом*». Считаю, что это пояснение можно отнести и к фразе генерала об *интрус*е (и не только к ней, это вообще масштабный приём Достоевского, особенно в отношении генерала Иволгина). После авторской ремарки и до слов «*для толкования Апокалипсиса*», Иволгин, казалось бы, намекает на преимущество перед ним Лебедева в том, что тот является на данный момент хозяином дачи, на которой происходит разговор, и, следовательно, пользуется *правами* и *удовольствиями*, которые она даёт. Трудно предположить, что генерал может намекать на подобное преимущество Аглаи? Если же это дача Лебедева, тогда о *приёме* какого «*такого необычайного интруса*» может идти речь? Союз «*и*» соединяет по смыслу продолжение фразы после запятой с её началом, и тогда Мышкин, переснимающий эту дачу, есть тот самый *необычайный интрус*, которого принимает у себя Лебедев. Однако слова «*для толкования Апокалипсиса*» отвлекают от такой трактовки, давая понять, что генерал имел в виду под *интрусом* самого *шарлатана* Лебедева, которого Аглая якобы собирается *принимать* на своей даче. Но её слова «*растолкуйте мне когда-нибудь на днях,*

¹³ Викторovich В. А. Дополнения к комментарию...// Достоевский: Материалы и исследования. Т. 10. СПб: Наука, 1992. С. 157-158.

по соседству» сообщают лишь о желании увидеться для беседы, но не уточняют, где именно таковая может произойти и уж тем более не являются приглашением. В этом же эпизоде, через некоторое время, уже после прочтения *баллады*, прозвучал такой диалог между Елизаветой Прокофьевной и Лукьяном Тимофеевичем:

«– А, продаёшь, так и спасибо. Своего не потеряешь небось; только не кривляйся, пожалуйста, батюшка. Слышала я о тебе, ты, говорят, преначитанный, когда-нибудь потолкуем; сам, что ли, снесёшь ко мне?»

– С благоговением и... почтительностью! – кривлялся необыкновенно довольный Лебедев, выхватывая книги у дочери.

– Ну, мне только не растеряй, снеси, хоть и без почтительности, но только с уговором, – прибавила, она, пристально его оглядывая, – **до порога только и допущу, а принять сегодня тебя не намерена.** Дочь Веру присылай хоть сейчас, мне она очень нравится» (8. 212).

То есть Достоевский подтверждает, что *принимать* Лебедева, несмотря на видимый интерес к нему и даже на то, что он отдаёт *фамильного Пушкина*, на даче Епанчиных не собираются. Исходя из текста, мы видим, что ни «сегодня», ни в дальнейшем побывать на ней Лукьяну Тимофеевичу «для толкования *Апокалипсиса*», так и не случилось. Единственный раз он попал туда совсем по другому поводу, не к Аглае и отнюдь не с парадного входа. («*тотчас допустили, немедленно, даже с усиленную поспешностью, задним ходом... к благороднейшей матери*»). Но если всё же Ардалион Александрович под *интрусом* подразумевал Лебедева, то чрезвычайно интересна концовка этого необычного предложения, придающая фразе двойной, хоть и недосказанный смысл (с непосредственно авторской информацией). Если слова «*есть затея*» относятся к словам «*прием <...> интруса*» – *толкователя апокалипсиса* Лебедева, которого на даче Епанчиных принимать не собираются, тогда что означает продолжение: «*как и другая*», затея относящаяся уже явно не к Лебедеву? Эти слова свидетельствуют, что есть две затеи, и что вся фраза имеет второй смысл. Не та ли это затея, что предполагается приём другого, более значимого *интруса* на даче Епанчиных? Заметим, что в этот период там ждали и готовились к приёму князя.

«Еще третьего дня генерал сообщил своему семейству карточку князя; эта карточка возбудила в Лизавете Прокофьевне неприменную уверенность, что и сам князь прибудет в Павловск для свидания с ними **немедленно** вслед за этою карточкой. <...>

На другой день она прождала целое утро; ждали к обеду, к вечеру, и когда уже совершенно смерклось, Лизавета Прокофьевна рассердилась на всё и перессорилась со всеми, разумеется, в мотивах ссоры ни слова не упоминая о князе. Ни слова о нем не было упомянуто и во весь третий день. Когда у Аглаи сорвалось невзначай за обедом, что тапан

сердится, **потому что князь не едет**, на что генерал тотчас же заметил, что «ведь он в этом не виноват», – Лизавета Прокофьевна встала и во гневе вышла из-за стола» (8. 200).

А ещё ранее, через месяц после отъезда князя, получив о нём письмо из Москвы от *старухи княгини Белоконской*, не собирались ли по её совету выдать одну из сестёр замуж за Льва Николаевича? И, возможно, уже наметилось, за которую именно. Ардалион Александрович мог узнать об этих планах из разговоров своей дочери, вхожей в семейство Епанчиных.

«По поводу же известий о Гавриле Ардалионовиче можно было бы предположить, что они занесены были к Епанчиным Варварой Ардалионовной, как-то вдруг появившеюся у девиц Епанчиных и даже **ставшею у них очень скоро на очень короткую ногу**, что чрезвычайно удивляло Лизавету Прокофьевну» (8. 151).

В дальнейшем стало очевидно, что она была в курсе если не всех, то очень многих дел, происходящих в их доме.

«По правде, Варвара Ардалионовна в разговоре с братом несколько преувеличила точность своих известий о сватовстве князя за Аглаю Епанчину (8. 420).

То, что *другая затея* имеет отношение к князю {как и к другому «предмету» этой *затеи*, (то есть Аглае)}, на мой взгляд, говорят дальнейшие слова генерала Иволгина: «*Я вас на руках носил, Аглая Ивановна*» (8. 203). Как связующее подтверждение вспоминается заявление Ардалиона Александровича (из первой части романа), обращённое к Мышкину: «– **Я вас на руках носил-с**» (8. 81). Тогда получается, что *такой необычайный интрус-самозванец* в этой *другой затее* есть князь Лев Николаевич, а Ф. М. предупреждает, «**что всё это с его стороны одно шарлатанство**» как минимум в отношении брака, учитывая недуг князя, дважды объявленный им самим (8. 14 и 32), о котором генерал мог узнать от Лебедева или от Гани. Предполагаемое генералом самозванство Лебедева, как толкователя апокалипсиса (в *первой затее*), слишком мелко для замысла Достоевского и является лишь отвлекающим манёвром от стратегической фигуры Льва Николаевича. («*Чтоб этот ястреб вздумал бить такую низменную птицу*».) К тому же, исходя из высказываний Лебедева, можно предположить, что как толкователь апокалипсиса он является уже «*пятнадцатый год*» последователем открытия *другого толкователя*, известного берлинского профессора Фердинанда Бенари {о числовом значении еврейских букв (1841 г.)}, а отнюдь не самозванцем.

Считаю, что всё рассуждение генерала об *интрус*е устроено автором для связи этого слова с фразой «*Смирный игумен Пафнутий руку приложил*» и является вторым скрытым подтверждением Достоевского о некоем самозванстве главного героя. Наделяя Льва Николаевича

талантом каллиграфии (который был у Отрепьева) и привязывая его мифической «подписью» к пушкинскому безымянному «игумену», *приложившему руку* к истории Смутного времени, Достоевский свидетельствует о том, что князь, увы, *интрус*-самозванец, а мы, чтобы понимать авторские замыслы, должны быть более внимательны и хорошо знать и понимать Пушкина. Вот, что, как мне кажется, хотел сообщить нам Достоевский в самом начале своего романа.

В данной статье нам необходимо было выявить только сам факт самозванства Мышкина, не задаваясь пока вопросом, в чем оно именно проявилось, и что этим хотел сказать нам Фёдор Михайлович. Уже сам этот факт может служить веским доказательством не только того, что Мышкин всерьёз не планировался ни «*Князем Христом*», ни «*положительно прекрасным человеком*» {хотя как самозванец мог носить их черты и «*...пленять красотой*» (16. 363)}, но и того, что Достоевский несколько лукавил в своих письмах к Аполлону Майкову и Соне Ивановой (31.12.1867. и 1.01.1868). Однако это говорит не об умалении, а об увеличении масштабности образа Мышкина, а также о более сложных задачах, которые с его помощью хотел решить Достоевский. Наше исследование никоим образом не преследует цели очернить «**личность**» Мышкина. Его задача максимально погрузиться в этот сложнейший в мировой литературе **образ**, учитывая малейшие намёки, которые предоставляет нам Достоевский в тексте своего романа.

В номере:

<i>Артур Кураш.</i> Улыбка Катерины-Уафэнэху. <i>Статья</i>	2
<i>Карло Вечче.</i> Улыбка Катерины, матери Леонардо. <i>Гл. из романа</i>	19
<i>Муталип Беппаев.</i> <i>Стихи</i>	44
<i>Людмила Шауцукова.</i> Гардероб невесты. Нафисат. Кукла. Мечта. <i>Рассказы</i>	51
<i>Тахир Толгуров.</i> Гвоздь Атабия. Туфли. Жмых. Дробь 16. Лучший курсант. <i>Рассказы</i>	66
<i>Радима Нагоева.</i> Дерево. <i>Рассказ (перевод А. Карма)</i>	86
<i>Сакинат Абаева.</i> Песня моей души – мой Чегем. <i>Эссе</i>	94
<i>Марьяна Люева.</i> Свое. <i>Рассказ</i>	104
<i>Мухаммад Ахмад Мухалла.</i> Когда пришла Сина. <i>Рассказ</i>	118
<i>Аскер Додуев.</i> Манас. <i>Статья</i>	123
<i>Петр Хату.</i> <i>Стихи</i>	127
<i>Юрий Тхагазитов, Зита Каскулова.</i> Эволюция творчества Алима Кешокова в жанре национальной баллады. <i>Статья</i>	133
<i>Исмаил Шаваев.</i> Проблема человеческого бытия в поэзии К. Кулиева. <i>Статья</i>	144
<i>Тамара Биттирова.</i> Этнограф и писатель. <i>Статья</i>	150
<i>Мурзабек Кошев.</i> Творчество педагога-новатора. <i>Статья</i>	160
<i>Жаухар Аппаева.</i> Разные судьбы. <i>Статья</i>	164
<i>Георгий Крапивин.</i> Роман «Идиот». К чему приложил руку игумен Пафнутий? <i>Статья</i>	172

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.10.2023. Подписано к печати 30.11.2023.
Выход в свет 25.12.2023. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 920 экз. Заказ №2649. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 46,45 руб., за 6 мес. – 139,35 руб.

В розницу – цена свободная.
Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 42-75-22,
редакторы – 42-75-22,
сайт: smikbr.ru/lkb
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

---

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с
электронной версией.*

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона, адрес электронной почты).

18-23.10.2023. г. Нальчик. Творческая мастерская писателей Северо-Кавказского федерального округа. Организаторы мероприятия – Ассоциация союзов писателей и издателей России

2024

С Новым годом,
дорогие читатели!